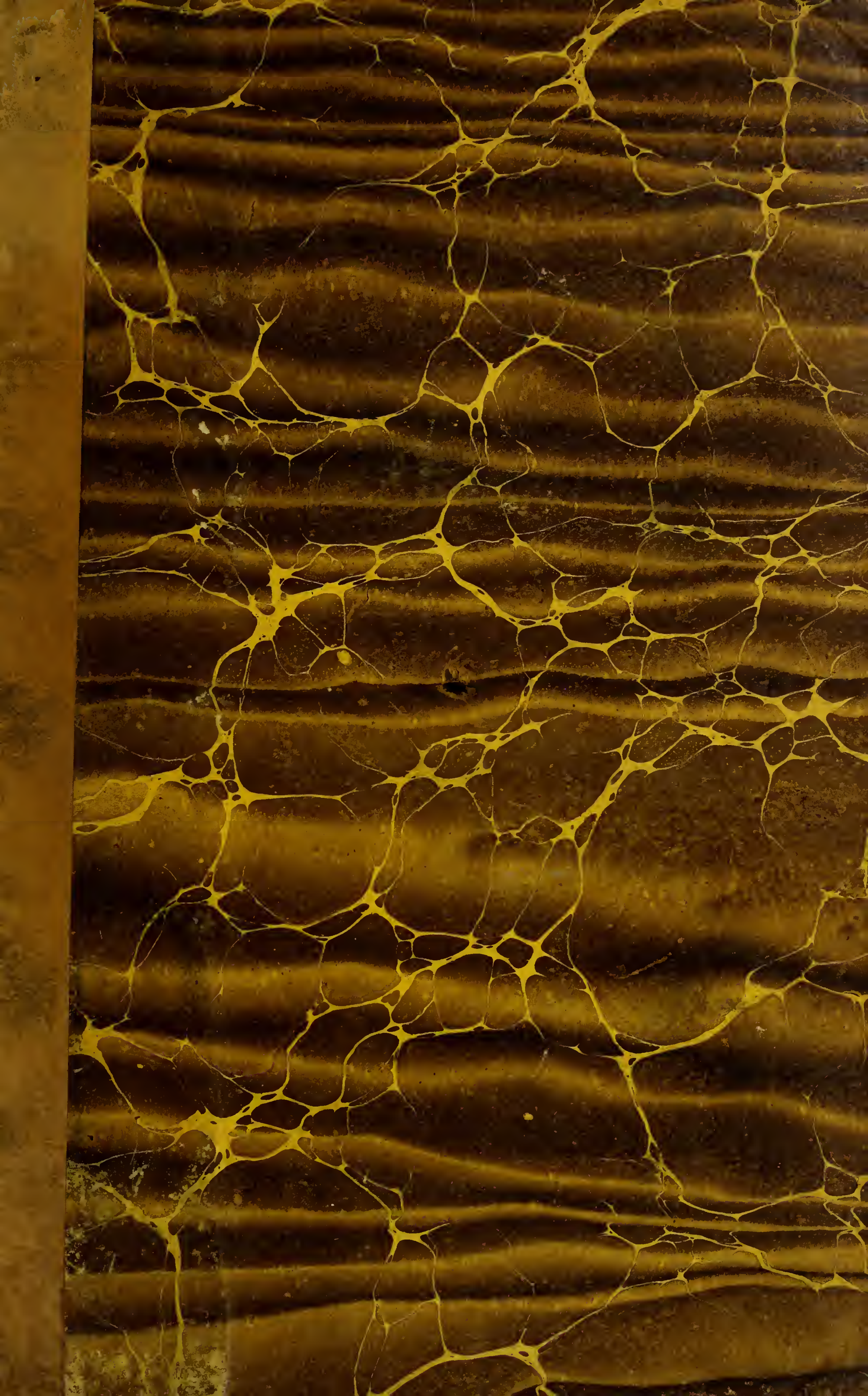
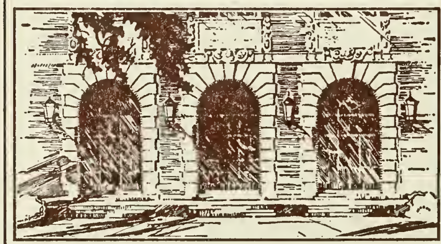
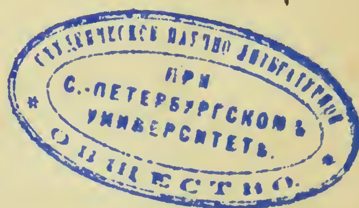
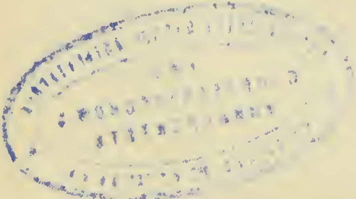

ИНДИВИДУАЛИЗМЪ

Л. ГЕЛЛЕНБАХЪ

ИНДИВИДУАЛИЗМЪ

ВЪ СВѢТѢ БІОЛОГІИ

и

СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФІИ

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ

Владиміра С. Соловьева

Изданіе А. Н. Аксакова

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

1884

СОДЕРЖАНІЕ.

Предисловіе къ русскому переводу.

Отстоять научнымъ путемъ самостоятельность нашего индивидуальнаго существа и найти ему особое мѣсто между всепоглощающимъ «абсолютнымъ» германской философіи и всеразлагающимъ механизмомъ естествознанія — вотъ интересная задача «индивидуализма».

Духъ человѣческій, создавши отвлеченную философію и отвлеченное естествознаніе, подъ конецъ долженъ убѣдиться, что эти сложныя и искусныя постройки имѣютъ одинъ серьезный недостатокъ: въ нихъ нѣтъ мѣста самому зодчему.

Съ одной стороны умозрительный пантеизмъ воздвигаетъ свое «абсолютное» только на отвлеченіи ото всего индивидуальнаго, не замѣчая, что при этомъ само «абсолютное» превращается въ пустое мѣсто; съ другой стороны въ господствующемъ нынѣ «позитивномъ» міровоззрѣніи нашъ умъ, высчитывая элементы вселенной, наивнѣйшимъ образомъ пропускаетъ самого себя.

Каково бы ни было различіе и даже противуположность между метафизикой идеализма и позитивнымъ воззрѣніемъ современныхъ натуралистовъ, они сходятся въ одномъ: и тамъ и здѣсь самъ человѣкъ ни при чемъ. Если сущность и смыслъ вселенной заключаются въ такихъ вещахъ какъ «безусловное тождество», «абсолютная

идея», «безсознательное» и тому подобное, то человѣку съ его душевными потребностями и жизненными задачами здѣсь нѣтъ мѣста; ему нѣтъ мѣста и въ томъ случаѣ, если вселенная есть лишь сложный механизмъ движущагося вещества. Въ первомъ случаѣ человѣкъ теряется какъ преходящій моментъ въ безразличіи абсолютнаго, во второмъ случаѣ онъ исчезаетъ какъ минутное сочетаніе матеріальныхъ частицъ слагающихся и вновь разлагающихся. Подобные взгляды на человѣка, помимо того, нравятся они намъ или нѣтъ, прямо разрушаютъ сами себя своею внутреннею несообразностью, и если мы ихъ отвергаемъ то не потому, что они не человѣчны, а потому, что они неразумны.

Прежде всего, что бы намъ ни говорила философія идеализма и философія матеріализма, мы должны помнить, что сама эта философія, всѣ ея системы абсолютныхъ идей и всѣ ея системы атомовъ суть лишь продукты человѣческаго ума, не имѣющіе и не могущіе имѣть притязанія ни на какое другое значеніе.

«Міръ есть абсолютная идея». Но, какъ долженъ признать самъ Гегель, эта идея достигаетъ до самосознанія и дѣйствительно мыслится только въ человѣческомъ духѣ, т. е. другими словами все, что мы знаемъ объ этой идеѣ, мы почерпаемъ только изъ своей человѣческой мысли.

«Міръ есть механизмъ движущихся атомовъ». Но откуда же берется самое понятіе объ этихъ атомахъ и все, что намъ о нихъ толкуютъ, какъ не изъ той же нашей человѣческой мысли?

И вотъ въ то время, какъ одни мыслители утверждаютъ, что дѣйствительный человѣкъ есть лишь моментъ абсолютной идеи (Гегель), или же только комбинація вещественныхъ частицъ (матеріалисты), другіе съ бо̀льшею послѣдовательностію замѣчаютъ, что сама

абсолютная идея есть лишь мысль человѣческаго ума (Фейербахъ), и что самъ вещественный механизмъ природы есть только наше человѣческое представленіе, рядъ состояній нашего сознанія и сама матерія только возможность такихъ состояній (Милль, Тэнъ).

Вселенная есть развитіе идеи, утверждаетъ абсолютная логика Гегеля; однако эта идея можетъ здѣсь мыслиться только человѣческимъ умомъ, который между тѣмъ есть лишь послѣдній членъ (заключеніе) этого идеальнаго развитія. Человѣческое сознаніе есть лишь состояніе матеріи—возвѣщаетъ матеріализмъ; а матерія есть лишь состояніе нашего сознанія—поясняетъ эмпирическая философія. Міръ есть механизмъ; но строеніе этого механизма есть дѣло нашего мозга, а самъ мозгъ есть лишь мельчайшее и ничтожнѣйшее колесо въ этомъ механизмѣ. Таково существенное противорѣчіе въ современномъ міросозерцаніи. Противъ утвержденія идеалиста, что человѣкъ со своимъ сознаніемъ есть лишь моментъ абсолютной идеи, равно какъ и противъ утвержденія матеріалиста, что человѣкъ и его сознаніе есть лишь состояніе матеріи, всегда имѣетъ силу заключеніе эмпирика, который, разлагая какъ понятіе матеріи, такъ и понятіе абсолютной идеи, находитъ, что и сама идея и сама матерія суть лишь состоянія нашего человѣческаго сознанія. Но и эмпирикъ никакъ не можетъ успокоиться на этомъ заключеніи, потому что опытъ тотчасъ подсказываетъ ему, что состоянія нашего сознанія не существуютъ иначе какъ въ связи съ отправленіями мозга, а мозгъ есть одно изъ явленій матеріальнаго міра; слѣдовательно этотъ матеріальный міръ предшествуетъ нашему сознанію и никакъ не можетъ быть только состояніемъ сознанія.

Изъ этого противорѣчія, что съ одной стороны нашъ физическій міръ есть лишь мозговой феноменъ (Gehirns-

phänomen), а между тѣмъ самъ мозгъ есть лишь одинъ изъ феноменовъ нашего физическаго міра,—изъ этого явнаго и грубаго противорѣчія не могли вполнѣ выпутаться такіе остроумные изслѣдователи какъ Гербертъ Спенсеръ и такіе сильные мыслители какъ Шопенгауеръ. Сущность этого противорѣчія состоитъ въ несоотвѣтствіи между субъективнымъ значеніемъ человѣка какъ носителя (субъекта) всякаго познанія, всякой мысли и слѣдовательно всякой истины и его объективнымъ ничтожествомъ въ силу той же имъ самимъ познаваемой и мыслимой истины. Когда философствующій человѣкъ на основаніи имъ самимъ измышленнаго понятія о природѣ признаетъ себя обреченнымъ на ничтожество, то это похоже на судью, который самъ сочинилъ бы законъ и на основаніи этого закона самъ осудилъ бы себя на смертную казнь. Съ точки зрѣнія идеализма и матеріализма внутренній міръ человѣка, какъ познающаго истину субъекта, остается самъ по себѣ, а внѣшнее положеніе и судьба того же человѣка какъ члена природы остается само по себѣ,—между тѣмъ и другимъ нѣтъ никакого соотношенія и связи; а это значитъ, что смыслъ какъ человѣка такъ и природы остается непонятымъ; ибо смыслъ (λογος, ratio) заключается именно въ соотношеніи и внутренней связи предметовъ. Человѣкъ, познающій истину не смотря на свое ничтожное и рабское положеніе въ природѣ, и природа, уничтожающая человѣка не смотря на его истину, — очевидно не имѣютъ никакого смысла другъ для друга, между ними нѣтъ никакой внутренней связи, никакого необходимаго соотношенія. Человѣкъ не смотря на свое пониманіе природы не имѣетъ надъ нею власти, а природа не смотря на свою силу надъ человѣкомъ не имѣетъ разума. И такъ они и остаются чужими и враждебными другъ другу не смотря на то, что

съ той же точки зрѣнія человѣкъ есть лишь порожденіе природы, а природа — представленіе человѣка.

И идеальныя построенія трансцендентныхъ философовъ и механическія построенія философствующихъ натуралистовъ не только смысла вселенной не открыли, но и путь къ нему затеряли. Представители этихъ ученій не всегда высказываются до конца, но когда они рѣшаются сказать свое послѣднее слово о мірѣ, то это послѣднее слово оказывается безсмыслицею. На нашъ взглядъ это означаетъ только, что усиленное развитіе идеальной философіи и матеріальной науки въ послѣдніе три или четыре вѣка было болѣе блестящимъ, нежели плодотворнымъ, и что окончательный результатъ этого развитія есть рѣшительное крушеніе тѣхъ принциповъ, которые поперемѣнно господствовали въ новой философіи и въ новой наукѣ.

Эта философія и эта наука имѣютъ свои частныя заслуги, которыя отъ нихъ не отнимутся. Но если общая теоретическая цѣль человѣческаго знанія состоитъ въ томъ, чтобы понять смыслъ вселенной, то ни новая философія, ни новая наука не представляютъ намъ прямаго пути къ достиженію этой цѣли.

Понять смыслъ міра значитъ прежде всего понять внутреннее и необходимое соотношеніе (λογος, ratio) между двумя терминами дѣйствительнаго познанія—человѣкомъ какъ познающимъ и природой какъ познаваемою. Но вмѣсто того, чтобы найти такое соотношеніе этихъ двухъ необходимыхъ терминовъ, матеріализмъ и идеализмъ одинаково теряютъ обоихъ. Ибо въ матеріализмѣ и человѣкъ и природа, разложенные на безконечно мелкія частицы, теряютъ всю свою живую дѣйствительность, и точно также они ее теряютъ въ идеализмѣ, испаряясь въ діалектикѣ отвлеченныхъ понятій. Въ окончательномъ результатѣ обоихъ этихъ воззрѣній вся реальность и по-

знающаго и познаваемаго вмѣсто того, чтобы быть осмысленной, просто исчезаетъ въ пустыхъ отвлеченностяхъ.

Такой одинаковый неуспѣхъ кажется довольно ясно намекаетъ, что все это великое умственное развитіе новой Европы—какъ въ своемъ чисто философскомъ, такъ и въ своемъ положительно-научномъ развѣтвленіи — страдаетъ какимъ-то общимъ кореннымъ недугомъ, поражено какимъ-то первороднымъ грѣхомъ.

Слѣдя исторически за ходомъ исключительно-механическаго воззрѣнія, господствующаго въ точныхъ наукахъ, а равно и за ходомъ идеализма, господствовавшаго въ философіи, мы приходимъ къ ихъ общему началу, въ которомъ и корень ихъ общаго недуга. Я разумѣю картезіанство и основную ошибку этой школы, усвоенную общеевропейскимъ просвѣщеніемъ, — отъ которой старался избавить философію Лейбницъ, а потомъ Шеллингъ, и отъ которой быть можетъ окончательно избавиться европейскому образованію суждено инымъ, не умозрительнымъ путемъ. Если бы эта ошибка принадлежала только одной философской системѣ, то ее можно было бы вмѣстѣ съ окказіональными причинами Гейлинкса или вихрями того же Декарта сдать въ обширный архивъ школьныхъ заблужденій; но какъ тяготѣющая сознательнымъ или безсознательнымъ образомъ надо всѣмъ европейскимъ просвѣщеніемъ она имѣетъ огромную важность. Это роковое заблужденіе въ своемъ простѣйшемъ видѣ, въ какомъ оно является у самого Декарта, заключается въ признаніи дѣйствительнаго существованія въ нашемъ мірѣ двухъ безусловно особыхъ и независимыхъ другъ отъ друга субстанцій: съ одной стороны мертваго вещества, вся суть котораго полагается въ косномъ протяженіи (res extensa seu substantia corporalis), и съ другой стороны безплотнаго не матеріаль-

наго духа, вся суть котораго полагается въ чистомъ мышленіи (res cogitans seu substantia spiritualis). Между тѣмъ ни чистаго вещества, состоящаго въ одномъ протяженіи, ни чистаго духа, состоящаго въ одномъ мышленіи—на самомъ дѣлѣ не существуетъ и—какъ было показано еще Лейбницомъ — существовать не можетъ. Это суть чистые фикціи нашего ума.

Происхожденіе этихъ фикцій не имѣетъ въ себѣ ничего загадочнаго. Одна изъ основныхъ способностей и дѣятельностей нашего духа есть, какъ извѣстно, отвлеченіе, въ силу котораго нашъ умъ, разсматривая существующее, останавливаетъ свое вниманіе на той или другой его сторонѣ, на томъ или другомъ элементѣ, закрывая глаза на все остальное. Эта умственная дѣятельность необходима, но необходима только вслѣдствіе ограниченности нашего ума неспособнаго обнимать разомъ всю полноту дѣйствительности и принужденнаго въ каждый данный моментъ сосредоточиваться только на одномъ, отвлекаясь ото всего остальнаго. Понятно, что изъ этой условной необходимости отвлеченія никакъ не можетъ вытекать безусловная истинность его результатовъ. Отвлекая и комбинируя продукты отвлеченія можно очень далеко уйти ото всякой дѣйствительности. При этомъ невольно вспоминается всегдашній примѣръ крайняго отвлеченія—математика съ ея мнимыми величинами. Извѣстно, что математики оперируютъ съ такими величинами, которыя они сами называютъ мнимыми, такъ какъ имъ ничего въ дѣйствительности не соотвѣтствуетъ и соотвѣтствовать не можетъ. Пользуясь для своихъ цѣлей этими мнимыми величинами, математика не принимаетъ и не выдаетъ ихъ за дѣйствительныя. Но философія занимается не столь простымъ и яснымъ предметомъ какъ числа, и потому здѣсь слу-

чаются такія ошибки, которыя невозможны въ математикѣ. Такъ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій ученый міръ упражнялся надъ протяженной и мыслящею субстанціями Декарта—и не подозрѣвая, что это не болѣе какъ мнимыя величины.

Первымъ слѣдствіемъ этой пагубной ошибки былъ разрывъ между натуральной философіей, превращенной въ науку о мертвомъ веществѣ и скоро раздробившейся на множество частныхъ наукъ и отказавшейся отъ самаго названія философія — и между идеальной философіей, сосредоточившейся въ области чистаго мышленія и скоро потерявшей характеръ науки, т. е. положительнаго и достовѣрнаго знанія.

Раздѣленіе духовныхъ силъ и спеціализація умственнаго труда полезны, когда это совершается въ виду общей истинной цѣли для болѣе успѣшнаго ея достиженія, но умственный разрывъ въ европейскомъ просвѣщеніи имѣлъ другой характеръ. Вслѣдствіе картезіанскаго дуализма, положеннаго въ основу этого просвѣщенія, утратилась самая общность цѣли: для однихъ цѣлью стало познаніе одной мертвой матеріи, для другихъ—познаніе интеллектуальной сущности. Весь ученый міръ Европы раздѣлился на два чуждые и большею частью враждебные другъ другу лагеря: одни занялись исключительно вещественной и механической стороной мірозданія, оставляя безъ вниманія или даже прямо отрицая все духовное; другіе же исключительно сосредоточились на идеальной и логической сторонѣ существующаго, пренебрегая всѣмъ физическимъ и матеріальнымъ. Первые въ своихъ дробныхъ наукахъ, изучая не самоё природу, а только ея мертвый скелетъ, выработали несообразное представленіе міра какъ сплошнаго механизма, какъ огромной машины, которую впрочемъ никто не построилъ и ко-

торая не служитъ ни для какой цѣли *); а вторые въ своей отвлеченной идеалогіи, изслѣдуя на самый духъ человѣческій, а только общіе пріемы и пути его мышленія, дошли наконецъ (въ гегельянствѣ) до понятія вселенной какъ одного силлогизма, при чемъ этотъ силлогизмъ является здѣсь безъ мыслящаго и безъ мыслимаго — силлогизмъ ничей и ни о чемъ **).

Между тѣмъ вся наша дѣйствительность, мы сами и тотъ міръ, въ которомъ мы живемъ, одинаково далеки и отъ чистой мысли, и отъ чистаго механизма. Весь дѣйствительный міръ состоитъ въ постоянномъ взаимноотношеніи и непрерывномъ внутреннемъ взаимодѣйствіи идеальной и матеріальной природы. Но при тѣхъ отвлеченныхъ точкахъ зрѣнія, которымъ подчинилось европейское образованіе, приходилось отдѣлываться отъ этой дѣйствительности или отъ этого взаимодѣйствія матеріальнаго и духовнаго — отдѣлываться при помощи двухъ противныхъ другъ другу предположеній: или нашъ мысленный міръ нужно признать продуктомъ матеріи, или міръ матеріальный считать явленіемъ нашего сознанія. Размышленіе надъ данными опыта подсказываетъ повидимому одинаковую необходимость и того и другаго рѣшенія, а между тѣмъ самая простая логика не допус-

*) Безъ сомнѣнія все, существующее въ природѣ, имѣетъ свою механическую сторону, а потому нѣтъ той области человѣческаго знанія, въ которой механическое воззрѣніе не могло бы предъявить своихъ правъ. Но если оно эти права превращаетъ въ исключительную привиллегію, т. е. механическую сторону даннаго предмета принимаетъ и выдаетъ за весь предметъ, а механическое объясненіе явленій—за полное и окончательное, тогда оно является только произвольнымъ и пагубнымъ заблужденіемъ.

**) Безспорно наравнѣ съ механической стороной міризданія существуетъ въ немъ и логическая сторона, и логика повсюду имѣетъ свои права. Но и здѣсь опять-таки исключительное признаніе своего права ведетъ къ печальнымъ заблужденіямъ.

каетъ совмѣстить эти взаимно другъ друга исключающія положенія.

Выходъ изъ этой смуты ума одинъ: отказаться отъ кореннаго заблужденія, производящаго всю эту путаницу, т. е. рѣшительно признать, что и мертвое вещество и чистое мышленіе, и res extensa и res cogitans, и всемірный механизмъ и всемірный силлогизмъ, суть лишь отвлеченія нашего ума, которыя сами по себѣ существовать не могутъ, но имѣютъ дѣйствительность только въ томъ, отъ чего они отвлечены, въ чемъ-то третьемъ, что̀ не есть ни бездушное вещество, ни безплотная идея. Чтобы обозначить это третье не въ немъ самомъ, а въ самомъ общемъ его проявленіи, мы ска́жемъ, что оно есть жизнь. И чистое вещество, и чистое мышленіе отличаются одинаково характеромъ безжизненности именно потому, что они отвлечены отъ жизни. Жизнь есть именно то, чего недостаетъ и чистому мышленію и чистому веществу. Поэтому понятно, что Декартъ долженъ былъ признать животныхъ за механическіе автоматы, а современный матеріализмъ лишь послѣдовательно распространилъ этотъ взглядъ и на человѣка. Съ другой стороны, если признать, какъ мы это дѣлаемъ, что и мертвое вещество и чистое мышленіе суть лишь отвлеченія ума, то необходимо признать полную реальность того, отъ чего они отвлечены, т. е. необходимо признать полную реальность жизни и наше объясненіе жизни не сводить къ ея отрицанію.

Жизнь есть самое общее и всеобъемлющее названіе для полноты дѣйствительности вездѣ и во всемъ. Мы съ одинаковымъ правомъ говоримъ и о жизни божественной, и о жизни человѣческой, и о жизни природы.

Оставляя въ сторонѣ жизнь божественную, которой не касается авторъ «индивидуализма», и имѣя въ виду только человѣческую и природную жизнь, мы должны

сказать, что общій признакъ этой жизни состоитъ въ послѣдовательности измѣненій, не нарушающихъ существеннаго тождества въ предполагаемомъ субъектѣ этихъ измѣненій. Мы усматриваемъ жизнь только въ тѣхъ измѣненіяхъ, за которыми по нашему убѣжденію скрывается пребывающій субъектъ: жизнь предполагаетъ живущаго. Это живущее, дѣйствующее и страдающее въ перемѣнахъ жизни, измѣняемое, но не уничтожаемое ими, вообще называется душою.

Выйти изъ того основнаго противорѣчія, которое подкапываетъ теоретическія построенія современной философіи и науки, можно только возстановивши истинное понятіе о душѣ. На этомъ пути находится авторъ «индивидуализма». Для такого возстановленія нужно показать прежде всего, что душа какъ начало жизни въ природѣ есть нѣчто бо̀льшее чѣмъ результатъ физическихъ и химическихъ комбинацій матеріи, а также и то, что душа какъ начало жизни человѣческой есть нѣчто бо̀льшее чѣмъ наше повседневное рефлектирующее сознаніе; другими словами, нужно отстоять душу отъ матерьялизма съ одной стороны и отъ односторонняго идеализма, или школьнаго спиритуализма, съ другой. Этой двойной задачѣ посвящены три главныя сочиненія Гелленбаха: «Die Philosophie des gesunden Verstandes», «Die menschlichen Vorurtheile», и «Der Individualismus». Въ этомъ послѣднемъ сочиненіи (которое въ порядкѣ развитія его мысли предшествуетъ другимъ) Гелленбахъ останавливается преимущественно на первой половинѣ своей задачи, на первомъ, біологическомъ вопросѣ, высказывая впрочемъ свои взгляды и относительно втораго пункта.

Съ значительной силой убѣжденія споря противъ біологовъ, не хотящихъ признавать душу въ органической природѣ, авторъ «индивидуализма» доказы-

ваетъ, что органическая жизнь не можетъ ни произойти, ни развиваться однимъ механическимъ путемъ, но требуетъ участія особаго дѣятельнаго начала, или души. Не повторяя аргументовъ, которые читатель найдетъ въ самой книгѣ, укажу только на одинъ интересный и важный фактъ, который невольно приходитъ въ голову при размышленіи объ этомъ предметѣ и на которомъ Гелленбахъ кажется недостаточно сосредоточился *).

Первоначальная основа всякаго органическаго бытія, такъ называемая протоплазма, состоитъ главнымъ образомъ, какъ показываетъ химическій анализъ, изъ такахъ веществъ (протеиновыя тѣла—бѣлковина и проч., затѣмъ углеводы, жиры и проч.), которыя въ химическомъ смыслѣ не только индифферентны другъ къ другу, т. е. не обнаруживаютъ между собой никакого избирательнаго сродства, но въ большинствѣ случаевъ не терпятъ соединенія, такъ что всякое данное соединеніе этихъ веществъ, будучи предоставлено дѣйствію общихъ физическихъ и химическихъ законовъ, быстро разлагается, что и происходитъ съ умершими организмами. Отсюда прямой выводъ тотъ, что если эти чуждыя другъ другу тѣла въ живой протоплазмѣ соединяются и притомъ съ тою опредѣленностью и устойчивостью, которыми обусловлена жизнь, то необходимо допустить въ каждомъ живомъ организмѣ дѣйствіе особой силы, которая преодолѣваетъ химическую индифферентность и механическую косность входящихъ въ его составъ веществъ и образуетъ изъ нихъ одно органическое существо, одно живое тѣло. Эта-то органическая сила, не вытекающая изъ механическихъ и химическихъ свойствъ матеріи, но дѣйствующая черезъ нихъ, неоднородная

---

*) Обстоятельное указаніе этого факта можно найти между прочимъ въ интересной статьѣ д-ра Трифановскаго объ изученіи біологіи (Русскій Вѣстникъ 1880 г.).

съ вещественными стихіями, хотя и связанная съ ними, называется, по свойству своего явленія,—душою живущею.

Присутствіе этой души необходимо для самыхъ первобытныхъ и простѣйшихъ формъ живой и одушевленной протоплазмы, т. е. необходимо для первоначальнаго происхожденія органическаго міра. Особыя дѣйствія этой души, или такихъ душъ, необходимы также и для дальнѣйшаго развитія органическихъ царствъ, для созданія тѣхъ сложныхъ и безчисленныхъ формъ жизни, которыя мы находимъ на нашей планетѣ.

Здѣсь авторъ «индивидуализма» сталкивается съ теоріею Дарвина, или собственно говоря съ систематическими построеніями нѣмецкихъ послѣдователей дарвинизма. Какъ извѣстно, самъ Дарвинъ, по крайней мѣрѣ вначалѣ, въ важнѣйшихъ своихъ сочиненіяхъ по этому предмету, вовсе не придавалъ своей теоріи значенія какой-то всеобъемлющей и всеобъясняющей космогоніи, какою она явилась у его континентальныхъ поклонниковъ. Въ настоящее время наиболѣе серьезные ученые всѣхъ странъ въ безпристрастной оцѣнкѣ дарвинизма приходятъ къ тому заключенію, что теорія естественнаго подбора въ борбѣ за существованіе, какъ она является у Дарвина, есть остроумное и изъ огромнаго запаса опытовъ и наблюденій иллюстрированное указаніе одного изъ условій или факторовъ, способствующихъ прогрессивному развитію органическаго міра, причемъ степень значенія этого условія и предѣлы дѣйствія этого фактора остаются сомнительными и спорными, но во всякомъ случаѣ они не такъ велики, какъ думалъ самъ Дарвинъ, не говоря уже о фанатикахъ дарвинизма *).

*) Какъ всякая научная мысль большаго объема, хотя и односторонняго содержанія, дарвинова теорія не осталась въ предѣлахъ строгой науки, но скоро перешла въ область публичнаго мнѣнія.

Противъ этихъ послѣднихъ, возводящихъ въ догматъ исключительно-механическое развитіе всего живущаго, направляетъ Гелленбахъ свои соображенія и разсужденія, доказывая невозможность такого развитія и необходимость иныхъ, не механическихъ началъ для прогресса растительной и животной организаціи. Я не беру на себя мотивированную оцѣнку этой борьбы индивидуализма противъ нѣмецкихъ дарвинистовъ. Предоставляю это нашимъ ученымъ естествоиспытателямъ. Между ними въ первомъ ряду найдутся такіе люди, которые обратятъ особое вниманіе на попытку связать данныя естественной исторіи съ принципомъ индивидуальныхъ психическихъ силъ *).

Что касается до психологическаго вопроса, входящаго въ задачу Гелленбаха, то при своемъ разрѣшеніи этого вопроса авторъ «индивидуализма» впадаетъ въ весьма важную ошибку, на которую считаю нужнымъ здѣсь указать. Справедливо утверждая противъ школьнаго идеализма, что душа въ существѣ своемъ не тождественна съ нашимъ повседневнымъ сознаніемъ и независима отъ него, справедливо далѣе различая въ цѣлости нашего жизненнаго состава три основныя части,

---

Здѣсь ее постигло, какъ извѣстно, нѣкоторое странное превращеніе. Наиболѣе восторженные поклонники дарвинизма привязали къ этой теоріи социалныя воззрѣнія крайне демократическаго характера, между тѣмъ какъ дарвинизмъ, основанный на вытѣсненіи слабыхъ сильными и на торжествѣ наслѣдственныхъ преимуществъ, можетъ благопріятствовать въ соціальной сферѣ лишь теоріямъ крайняго деспотизма и аристократизма. Это было замѣчено и указано болѣе проницательными писателями демократическаго направленія.

*) Могущественнаго союзника для своихъ біологическихъ взглядовъ нашъ авторъ могъ бы найти въ извѣстномъ англійскомъ натуралистѣ А. Р. Уоллэсѣ, который независимо отъ Дарвина разработалъ теорію сродную съ дарвинизмомъ, но, не найдя въ ней окончательнаго объясненія органическаго прогресса, призналъ въ семъ послѣднемъ дѣйствіе силъ, одаренныхъ волею.

а именно: 1) душу, какъ метафизическую субстанцію, 2) органическое тѣло, образуемое душою, и 3) нашу являемую личность или сознательное *я*, обусловленное строеніемъ и дѣйствіемъ нашего тѣла (преимущественно центральной нервной системы или мозга), — Гелленбахъ не останавливается на этомъ справедливомъ утвержденіи и различеніи, но идетъ гораздо дальше. Крайностямъ матерьялистическаго и идеалистическаго смѣшенія онъ противупоставляетъ подобную же крайность дуалистическаго раздѣленія. Неосторожно привязывая свои новыя или обновленныя идеи къ одной старой ошибкѣ школьныхъ мудрецовъ, Гелленбахъ утверждаетъ, что душа всецѣло принадлежитъ къ міру сущностей, есть «вещь въ себѣ» (Ding an sich), тогда какъ сознаніе и сознательное *я*, завися вполнѣ отъ тѣлесной организаціи, относится исключительно къ міру явленій, а вслѣдствіе этого между тѣмъ и другимъ, т. е. между субстанціональной душой и феноменальнымъ (являемымъ) сознаніемъ нѣтъ никакой внутренней связи, такъ что по смерти человѣка съ разрушеніемъ организма исчезнетъ все содержаніе его сознательной жизни, и душа остается съ тѣмъ, съ чѣмъ была до зачатія человѣка.

Такой взглядъ лишенъ достаточнаго основанія и сверхъ того находится въ противорѣчіи съ руководящими мыслями самого Гелленбаха. Наше *я*, то, что въ насъ живетъ и мыслитъ, — прежде чѣмъ стать явленіемъ сознанія, есть субъектъ сознанія, т. е. именно та душа, то индивидуальное существо, за прочную реальность котораго такъ стоитъ авторъ «индивидуализма». Какъ физическое лицо человѣка, прежде чѣмъ отразиться въ зеркалѣ, должно существовать независимо отъ зеркала, такъ и психическое лицо, наше *я*, прежде чѣмъ отражаться въ явленіяхъ сознанія, должно существовать независимо отъ этихъ явленій. Нашъ авторъ правъ, воз-

ставая противъ господствующихъ въ германской философіи теорій, которыя сводятъ всю суть души къ одному сознанію. Но напрасно въ этой справедливой борьбѣ онъ вступаетъ въ незаконный союзъ съ матеріализмомъ, утверждая, что сознаніе есть только продуктъ тѣлесныхъ преимущественно нервныхъ дѣятельностей, и что сознательная личность есть лишь мозговое явленіе (Gehirnsphänomen). Подобный взглядъ, во всякомъ случаѣ ошибочный, у матерьялистовъ по крайней мѣрѣ логически вытекаетъ изъ ихъ основныхъ положеній, у Гелленбаха же нѣтъ и этого оправданія. Говоря о сознаніи, какъ о продуктѣ органической матеріи, онъ забываетъ, что по его собственному основному воззрѣнію органическая матерія не есть что нибудь самостоятельное и первоначальное, но образуется дѣятельностью души. Не само тѣло живетъ, но образующая его душа живетъ въ немъ и посредствомъ него. Тѣмъ менѣе можетъ само тѣло сознавать или мыслить. Поэтому должно признать, что сознаніе и личность, сознательная и личная жизнь не суть произведенія самого органическаго тѣла, но произведенія или проявленія души черезъ или посредствомъ органическаго тѣла.

А если такъ, если живетъ и мыслитъ не организмъ, а душа посредствомъ организма, то съ разрушеніемъ этого послѣдняго ей нѣтъ необходимости терять все то, что она совершила и извѣдала съ его помощью. Самъ Гелленбахъ любитъ сравнивать органическое тѣло съ зеркаломъ, посредствомъ котораго душа глядитъ въ міръ явленій, недоступный для нея непосредственно. Но неужели, когда мое зеркало разбито, я долженъ необходимо забыть все, что въ немъ видѣлъ? Впрочемъ все это сравненіе очень и очень хромаетъ. Душа образуетъ себѣ органическое тѣло вовсе не для того только, чтобы смотрѣть черезъ него на міръ явленій, но также и го-

раздо болѣе для того, чтобы дѣйствовать посредствомъ него въ этомъ мірѣ, и разумѣется результаты этой дѣятельности не могутъ быть безразличны для души и послѣ того какъ орудія ея земного дѣйствія разрушены. Это признаетъ и нашъ авторъ, но это вовсе не вяжется съ его дуалистическимъ раздѣленіемъ между сверхсознательной душой и сознательною личностью. Сознаніе и личность человѣческая есть послѣдній и высшій разцвѣтъ всего органическаго развитія, и если этотъ лучшій цвѣтъ пропадаетъ безплодно, то самое созданіе организмовъ и всего органическаго міра не имѣетъ смысла. А тогда зачѣмъ же и приписывать такое безсмысленное дѣло особымъ интеллектуальнымъ сущностямъ «умнымъ силамъ»? Тогда и самый индивидуализмъ является излишнимъ; для объясненія простыхъ фактовъ жизни достаточно было бы стараго витализма.

Что касается до собственно метафизическихъ вопросовъ, то съ этой стороны сочиненія Гелленбаха даютъ намъ очень немного. Конечно авторъ «индивидуализма» правъ въ своемъ протестѣ противъ различныхъ «абсолютовъ» германской философіи. Но одного протеста здѣсь мало. Абсолютныя системы нѣмецкихъ философовъ несостоятельны,—это правда. Но стремленіе къ безусловному началу жизни и знанія не выдумано этими философами, а составляетъ коренную потребность человѣческаго духа. Самъ Гелленбахъ, отстаивая пребывающую дѣйствительность индивидуальныхъ существъ отъ покушеній пантеизма съ его всепоглощающимъ «единымъ», не можетъ однако остановиться на этихъ индивидуальныхъ сущностяхъ, но за ихъ предѣлами долженъ признать еще нѣкоторое безусловное и всеобъемлющее начало всякаго бытія. Онъ только не хочетъ (и совершенно основательно) признать это безусловное начало за непосредственную сущность нашего видимаго міра;

между этимъ міромъ явленій и безусловнымъ началомъ или Божествомъ онъ ставитъ множественность индивидуальныхъ существъ (душъ), какъ посредствующія и связующія звенья между тѣмъ и другимъ. Но при такомъ взглядѣ неизбѣжно возникаютъ два метафизическіе вопроса: о взаимной связи этихъ индивидуальныхъ существъ между собою и объ ихъ общей связи съ безусловнымъ началомъ, или Божествомъ. Отвергать существенную связь между индивидуальными душами, и слѣдовательно солидарность всего живущаго, значило бы одинаково противорѣчить и опыту и нравственному чувству и разуму. Точно также оставлять въ полной неопредѣленности отношеніе индивидуальной души къ безусловному началу всего сущаго—значило бы отказывать въ удовлетвореніи не только религіозному чувству, но и метафизической потребности. Между тѣмъ нашъ авторъ не только не даетъ какого нибудь рѣшенія этимъ двумъ важнѣйшимъ вопросамъ, но второго изъ нихъ даже намѣренно избѣгаетъ. Онъ отстраняетъ высшія задачи метафизики, потому что хочетъ непремѣнно оставаться въ низменной области отрицательнаго раціонализма или того, что онъ называетъ здравымъ смысломъ *). Быть можетъ онъ правъ съ своей точки зрѣнія, но эта его точка зрѣнія во всякомъ случаѣ неправа. И неуспѣхъ прежнихъ метафизическихъ системъ не есть

*) Давно уже замѣчено, что въ области философскихъ вопросовъ предѣлы здраваго смысла никѣмъ никогда не установлены и никто не знаетъ гдѣ они проходятъ. Безъ сомнѣнія для многихъ просвѣщенныхъ читателей «индивидуализма» самъ авторъ этой книги, не только вѣрящій въ душу, но и говорящій серьезно о реальности четвертаго измѣренія и о медіумическихъ явленіяхъ—далеко перешелъ предѣлы здраваго смысла. Вообще всякая ограниченная голова можетъ не только довольствоваться, но и гордиться своею ограниченностью, украсивъ ее названіемъ здраваго смысла. Но именно поэтому такимъ умнымъ и добросовѣстнымъ писателямъ какъ Гелленбахъ не слѣдовало бы поощрять этого слишкомъ легкаго пріема.

оправданіе для такой анти-философской беззаботности. Заблужденіе прежнихъ философовъ состояло вовсе не въ томъ, что они хотѣли познавать абсолютные и божественные предметы, а въ томъ, что они искали этихъ предметовъ исключительно въ своемъ собственномъ, далеко не абсолютномъ и ничуть не божественномъ, но весьма относительномъ человѣческомъ мышленіи. Но такой неосновательный пріемъ метафизическаго познанія никакъ не есть единственно возможный. Нѣтъ никакой разумной причины философу основывать высшую метафизику на однихъ измышленіяхъ своего ума, какъ нѣтъ никакой разумной причины естествоиспытателю основывать на своихъ измышленіяхъ науку о внѣшней природѣ. Разумѣется во всякомъ нашемъ познаніи, физическомъ также какъ и метафизическомъ, есть чисто раціональный, апріорный элементъ, поскольку всякое наше познаніе есть дѣйствіе нашего ума. Но также несомнѣнно и то, что во всякомъ реальномъ познаніи дѣйствіе нашего ума прилагается къ извѣстному данному предмету не создаваемому самимъ умомъ, но независимому отъ него. Относясь къ такому реальному предмету, нашъ умъ получаетъ отъ него основное содержаніе для той или другой науки. Такъ основное содержаніе для физики (въ широкомъ смыслѣ) нашъ умъ получаетъ отъ видимаго міра, дѣйствующаго на насъ въ чувственномъ опытѣ; основное содержаніе для психологіи дано въ дѣйствительности нашего духа, открываемой во внутреннемъ или психическомъ опытѣ; точно также основное содержаніе и для реальной метафизики, какъ науки о божественныхъ предметахъ, дается нашему уму въ божественномъ откровеніи, которое составляетъ религіозный опытъ человѣчества.

Можно не вѣрить въ откровеніе, также какъ можно

не вѣрить и во внѣшній міръ *). Но мыслитель, отрицающій дѣйствительность внѣшняго міра, едва ли посвятитъ себя физикѣ. Точно также мыслитель, отвергающій откровеніе сверхприродной и сверхчеловѣческой дѣйствительности, благоразумно поступаетъ, воздерживаясь отъ метафизическихъ построеній. Правъ ли онъ въ своемъ невѣріи—это другой вопросъ. Во всякомъ случаѣ его скептическое положеніе оказывается крайне печальнымъ. Оно подрываетъ для него самый корень истиннаго знанія и отнимаетъ у него всѣ плоды его лучшихъ убѣжденій. Ибо окончательное значеніе всѣхъ другихъ вопросовъ — біологическаго, психологическаго, соціальнаго прямо зависитъ отъ положительнаго рѣшенія вопроса метафизическаго. Что значитъ напримѣръ объясненіе природы дѣятельностью души, когда сама душа остается необъясненной? Жизнь души, отдѣленная отъ своего безусловнаго содержанія и окончательныхъ цѣлей, лишается всякаго смысла и слѣдовательно не можетъ уже объяснять или осмысливать жизнь природы и человѣчества. И для себя самой душа теряетъ всякую цѣну, когда не находитъ въ себѣ того, что больше ея, чему она можетъ вѣрить и служить.

И однако мы не думаемъ, чтобы трудъ нашего автора на защиту души пропалъ даромъ. Ближайшая задача «индивидуализма» — отстоять самостоятельность души противъ матерьялизма, который сводитъ ее къ веществу, и противъ школьнаго идеализма, который ограничиваетъ ее поверхностью земнаго сознанія,—эта ближайшая задача исполнена авторомъ старательно и небезъуспѣшно. Дальнѣйшія же его ошибки и заблужденія

---

*) Какое изъ этихъ двухъ невѣрій легче—это зависитъ отъ характера и душевныхъ склонностей того или другаго мыслителя. Бывали, какъ извѣстно, и такіе, которые не вѣрили ни въ то, ни въ другое, а только въ силу мыслящаго Я.

большой опасности ни для кого не представляютъ. Читатель, который усвоитъ положительные выводы «индивидуализма» относительно реальности души, едва ли остановится на невѣріи автора во все то, для чего душа существуетъ. Чѣмъ бы ни объяснялся этотъ матафизическій скептицизмъ, онъ вовсе не вытекаетъ изъ даннаго біологическаго и психологическаго изслѣдованія, а потому и не можетъ помѣшать читателю собрать тѣ плоды этого изслѣдованія, которые потеряны авторомъ.

Равнодушіе къ высшимъ метафизическимъ задачамъ можетъ укорениться лишь на почвѣ матерьялизма, который по принципу и послѣдовательно пригибаетъ человѣка къ землѣ и заглушаетъ сознаніе той души, для которой одной эти задачи могутъ имѣть значеніе. Но индивидуализмъ, какъ его развиваетъ Гелленбахъ, старается напротивъ поднять человѣка на ноги, возбудить его высшее сознаніе, увѣрить его въ его неземной душѣ. А увѣрившись въ этой душѣ,—трудно уже не вѣрить въ то, чѣмъ она живетъ и движется и существуетъ.

И такъ, мнѣ кажется, что метафизическій скептицизмъ Гелленбаха, печальный для него самого, нисколько не лишаетъ его сочиненій ихъ существенной полезности. Авторъ остановился на полдорогѣ, но онъ шелъ по ней настолько прямо, что слѣдовавшему за нимъ читателю не трудно самому пройти дальше и увидать конецъ пути. Этотъ конецъ есть философское признаніе человѣческимъ умомъ той положительной истины, которая дается въ откровеніи. Только признавъ данную религіозную истину, нашъ умъ получаетъ твердую предметную опору для своей метафизической работы и переноситъ философію изъ области человѣческихъ измышленій въ область божественной истины.

Вл. Соловьевъ.

I.

ВВЕДЕНІЕ.

Бытіе всюду считается цѣпью заблужденіи и разбитыхъ надеждъ, превратностей и страданій; и хотя мнѣнія очень расходятся въ вопросѣ о томъ, почему и какъ зло вошло въ міръ, но въ существованіи его не сомнѣвается никто, какъ и не сомнѣвался въ этомъ ни одинъ основатель религіи. Если органическая жизнь есть единственная и послѣдняя цѣль природы, если начало и конецъ нашего сознанія есть въ то же время начало и конецъ индивидуальныхъ функцій той силы или тѣхъ силъ, которымъ мы обязаны бытіемъ, если это такъ, тогда мы въ правѣ отвергнуть всякую цѣль въ жизни и въ уничтоженіи видѣть избавленіе отъ страданій; тогда возникновеніе и развитіе органической жизни придется считать однимъ несчастіемъ. Шопенгауэръ правъ, говоря, что въ такомъ случаѣ было бы лучше, если бы міръ не существовалъ. Поэтому-то нельзя подвергать сомнѣнію важность вопроса о томъ, позволяетъ ли современное естествознаніе и философія вообще считать возможнымъ и допустимымъ индивидуалистическое воззрѣніе, какъ противовѣсъ пессимистическому воззрѣнію на міръ.

Я долженъ былъ поэтому въ этомъ сочиненіи объ индивидуализмѣ прежде всего поставить вопросъ, имѣетъ ли еще мѣсто это ученіе рядомъ съ выводами положительной науки, или точнѣе, настолько ли удовлетворительно объяснено органическое развитіе, чтобы исключать индивидуалистическое воззрѣніе, какъ невозможное и излишнее. Безъ всякаго предвзятаго мнѣнія подвергнемъ мы критикѣ прежде всего результаты біологическихъ розысканій; насъ не должна смущать аподиктическая увѣренность — чтобы не сказать больше, которою отличается въ этомъ отношеніи большинство біологовъ: возникновеніе, развитіе и функціи органической жизни далеко не такъ ясно поставлены, чтобы всякую другую попытку ихъ объясненія сдавать въ архивъ метафизической спекуляціи.

Когда читаешь философскія сочиненія нашего времени, которыя являются вѣдь современниками нашихъ успѣховъ въ естествознаніи, то нельзя же приписывать ихъ авторамъ такое незнакомство съ естественными науками, что они не покинули бы своихъ точекъ зрѣнія, если бы эти послѣднія стояли въ дѣйствительномъ противорѣчіи съ несомнѣнными выводами естествовѣдѣнія; но и наоборотъ: кто прослѣдитъ ходъ мыслей Дарвина, Спенсера или Геккеля, тотъ конечно не станетъ утверждать, что эти естествоиспытатели не способны къ философскому мышленію, и поэтому не станетъ сомнѣваться въ томъ, что они повели бы другую рѣчь, если бы философія давала дѣйствительно удовлетворительное объясненіе окружающей насъ загадкѣ. Вѣдь мы видимъ же, что относительно неорганической природы между философами и натуралистами царитъ полнѣйшее согласіе, потому что зданіе, построенное трудами Кеплера, Ньютона, Канта и Лапласа, даетъ просторъ и безопасность всѣмъ партіямъ. Однако при объясненіи орга-

нической природы это согласіе теряется,—доказательство, что мы все еще не находимся на вѣрномъ пути.

Когда въ обыденной жизни спорятъ два разумныхъ интеллигентныхъ и честныхъ человѣка, то всегда можно догадываться, что или обѣ спорящія стороны не совсѣмъ правы и не совсѣмъ неправы, или между ними существуетъ недоразумѣніе. Если же кто нибудь (а въ этомъ случаѣ не болѣе и не менѣе, какъ само человѣчество) питаетъ живой интересъ къ спору, то онъ приметъ все то, въ чемъ согласны обѣ спорящія стороны, какъ по всей вѣроятности истинное, и, найдя этотъ общій для нихъ базисъ, онъ достигнетъ тѣмъ самымъ яснаго представленія различій во взглядахъ. Всѣ болѣе или менѣе согласны въ сужденіи объ неорганической природѣ, тогда какъ въ сужденіяхъ объ органической и лежитъ главный пунктъ разногласій. Мы можемъ поэтому уже заранѣе утверждать, что загадка органической жизни еще не разгадана удовлетворительно; мы должны даже смотрѣть на нее какъ на открытый вопросъ, если мы не хотимъ считать замѣчательнѣйшихъ философовъ и біологовъ за невѣждъ или тупицъ, которые или не знаютъ твердо установленныхъ истинъ, или не хотятъ ихъ знать.

Но прежде, чѣмъ мы разберемъ различіе во взглядахъ на органическую природу, необходимо разрѣшить нѣсколько предварительныхъ вопросовъ, которые касаются относительности нѣкоторыхъ понятій,—относительности, которая часто бываетъ источникомъ очень многихъ, если не большинства, недоразумѣній.

Что, такое вещи на самомъ дѣлѣ — этого мы не знаемъ; мы не знаемъ, напр., что такое кислородъ; мы только согласились нѣкоторое неизвѣстное намъ «что-то», дѣятельность котораго мы наблюдаемъ въ безчисленномъ рядѣ случаевъ, называть этимъ именемъ, что

впрочемъ совершенно достаточно въ практической жизни. Когда мы говоримъ, напр., о кирпичѣ, то внутренняя сущность составныхъ частей его совершенно безразлична, содержитъ ли онъ болѣе или менѣе песку и глины. Не такъ однако относимся мы къ другимъ понятіямъ, собственное содержаніе которыхъ для насъ особенно важно въ виду ихъ логическаго употребленія. Мы придаемъ имъ чрезвычайно большое значеніе, хотя каждый и понимаетъ ихъ по своему. Приэтомъ мы легко забываемъ, что форумъ и ристалище духовной борьбы есть и можетъ быть только наше собственное сознаніе, которому всегда присуща относительность нашей познавательнй способности; ибо едва ли станетъ кто оспаривать, что сознаніе есть рефлексъ мозговыхъ процессовъ, а заключающійся въ немъ міръ есть лишь результатъ посредственныхъ впечатлѣній на мозгъ. Наше представленіе о мірѣ можно поэтому сравнить съ образомъ, отраженномъ въ зеркалѣ; зеркало есть организмъ, образъ есть наше представленіе міра, наше сознаніе. Такова приблизительно суть дѣла.

Первымъ же результатомъ этого сходства должно быть то, что міръ, какъ онъ отражается въ нашемъ сознаніи, есть лишь «картина на плоскости» (какъ выразился Шопенгауеръ) и что поэтому мы никогда не въ состояніи проникнуть въ сущность, въ глубину его; мы скользимъ по его поверхности и по явленіямъ на ней дѣлаемъ—нерѣдко слишкомъ смѣлые—выводы о мыслимости, возможности или вѣроятности того или другаго предположенія о существѣ міра. Отъ пренебреженія этимъ обстоятельствомъ много находящихся во всеобщемъ употребленіи понятій послужило источникомъ всяческихъ ошибокъ и недоразумѣній. Таковы понятія «матеріальнаго и нематеріальнаго». Необходимая относительность ихъ дѣлаетъ невозможнымъ ихъ употребленіе

для альтернативы, отчего и всѣ дедукціи, основанныя на этой альтернативѣ, не могутъ внушать никакого довѣрія. То, что является здѣсь слѣдствіемъ изъ выше упомянутаго сравненія, находитъ практически подтвержденіе при анализѣ матеріи. Понятіе «матеріальнаго» для большинства находится въ зависимости отъ степени сгущенія или сплоченія атомныхъ массъ и отъ объема вспомогательныхъ средствъ для ихъ воспріятія. Все, что обыкновенно называютъ матеріей, есть ничто иное, какъ довольно значительное сплоченіе дѣйствующихъ силъ; подъ нематеріальнымъ же обыкновенно разумѣютъ или незначительную степень этого сплоченія, или ровно ничего. Между тѣмъ для насъ невозможно не только воспріятіе атомныхъ группъ и атомовъ эѳира, но мы не знаемъ даже, ни того, что такое атомы вообще, ни того, существуютъ ли различные эѳирные атомы и т. д. Даже если бы можно было указать тотъ предѣлъ сгущенія, съ котораго начинается для насъ матеріальное бытіе, то во всякомъ случаѣ и тогда никто не имѣлъ бы права все, что лежитъ за этой границей и никоимъ образомъ не можетъ быть воспринято нашими чувствами, называть нематеріальнымъ и противопоставлять его матеріальному. Если же начать съ противоположнаго пути, именно съ понятія «нематеріальности» или—что одно и то же—съ понятія «воли», «безсознательнаго», «непознаваемаго», «монады» и т. д., то опять возникаетъ вопросъ: гдѣ же граница? Гдѣ безсознательное начинаетъ уже становиться матеріальнымъ? Вся борьба, которая вращается вокругъ этихъ двухъ противоположныхъ понятій, въ сущности совершенно безцѣльна, ибо мы не знаемъ, что такое матеріальность и что такое нематеріальность, и каждый понимаетъ ихъ по своему. Мы знаемъ это тѣмъ менѣе, что возможно съ большею вѣроятностію принять ту точку зрѣнія, съ которой поня-

тіе вещества и матеріи сводится къ проявленію силы и представленію, съ которой, слѣдовательно, отрицается вообще всякое существованіе матеріи. Совершенную аналогію представляютъ понятія: — «физическаго» и «метафизическаго». Гдѣ кончается одно? Въ сферѣ ли нашего познанія? Гдѣ начинается другое? Когда и гдѣ начинается физическая функція метафизическаго? — Существуетъ только одинъ міръ, одна природа; однако есть разница между дѣйствительнымъ, фактическимъ міромъ и его отраженнымъ образомъ. А такъ какъ этотъ образъ, смотря по зеркалу, можетъ отражаться различно, и такъ какъ существуетъ много зеркалъ, то относительность понятій «физическаго» и «метафизическаго» становится очевидной. Выраженія «матеріальное и нематеріальное», «физическое и метафизическое» могутъ употребляться лишь въ переносномъ смыслѣ; въ изслѣдованіяхъ ихъ допускать нельзя, и немудрено, что употребленіе ихъ породило столько заблужденій и недоразумѣній. Мы, по крайней мѣрѣ, будемъ избѣгать ихъ по возможности. Впрочемъ, сознаніе относительности этихъ понятій естествоиспытателямъ чуждо настолько же, насколько и философамъ; они забываютъ только въ пылу борьбы, что то, что очень понятно въ обыденной жизни, при обсужденіи нѣкоторыхъ другихъ вопросовъ никакъ не можетъ быть допущено.

Кромѣ этихъ выраженій, неясность которыхъ обусловлена самой природой нашего сознанія, существуютъ еще другія, которыя понимаются столь же различно; таково напримѣръ понятіе «пантеизма». Мы имѣемъ пантеизмъ воли, безсознательнаго, логическаго, идеи, непознаваемаго, абсолютнаго и такъ далѣе. Во всѣхъ этихъ пантеизмахъ міровоззрѣніе отличается монистическимъ характеромъ, но какъ различенъ монизмъ, исповѣдуемый каждой изъ этихъ теорій!

Въ подобномъ же положеніи находимся мы при употребленіи важнѣйшаго для насъ понятія, именно понятія «индивидуальности», которое по природѣ своей совершенно относительно. Согласно съ закономъ кратныхъ отношеній, мы признаемъ существованіе атомовъ индивидуумовъ; и рядомъ съ этимъ мы приписываемъ индивидуальность какъ молекуламъ и атомамъ, образующимъ клѣточку, такъ и кучамъ этихъ клѣточекъ и наконецъ цѣлому организму, вмѣщающему ихъ безконечное множество. Гдѣ же, спрашивается, критерій для понятія индивидуальности?

Индивидуализмъ, предлагаемый въ этомъ сочиненіи, главнымъ образомъ основывается на относительности понятія индивидуальности, такъ что онъ не могъ бы утратить своего значенія, полагали ли бы мы въ основу міра явленій волю Шопенгауэра или держались голаго матеріализма.

Далѣе, возвращаясь въ интересахъ взаимнаго пониманія къ нашему примѣру, мы не можемъ не отмѣтить того факта, что вѣдь въ зеркалѣ отражается не только окружающій насъ міръ, но и мы сами; безъ зеркала мы не могли бы даже наблюдать нашъ собственный образъ, который однако является для насъ тоже картиной на плоскости.

Вопросъ о томъ, кто же, или что собственно смотрится въ зеркало, составляетъ предметъ большихъ разногласій, которыя всѣ сводятся къ простому недоразумѣнію.

Къ проблеммѣ этой можно приблизиться различными путями; однако самымъ цѣлесообразнымъ будетъ—отвѣтить прежде всего на вопросъ: какъ образуется эта индивидуальность, это зеркало? — Отвѣтъ на него составляетъ главнымъ образомъ предметъ біологіи.

Одинъ довольствуется указаніемъ на то, что зер-

кало—употребляемъ наше сравненіе—есть вышлифованное стекло, покрытое съ одной стороны ртутью. Тотъ, кто поумнѣе, говоритъ о преломленіи лучей, другой о сѣтчатой оболочкѣ глаза, о зрительныхъ нервахъ и такъ далѣе. Одинъ говоритъ: я знаю, изъ чего оно состоитъ, другой:—я знаю, какъ это совершается. Наконецъ является еще одинъ и разсказываетъ исторію зеркала, какъ оно изъ своего первоначальнаго вида дошло до своего настоящаго совершенства.

А здравый смыслъ возражаетъ на это: все это очень справедливо; я выучился кой-чему у васъ, именно, изъ чего состоитъ зеркало, каковъ процессъ отраженія образа;, даже исторія зеркала была мнѣ разсказана. Но всего этого мнѣ мало: вопросъ объ образованіи зеркала мнѣ еще не объясненъ, ибо зеркало должно же быть кѣмъ нибудь сдѣлано; само ли оно образовалось или только могло быть сдѣлано другимъ — этого я еще не узналъ, и никто мнѣ не объяснилъ этого.

А такъ какъ зеркало, кромѣ того, еще такого рода аппаратъ, въ которомъ отражается не только картина окружающаго насъ міра, но нашъ собственный образъ, наше «я», то мы должны признать, что зеркало не только должно быть сдѣлано, но что оно должно также быть у кого нибудь въ употребленіи. Очень возможно, что сдѣлавшій зеркало и смотрящійся въ него составляютъ одно и то же лицо. Если же это такъ, то спрашивается: для чего вообще нуждается оно въ зеркалѣ?

Различіе въ мнѣніяхъ зависитъ главнымъ образомъ отъ различнаго пониманія возможности или необходимости и собственной природы организующаго принципа.

Современное естествознаніе, по крайней мѣрѣ большинство его адептовъ, ставитъ прежде всего такого рода догматъ: нѣтъ ни органическаго принципа, ни раз-

личія между органическою и неорганическою дѣятельностію; человѣкъ есть необходимый продуктъ механическихъ и физическихъ силъ зародыша; въ природѣ нѣтъ цѣлесообразной дѣятельности, нѣтъ телеологіи. Оно полагаетъ, что первое возникновеніе органической жизни обусловливалось единственно химическимъ сродствомъ, и утверждаетъ, что этимъ послѣднимъ, какъ скоро даны примитивнѣйшіе организмы, «монеры», объясняется происхожденіе всего органическаго міра, съ помощію приспособленія и наслѣдственности, теоріи превращенія видовъ и половаго подбора, и притомъ съ полнымъ исключеніемъ всякой цѣлесообразной дѣятельности, потому-де, что возникновеніе, эмбріологическое развитіе, размноженіе и функціи—суть лишь неизбѣжное слѣдствіе взаимноотношенія элементовъ. Что касается первой части, возникновенія органической жизни, первоначальной клѣточки, то тутъ нельзя выставлять большихъ требованій; этотъ предметъ останется темнымъ и труднымъ для пониманія, какое бы другое предположеніе вмѣсто натуралистическаго мы ни принимали. Итакъ, если мы даже отвергнемъ біологическія попытки объяснить возникновеніе жизни, то намъ все-таки не отдѣлаться отъ біологіи въ сужденіи объ остальной части органической жизни; мы должны тщательно изслѣдовать, имѣемъ ли мы, дѣйствительно, дѣло съ достаточными причинами или только съ условіями и процессами органическаго развитія.

Кантъ, который хотѣлъ изгнать телеологію изъ всего творенія, не могъ въ сужденіи объ органическомъ образованіи и развитіи отдѣлаться отъ убѣжденія въ цѣлесообразной дѣятельности и отождествить органическую природу съ неорганическою. Есть также философы, которые, будучи современниками настоящаго развитія естественныхъ наукъ,

не хотятъ признавать вышеупомянутой догмы. Болѣе того, есть много замѣчательныхъ химиковъ, зоологовъ и врачей, которые раздѣляютъ другія мнѣнія. И такъ какъ нельзя же считать философовъ столь несвѣдущими, а біологовъ столь несмыслящими, чтобы одна изъ спорящихъ партій имѣла на своей сторонѣ всю правду или неправду, то нужно спокойно стать между ними и безъ всякаго предвзятаго мнѣнія постараться отыскать, насколько права каждая изъ спорящихъ сторонъ и гдѣ прячутся корни разногласій и ошибокъ. Можно весьма справедливо отрицать у случайнаго углероднаго соединенія способность создавать человѣческіе индивидуумы, вовсе не принимая оттого ни божественнаго творчества, ни какого либо подобнаго акта; можно признавать въ фактическомъ бытіи преслѣдующую цѣль дѣятельность, вовсе не принимая никакого предустановленнаго телеологическаго стремленія. Предъ нами организмы, которые именно тѣмъ и отличаются отъ неорганическаго міра, что у нихъ нельзя отнять сознательной или безсознательной постановки цѣлей. Когда нибудь или гдѣ нибудь должно же было произойти это раздѣленіе природы на органическую и неорганическую и рядомъ съ нимъ возникнуть цѣлесообразная дѣятельность высшихъ организмовъ.

Всѣ соглашаются въ томъ, что организмы суть ничто иное, какъ мимолетныя формы явленій; спорно только то положеніе, что̀ лежитъ въ основѣ этихъ формъ. Поэтому прежде всего мы должны постараться констатировать, съумѣла ли біологія доказать и выяснить возникновеніе жизни и развитіе организма высшаго порядка изъ зародыша въ томъ смыслѣ, что углеродныя соединенія совершенно достаточны для того, чтобы изъ зародыша безъ всякой цѣлесообразной дѣятельности, сознательной или безсознательной, могъ мало по малу раз-

виться человѣческій организмъ, и что, наконецъ, химическимъ сродствомъ совершенно удовлетворительно объясняется все, что я думаю, чувствую и дѣлаю.

Я полагаю, что теперь для моего читателя ясно, что воззрѣнія, которыя я ему предлагаю, представляютъ собою очевидно относительный индивидуализмъ, который, однако, болѣе далекъ отъ всѣхъ доселѣ извѣстныхъ индивидуалистическихъ системъ, чѣмъ отъ біологическихъ воззрѣній на природу или отъ философіи безсознательнаго.

Наша индивидуальность можетъ столь же мало ограничивать себя формою отдѣльнаго явленія, какъ и изъявлять притязаніе на вѣчность. Продолжительность индивидуальной функціи, проявляющейся въ нашей жизни, можетъ переступать предѣлы жизни, вовсе не вступая въ неразрѣшимое противорѣчіе ни съ ученіями о протоплазмѣ и біогенетическими законами, ни съ волей Шопенгауэра и безсознательнымъ Гартманна, ни ставя, наконецъ, въ необходимость принять точку зрѣнія Лейбница или Гербарта; а это только и возможно при относительности понятія индивидуальности. Если уже нельзя примирить спорящія стороны, то можно во всякомъ случаѣ такъ локализировать ихъ борьбу, чтобы вслѣдствіе нея, по крайней мѣрѣ, перестали страдать человѣческіе интересы; ибо лишь близорукій можетъ отрицать то вліяніе, которое производятъ выдающіеся умы на развитіе. Правда, что критическіе философы, матеріалисты и пантеисты разбили препятствія, задерживавшія ходъ просвѣщенія, и тѣмъ оказали великое благодѣяніе прогрессу и, слѣдовательно, человѣчеству; но вмѣстѣ съ тѣмъ они породили тотъ эгоизмъ и пессимизмъ, который держится на вѣрѣ въ процессъ развитія, подобный которому мы встрѣчаемъ у біологовъ.

Какъ возникла жизнь на охлажденныхъ планетахъ,

этого я не знаю, никто меня не научилъ этому и я не имѣю притязанія обѣщать кому-нибудь объяснить это; вѣдь еще подлежитъ большому сомнѣнію, теллурическимъ или космическимъ характеромъ она отличается. Но разъ жизнь возникла, то уже нѣтъ основанія полагать, что она постоянно уничтожается и потомъ снова возникаетъ, нѣтъ основанія отождествлять или смѣшивать жизнь съ явленіями жизни и, наконецъ, не замѣчать и отвергать разницу между индивидуальностью нашего сознанія, нашего «я», съ одной стороны, и индивидуальностью организма, которая предшествуетъ первой—съ другой. Мы затруднили бы лишь свою задачу, если бы чудо первой на землѣ жизненной дѣятельности представляли повторяющимся до сихъ поръ, и въ каждомъ новорожденномъ видѣли полное твореніе съизнова, съ помощью ли «Бога» или «безсознательнаго», или «углерода»—все равно. Посмотримъ же, какъ объясняетъ біологія возникновеніе, размноженіе, развитіе и отправленіе организмовъ, и позволительно ли искать другаго, лучшаго объясненія этихъ явленій.

II.

Происхожденіе органической жизни.

I.

Гербертъ Спенсеръ.

Дарвинъ былъ настолько искрененъ и скроменъ, что сознался въ своемъ безсиліи отвѣтить на этотъ вопросъ. За то все, что есть существеннаго въ ученіи Дарвина, именно, что человѣкъ происходитъ отъ низшей формы и есть лишь болѣе развитое животное, и что разнообразіе видовъ достигается путемъ внѣшнихъ отношеній и приспособленія, все это—положенія, которыя не легко оспаривать. Его послѣдователи не такъ скромны, осторожны или искренны въ рѣшеніи вопроса о возникновеніи жизни; они или обходятъ его мимо, или же довольствуются совершенно недостаточными и ничего не говорящими способами объясненія, чтобы — за немногими исключеніями—въ концѣ концовъ покончить дѣло утвержденіемъ, что возникновеніе жизни есть необходимое слѣдствіе случайныхъ движеній вещества.

Къ числу тѣхъ, которые обходятъ этотъ вопросъ, принадлежитъ извѣстный своею ученостію соотечественникъ Дарвина, Гербертъ Спенсеръ. Первая глава его

біологіи озаглавлена словами «органическая матерія». Подъ этимъ понятіемъ можно разумѣть, во первыхъ, составныя части, матеріалъ для образованія организма; во вторыхъ, его можно разсматривать шире, разумѣя подъ нимъ уже организованную или къ тому способную матерію. Первая глава трактуетъ о матеріи только въ первомъ смыслѣ.

Спенсеръ даетъ въ § 4 химическую формулу бѣлковины и замѣчаетъ, что бѣлковинная молекула состоитъ приблизительно изъ 900 атомовъ; далѣе онъ дѣлаетъ нѣкоторыя замѣчанія о составѣ и внутреннихъ движеніяхъ органическихъ веществъ. Вопросъ же о томъ, какъ образовалась молекула и была-ли бы, если бы она образовалась, тѣмъ самымъ дана намъ матерія во второмъ указанномъ нами значеніи, этотъ вопросъ остается открытымъ, хотя въ немъ то и заключается вся суть дѣла. Достовѣрно только то, что выраженіе «органическая матерія» употребляется въ книгѣ нѣсколько разъ во второмъ своемъ значеніи, не смотря на то, что Спенсеромъ узаконено только первое. Конечно, здѣсь нельзя видѣть намѣренное уклоненіе отъ вопроса; выраженіе «органическая матерія» выбрано совершенно правильно, но никакъ не слѣдуетъ забывать, что она извѣстна намъ только въ своемъ химическомъ значеніи, и что мы совершенно не знаемъ, какимъ образомъ бѣлковина вызывается къ органичесской жизни,—что прямо слѣдуетъ изъ попытокъ самого Спенсера опредѣлить понятіе «жизни». Эти попытки составляютъ все, что можно найти въ трудахъ Спенсера о происхожденіи жизни; только изъ того, какъ опредѣляетъ Спенсеръ жизнь, мы можемъ судить о томъ, что онъ думаетъ о ея происхожденіи.

Спенсеръ прежде всего даетъ такое опредѣленіе: жизнь есть «координація (опредѣленное сочетаніе) дѣйствій»;

опредѣленіе выказанное имъ въ 1852 году и къ которому онъ все еще продолжаетъ склоняться. Въ такомъ видѣ это опредѣленіе во всякомъ случаѣ слишкомъ широко; по крайней мѣрѣ, къ нему слѣдовало бы сдѣлать такую прибавку: «съ цѣлью образованія извѣстнаго организма», потому что вѣдь и дневникъ есть извѣстнаго рода сочетаніе дѣйствій. Спенсеръ цитируетъ далѣе опредѣленіе Д. Льюиса: «жизнь есть рядъ опредѣленныхъ, другъ за другомъ слѣдующихъ измѣненій въ строеніи и въ составѣ, происходящихъ въ индивидуумѣ, не уничтожая, однако, его индивидуальности», причемъ возражаетъ противъ этого опредѣленія, говоря, что существуетъ множество измѣненій, которыя не отличаются жизненнымъ характеромъ; несмотря на то, далѣе онъ утверждаетъ различіе между органическими и неорганическими измѣненіями въ томъ, что первыя суть не простыя, а такого рода измѣненія, которыя въ свою очередь состоятъ изъ нѣсколькихъ послѣдовательныхъ измѣненій. Чувствуя неопредѣленность этого различія, Спенсеръ смягчаетъ свое опредѣленіе утвержденіемъ, что неорганическія измѣненія не обнаруживаютъ этой особенности въ степени сколько-нибудь значительной. Такимъ образомъ между ними является лишь различіе въ степени: болѣе значительныя измѣненія были бы органическими, менѣе значительныя—неорганическими.

Наконецъ Спенсеръ говоритъ: «если мы теперь станемъ отыскивать какой-нибудь общій признакъ между уподобленіемъ и логическимъ процессомъ, признакъ, которымъ они отличаются отъ неорганическихъ процессовъ, представляющихъ наибольшее съ ними сходство въ отношеніи разнородности одновременныхъ и послѣдовательныхъ измѣненій, то мы найдемъ, что они отличаются сочетаніемъ, существующимъ между ихъ составными частями». И такъ, вотъ въ чемъ заключается различіе!

Въ сочетаніи вещества для созданія того удивительнаго строенія и тѣхъ удивительныхъ отправленій, которыя образуютъ животный механизмъ. Оттого-то и невозможно допустить мысли, чтобы вещество само по себѣ образовало его, ибо куда, какъ не въ сумасшедшій домъ слѣдовало бы отправить того человѣка, который сталъ бы, напримѣръ, серьезно утверждать самосозданіе паровой машины и т. п. Вопросъ о происхожденіи жизни принимаетъ, слѣдовательно, такую форму: какимъ образомъ входитъ въ различныя соединенія вещества эта особенность сочетаній? Заключается ли способность къ ней въ каждомъ атомѣ или возникаетъ она изъ случайнаго совпаденія 900 атомовъ въ бѣлковинную молекулу, или она привходитъ извнѣ?

Спенсеръ справедливо оканчиваетъ этотъ параграфъ (а далѣе и главу) такими словами: «Подобно тому, какъ не химическіе элементы, а расположеніе ихъ въ спеціальныя ткани и органы составляетъ главнымъ образомъ организмы, также точно не разнородность измѣненій, а опредѣленное сочетаніе ихъ составляетъ жизнь. Замѣтьте, что же тогда прекращается, когда жизнь прекращается? Въ мертвомъ тѣлѣ происходятъ различныя измѣненія, вмѣстѣ одновременныя и послѣдовательныя. Что же исчезло? Жизнь исчезла... Жизнь есть опредѣленное сочетаніе разнородныхъ измѣненій, вмѣстѣ одновременныхъ и послѣдовательныхъ». И Спенсеръ еще болѣе правъ, когда самъ сознается, что это опредѣленіе все-таки еще недостаточно, именно потому, что оно слишкомъ мало говоритъ.

Чтобы исправить этотъ недостатокъ, Спенсеръ дополняетъ въ послѣдующихъ главахъ свое опредѣленіе такимъ образомъ: «Жизнь есть опредѣленное сочетаніе разнородныхъ измѣненій, одновременныхъ и послѣдовательныхъ, въ соотвѣтствіи съ внѣшними сосуще-

ствованіями и послѣдовательностями» (§ 27). Спенсеръ придаетъ большую цѣну этому положенію, ибо онъ подобно большинству біологовъ склоненъ ставить «опредѣленное сочетаніе» въ зависимость отъ этого соотвѣтствія; однако, по нашему мнѣнію, это соотвѣтствіе не можетъ имѣть здѣсь никакого значенія, потому что равновѣсіе силъ существуетъ во всей природѣ, слѣдовательно, также и въ неорганической, вовсе не передѣлывая ее въ органическую.

Весь вопросъ въ томъ, почему изъ воздѣйствія силъ другъ на друга въ одномъ случаѣ возникаетъ органическая жизнь, въ другомъ — неорганическая. Когда поэтому Спенсеръ выводитъ отсюда, «что жизнь состоитъ въ безпрерывномъ произведеніи такихъ соотвѣтствій и, съ другой стороны, ими поддерживается», то это хотя и справедливо, ибо этимъ обусловливается жизнь и безъ этого соотвѣтствія становится невозможной, однако, это не объясняетъ намъ, какъ получается само это «опредѣленное сочетаніе».

Его послѣднее и—какъ онъ говоритъ—лучшее опредѣленіе, что «жизнь есть непрерывное приспособленіе внутреннихъ отношеній ко внѣшнимъ»—можетъ относиться лишь къ жизненной дѣятельности, когда, слѣдовательно, загадка жизни уже разгадана; ибо для того, чтобы внутреннія отношенія могли такъ или иначе приспособляться ко внѣшнимъ, они вообще должны уже существовать. Основной вопросъ, возникновеніе жизни, остается открытымъ; рядомъ и вмѣстѣ съ этимъ опредѣленіемъ можетъ существовать и философія Шопенгауэра и многихъ другихъ.

Вотъ все, что узнаемъ мы о происхожденіи органической жизни, что, однако, не мѣшаетъ Спенсеру начать шестую часть своей біологіи (Т. II § 115) слѣдующими словами: «Если организмы произошли пу-

темъ развитія, то сравнительныя ихъ способности размноженія должны были опредѣлиться естественными причинами». Въ дѣйствительности происходитъ, однако, совершенно наоборотъ; особенности строенія и отправленій суть несомнѣнные плоды развитія совершенно независимо отъ способа происхожденія органической жизни; эта же послѣдняя не могла возникнуть посредствомъ развитія; по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ біологія не доказала этого. Гербертъ Спенсеръ, очевидно, принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые обходятъ этотъ вопросъ; къ тому же у него подъ руками его «Непознаваемое», которое приходитъ всегда вовремя, когда въ немъ ощущается надобность. Было бы, во всякомъ лучаѣ, предусмотрительнѣе навать это «Еще непознаннымъ», ибо какую гарантію можетъ дать Спенсеръ, что то, что онъ или даже всѣ мы не знаемъ, то eo ipso есть уже «Непознаваемое?» Правда, таковое всегда останется для человѣка, но граница, съ которой оно начинается, очень подвижна.

Далѣе мы подробнѣе займемся Спенсеромъ, ибо органическому развитію онъ посвящаетъ гораздо болѣе вниманія, чѣмъ происхожденію организмовъ.

II.

Эрнстъ Геккель.

Съ большею рѣшительностью чѣмъ Спенсеръ выступаетъ популярнѣйшій изъ нѣмецкихъ біологовъ Эрнстъ Геккель. Онъ отбрасываетъ всякій теологически-виталистическій взглядъ на природу и сообразно съ этимъ придаетъ величайшее значеніе двумъ фактамъ, изъ которыхъ дѣлаетъ широкіе и смѣлые выводы: открытію безструктурныхъ организмовъ и однородности элементовъ

внутри и внѣ организмовъ. Въ его морфологіи (томъ I, стр. 112) говорится: «Понятіе организма покоится первоначально на морфологическомъ базисѣ и обозначаетъ тѣло, состоящее изъ «органовъ», т. е. изъ орудій или разнородныхъ частей, взаимнодѣйствіе которыхъ обусловлено единствомъ общей цѣли». Но съ открытіемъ безструктурныхъ организмовъ приходится стать на физіологическій базисъ и разумѣть подъ организмами всѣ тѣ тѣла, въ которыхъ выражаются собственно жизненныя явленія движенія и таковыя же питанія. Напротивъ, неорганическими мы называемъ тѣла, которыя не имѣютъ совершенно ни функцій питанія, ни специфическихъ жизненныхъ процессовъ.

Такъ какъ по Геккелю существа, одаренныя болѣе высокой организаціей, имѣютъ органы, т. е. «орудія» и вмѣстѣ съ этимъ и «цѣли», чѣмъ, собственно говоря, уже утверждается нѣкоторое телеологическое воззрѣніе, то чтобы отдѣлаться отъ послѣдняго, онъ приводитъ тотъ фактъ, что монеры сообразно незначительности проявленій и условій своей жизни не отличаются замѣтною структурою; изъ нихъ же, какъ онъ полагаетъ, безъ всякой цѣлесообразности развились и высшіе организмы. Однако, уже исходная точка Геккеля, именно безструктурность, ненадежна.

Посадите собаку въ мѣшокъ, въ которомъ она начнетъ двигаться, и вы получите въ увеличенномъ видѣ картину такихъ первоначальныхъ организмовъ. Мы не видимъ ничего кромѣ однородной безструктурной массы, которая движется, функціонируетъ, въ той или другой формѣ проявляетъ свою волю; мы не видимъ тутъ движущей причины, однако она должна быть въ дѣйствительности. Совершенно справедливо, что мы не замѣчаемъ у этихъ примитивныхъ организмовъ цѣлесообразныхъ явленій, мы не видимъ ихъ строенія; все-таки

этимъ еще не сказано, что имъ или чѣмъ нибудь его замѣняющимъ они совсѣмъ не обладаютъ. Если въ смыслѣ теоріи превращенія видовъ—которая при вѣрномъ пониманіи тоже имѣетъ свои достоинства—изъ этой повидимому безструктурной и однородной массы съ теченіемъ времени разовьются надѣленные цѣлесообразной структурой организмы, къ каковымъ принадлежимъ, напримѣръ—мы, то этотъ фактъ могъ бы поставить насъ въ недоумѣніе лишь относительно момента, откуда начинается цѣлесообразная дѣятельность, которая однако, не можетъ быть отнята у снабженныхъ внутреннимъ строеніемъ организмовъ. Можно, пожалуй, спорить о томъ, есть-ли эта организующая, т. е. образующая «орудія для общей цѣли» дѣятельность нѣчто первоначальное или развивающееся впослѣдствіи, но никоимъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію ея существованіе у организмовъ, снабженныхъ дѣйствительными и несомнѣнными органами. Къ вопросу о томъ, какъ могли развиться эти послѣдніе, мы еще возвратимся; здѣсь-же идетъ рѣчь только о происхожденіи органической дѣятельности или органическихъ существъ.

Изъ того обстоятельства, что мы находимъ въ органическомъ тѣлѣ тѣ же самыя вещества, что и внѣ его, и что съ другой стороны носителя жизненной силы, жизненнаго вещества не находимъ нигдѣ, Геккель заключаетъ, что оно и не существуетъ, что «нѣтъ ни жизненнаго вещества, ни жизненной силы». Не утверждая существованія такого вещества или такой силы, должно однако замѣтить, что и въ этомъ случаѣ Геккель никакъ не въ правѣ выражаться столь категорически. Атомы эѳира, напримѣръ, не открыты въ дѣйствительности и все-таки мы съ достаточнымъ основаніемъ заключаемъ объ ихъ существованіи, потому что этимъ лучше и проще всего объясняются явленія съ атомами грубой

матеріи. Сами эти послѣднія еще ни разу не были замѣчены и несмотря на то законъ кратныхъ отношеній ведетъ къ признанію ихъ бытія. До тѣхъ поръ, пока, напримѣръ, понятіе «жизнь» не можетъ быть объяснено, какъ проявленіе силъ извѣстныхъ атомныхъ группъ и ипотетическихъ эѳирныхъ атомовъ, мы имѣемъ право предполагать и другія силы и вмѣстѣ съ этимъ самого носителя ихъ, точно такъ же, какъ предполагаемъ существованіе отталкивающихся эѳирныхъ атомовъ. Только въ томъ случаѣ, если-бы первыми можно было-бы удовольствоваться, можно было-бы отрицать послѣдніе. Изъ того обстоятельства, что внѣ организма мы находимъ тѣ же самые вещественные элементы, что и внутри его, никоимъ образомъ еще не слѣдуетъ, что и вообще никакихъ **другихъ** элементовъ не существуетъ и не можетъ существовать. Необходимо до тѣхъ поръ признавать, по крайней мѣрѣ, мыслимыми другіе способы объясненія, пока не будутъ объяснены причины развитія, именно то, какимъ образомъ бѣлковина достигаетъ этихъ, хотя-бы и столь незначительныхъ, жизненныхъ проявленій. Изъ того обстоятельства, что составныя части организма мы находимъ и внѣ его, нельзя еще выводить никакихъ заключеній ни противъ существованія другихъ силъ и веществъ, ни противъ телеологическаго направленія, ибо, вѣдь, не составныя части, какъ таковыя (ни тѣ, которыя открыты, ни тѣ, которыя только предполагаются), но ихъ **сочетаніе** въ организмы—вотъ что подлежитъ разгадкѣ, которая естественно станетъ еще труднѣе, если мы вспомнимъ, что милліоны клѣточекъ при помощи раздѣленія труда производятъ **единый** цѣльный организмъ.

Геккель признаетъ, что органическія соединенія отличаются особенной природой,—но утверждаетъ, что неоспоримое различіе органическихъ и неорганическихъ со-

единеній можетъ основываться лишь на химическомъ распредѣленіи элементовъ, которые «во всѣхъ случаяхъ самостоятельно творятъ эти соединенія съ помощью присущихъ атомамъ и неотдѣлимыхъ отъ нихъ силъ. Правда внутри организма существуютъ соединенія (какъ, напримѣръ, бѣлковинныя), которыя внѣ его не находятся, но они принадлежатъ единственно углероду, именно благодаря «его преимущественной способности входить съ другими элементами въ самыя сложныя соединенія, каковую способность мы должны признать, какъ первую и послѣднюю, какъ единственную причину всѣхъ этихъ особенностей, отличающихъ органическія соединенія отъ неорганическихъ (стр. 120)»... «Если мы соединимъ воедино общіе и важнѣйшіе результаты, полученные нами изъ сравненія органическихъ и неорганическихъ соединеній, то мы придемъ къ слѣдующимъ важнымъ положеніямъ. Всѣ встрѣчающіеся въ организмѣ химическіе элементы, взятые вмѣстѣ, находятся также и внѣ, въ природѣ неорганической. Во всѣхъ организмахъ мы находимъ, какъ простыя (двучленныя) соединенія этихъ элементовъ, подобно тому, какъ это бываетъ въ природѣ неорганической, такъ рядомъ съ этимъ и сложныя соединенія углерода (трехчленныя, четырехчленныя соединенія), которыя этотъ послѣдній въ неорганическомъ мірѣ обыкновенно не образуетъ. Что они могутъ однако здѣсь образоваться помимо всякаго вліянія «жизни», слѣдуетъ изъ того, что мы можемъ составить ихъ чисто искусственнымъ путемъ изъ болѣе простыхъ соединеній и элементовъ. Гніеніе организмовъ есть простой процессъ разложенія и происходитъ по законамъ химическаго сродства, которые безусловно господствуютъ какъ надъ органической, такъ и надъ неорганической матеріей» (стр. 122).

Однако дѣло вовсе не такъ ясно и просто. Должно согласиться, что хотя химическое сродство и господ-

ствуетъ внѣ и внутри организмовъ (съ чѣмъ, конечно, никто не будетъ спорить), но разлагаетъ оно какъ разъ тамъ, гдѣ нѣтъ жизни, тамъ же, гдѣ есть жизнь, оно соединяетъ, а гдѣ органическія соединенія воспроизводятся искусственно, тамъ жизненная дѣятельность все-таки не возникаетъ. Удивительно во всякомъ случаѣ, какъ можетъ углеродъ отличаться такими прихотями. Въ то время, какъ въ одинаковыхъ съ находящимися въ организмахъ бѣлковинныхъ соединеніяхъ не возникаетъ жизни и изъ нихъ не образуются сами собою новые виды—соединенія углерода создаютъ въ организмѣ глаза, уши, носы, мозгъ и такъ далѣе.

Придетъ ли, напримѣръ, въ голову несчастному сыну земли пустить себѣ въ лобъ пулю, и по неумолимымъ и неизмѣннымъ законамъ, углеродъ долженъ раствориться и потерять свою силу создавать человѣческія формы. И такъ, химическое сродство можетъ столь же мало считаться достаточною причиною возникновенія и развитія организмовъ, сколько и нахожденіе однихъ и тѣхъ же элементовъ внутри и внѣ тѣла—имѣть какое либо значеніе; ибо не составныя части, а ихъ опредѣленное сочетаніе—вотъ что составляетъ задачу, требующую рѣшенія. Геккель старается выяснить различіе между органическими и неорганическими формами на фактѣ кристаллизаціи. Онъ указываетъ на внутреннее строеніе кристалловъ и организмовъ какъ на нѣчто имъ обоимъ общее; но съ другой стороны, онъ принужденъ согласиться, что организмы представляютъ собою соединенія различныхъ, опредѣленно устроенныхъ частей чего какъ разъ нельзя сказать о кристаллахъ. Чтобы выйти изъ этого затрудненія, Геккель снова указываетъ на то, что существуютъ-де и организмы, столь же однородные по составу, какъ и кристаллы (что, впрочемъ, опровергается Іегеромъ. Объ этомъ послѣ). Телеологи-

ческое различіе, которое существуетъ между стереометрическими формами кристалловъ и органами, какъ оно ни очевидно и не бросается въ глаза, оставляется имъ въ сторонѣ. То — недостатокъ у монеръ структуры является мостомъ для перехода отъ организмовъ, снабженныхъ органами, какъ средствомъ для извѣстной цѣли, и отъ всякой телеологіи—къ безцѣльному механическому образованію организмовъ; то — въ стремленіи отождествить организмы съ болѣе однородными по составу кристаллами, опять призывается на помощь болѣе однородная природа монеръ; а такъ какъ кристаллы имѣютъ нѣкоторое внутреннее строеніе, то они опредѣляются здѣсь уже (стр. 133) «однородными и безструктурными, для нашего воспріятія по крайней мѣрѣ». Вслѣдствіе этого признанія безструктурность становится уже относительной и потому теряетъ всякую цѣну для всей построенной раньше Геккелемъ аргументаціи.

Кристаллъ есть нѣкоторая отвердѣвшая форма, обусловленная молекулярными свойствами своихъ составныхъ частей; между тѣмъ какъ организмъ обозначаетъ индивидуальную дѣятельность нѣкоего комплекса изъ чрезвычайно различныхъ элементовъ, комплекса, въ которомъ выражается извѣстная комбинація и знаніе природы, ставящее его даже на самой низшей ступени организаціи значительно выше мертваго кристалла. Я могу чрезъ прибавленіе сѣрнонатровой соли заставить хлорнокислый натръ кристаллизоваться, вмѣсто полугранныхъ формъ, въ четырегранникахъ съ сильно развитыми трехгранными заостреніями угловъ и съ болѣе или менѣе развитыми плоскостями куба, и, при помощи примѣсей, температуры и другихъ воздѣйствій, я могу повлiять на форму кристалловъ. (Смотр. Krystallogenische Beachtungen von Carl von Hauer. Verhandlungen der geolog. Reichsanstalt in Wien). Но

имѣю ли я такое же прямое вліяніе на органическое образованіе формъ?.. Между кристалломъ и организмомъ существуетъ разница не по степени, а принципіальная: плоскости и углы одного нельзя ставить на одной линіи съ круглыми формами (къ которой склонны переходить при кристаллизаціи даже безжизненныя органическія соединенія) и органами другаго, и простой здравый смыслъ уже давно въ обозначеніи и образованіи словъ «примѣшиваніе» и «приростаніе», «мертвый» и «живой» высказалъ свое вѣрное сужденіе.

До сихъ поръ мы узнали отъ Геккеля лишь о томъ фактѣ, что существуютъ такъ называемыя монеры, т. е. одаренныя жизненными проявленіями бѣлковыя соединенія, почти однородныя по составу и не обладающія видимой для насъ структурой. Однако гораздо важнѣе было бы узнать, какъ и благодаря чему возникаютъ въ этихъ соединеніяхъ бѣлковины жизненныя отправленія, такъ какъ воспроизводимыя нами органическія соединенія до сихъ поръ еще никогда не обнаруживали жизненности. Объ этомъ во всей морфологіи я не нашелъ ничего, кромѣ положенія о протогенезисѣ (стр. 134), именно такого рода: «Во всѣхъ этихъ, въ высшей степени замѣчательныхъ и важныхъ низшихъ организмахъ вся организація состоитъ изъ совершенно однороднаго живаго бѣлковаго вещества (комочки плазмы, цитоды), которое очевидно единственно въ силу своего атомистическаго состава, какъ легко разложимое и способное къ всасыванію бѣлковое вещество, въ состояніи производить всю совокупность жизненныхъ отправленій». Слѣдовательно на вопросъ: какимъ образомъ въ этомъ атомистическомъ составѣ появляются жизненныя функціи — отвѣчаютъ: «очевидно единственно въ силу состава его, какъ бѣлковаго вещества». Но откуда же становится очевиднымъ, что — единственно

вслѣдствіе этого возникаютъ въ немъ жизненныя отправленія?

Геккель говоритъ весьма ясно, что для образованія организмовъ въ кристаллы должна войти такъ называемая живая протоплазма: «Эта безформенная саркода (стр. 138) одна можетъ производитъ жизненныя движенія, которымъ и простѣшая организація обязана своимъ происхожденіемъ. Итакъ бѣлковинное соединеніе согласно съ этимъ не есть еще протоплазма,—оно должно еще стать одушевленнымъ; жизнь во всякомъ случаѣ входитъ лишь въ углеродистыя соединенія способныя къ разбуханію—это справедливо, это есть условіе для возникновенія жизни; но развѣ она имъ создается?

Когда естествоиспытатели говорятъ, что механическіе и химическіе законы достаточны для того, чтобы произвести организмы, то это какъ разъ похоже на то, какъ если бы вошедшій въ кухню поваръ сказалъ, что находящійся въ ней матеріалъ какъ-то: посуда, провизія, дрова—совершенно достаточенъ для того, чтобы сдѣлать обѣдъ; хотя онъ совершенно не думаетъ, что пища сама приготовляется; онъ и не напираетъ на это, такъ какъ поваръ для него подразумѣвается самъ собою.

Геккель навѣрно не станетъ сомнѣваться въ томъ, что другія небесныя тѣла имѣютъ другія физическія условія въ зависимости отъ смѣси, плотности, разности въ тяжести и т. д., а также и въ томъ, что этимъ не исключается возможность на нихъ органической жизни. Жизнь на нихъ совершенно несомнѣнно подчинена химическимъ и механическимъ законамъ (которые, однако, сообразно съ измѣненіемъ условій, дѣйствуютъ иначе). Если бы углеродъ и дѣйствительно былъ единственнымъ матеріаломъ, способнымъ къ образованію органовъ, то несомнѣнно эти углеродныя соединенія были бы раз-

личны на различныхъ планетахъ различныхъ солнечныхъ системъ; они должны были бы приспособляться къ даннымъ условіямъ и изъ своего взаимодѣйствія, приспособленія и т. д. образовать другой органическій міръ. Имѣемъ ли мы, такимъ образомъ, право изъ неумолимой зависимости организмовъ отъ окружающихъ физическихъ условій, которыя съ одной стороны слагаются изъ механическихъ законовъ и химическаго сродства, съ другой — изъ даннымъ составныхъ частей и теллурическихъ отношеній, выводить заключеніе, что органическія существа суть ничто иное, какъ порожденіе, необходимое слѣдствіе химическаго сродства и т. д., ибо они, во всякомъ случаѣ, могутъ образоваться лишь при его помощи. Натуралисты, когда кто нибудь станетъ указывать на недостаточность однихъ механико-химическихъ законовъ, насколько они намъ извѣстны, тотчасъ же поднимаютъ крикъ противъ супранатуралистическихъ тенденцій, внушающій, однако, только подозрѣніе, что гг. естествоиспытатели держатся того тайнаго убѣжденія, что ихъ знаніе природы есть граница естествознанія вообще.

Сравнивая органическія и неорганическія формы, Геккель видитъ въ обѣихъ кристаллизацію, образующуюся въ обоихъ случаяхъ посредствомъ выбора веществъ изъ окружающихъ элементовъ. По отношенію къ органической кристаллизаціи это выраженіе справедливо, потому что и на самомъ дѣлѣ для органическаго строенія и воспроизведенія происходитъ постоянный и вѣрный выборъ веществъ, далеко превышающій наше пониманіе и знаніе; но можемъ ли мы то же самое сказать про неорганическую кристаллизацію, гдѣ для кристалла возможно уподобленіе лишь однородныхъ ему веществъ изъ маточнаго щелока — это еще подлежитъ сомнѣнію. Для того,

чтобы атомы и атомныя соединенія могли кристаллизоваться, они должны быть сначала на свободѣ, то есть, должны быть въ растворенномъ состояніи. Фактъ моего вліянія на кристаллизацію посредствомъ примѣсей, температуры и другихъ вліяній оправдываетъ лишь то предположеніе, что притяженіе и различныя формы и свойства различныхъ находящихся въ растворахъ молекулъ совершенно достаточны для образованія различныхъ твердыхъ формъ. Не то при мнимыхъ органическихъ кристаллизаціяхъ.

Геккель говоритъ самъ (стр. 143): «Мы не знаемъ, почему здѣсь извѣстное число атомовъ углерода, кислорода, водорода и азота, соединяется въ опредѣленномъ количествѣ, чтобы образовать пластическую матерію, бѣлковинное тѣло, коего молекулы соединяются тогда при равныхъ по видимому условіяхъ (на самомъ же дѣлѣ всегда неравныхъ) для образованія монеръ, примитивныхъ, однородныхъ организмовъ, которые столь отличаются другъ отъ друга въ способности развитія, и изъ которыхъ однѣ даютъ начало растительнымъ, другія—животнымъ организмамъ». Но вѣдь объ этомъ-то и идетъ рѣчь; это должно было бы знать естествовѣдѣніе, стремящееся отнять всякое право на существованіе у воззрѣній другаго рода. Когда оно ставитъ въ упрекъ умозрѣнію его наклонность къ неизвѣстнымъ и недоказаннымъ принципамъ или силамъ, то и само оно не должно приписывать извѣстнымъ вещественнымъ элементамъ новыхъ недоказанныхъ способностей. Относительно кристалловъ, мы, во всякомъ случаѣ, не знаемъ опредѣленно, какъ совершается процессъ ихъ образованія, но мы знаемъ все-таки, что при извѣстныхъ условіяхъ, которыя мы въ состояніи воспроизвести, съ самаго начала міра получались тѣ же самые результаты; а такъ какъ у кристалловъ, кромѣ того, нѣтъ ни отправленій, ни

приспособленныхъ къ нимъ органовъ, нѣтъ, слѣдовательно, ни цѣли, ни опредѣленной воли, а замѣтно лишь одно пассивное, неизмѣнное стремленіе, то здѣсь, во всякомъ случаѣ, можно совершенно удовольствоваться извѣстнымъ химическимъ сродствомъ и извѣстными механическими законами, какъ, повидимому, достаточными для этого явленія.

Я знаю очень хорошо, что мнѣ съ разныхъ сторонъ возразятъ, что вѣдь и органическое формообразованіе, какъ и дѣятельность организмовъ, есть также «необходимое стремленіе». Со вторымъ можно согласиться, но никакъ не съ первымъ. Данный организмъ долженъ при данныхъ обстоятельствахъ развить опредѣленную дѣятельность. Но именно для объясненія необыкновеннаго и безконечнаго разнообразія органическихъ формъ необходимо допустить таковое же различіе стремленій, что наводитъ на ту мысль, что весь процессъ органическаго развитія съ таинственнаго начала его вплоть до высокоразвитыхъ формъ предполагаетъ нѣкоторое образующее формы и производящее различія начало, которое не можетъ быть отождествляемо съ вѣчнымъ постоянствомъ и неизмѣннымъ императивомъ кристаллизаціи. (Къ этому мы возвратимся въ IV главѣ).

Если бы въ жидкости, составленной нами въ лабораторіи, постоянно и самопроизвольно зарождались монеры и если бы мы могли превратить ихъ въ высшія органическія формы такъ, какъ мы дѣлаемъ это съ неорганическими образованіями, то естествоиспытатели имѣли бы право указывать на излишность того воззрѣнія, по которому для объясненія всѣхъ этихъ случаевъ необходимо призвать на помощь «Волю, Безсознательное, неизвѣстную монаду, Творца и т. п.» Въ одномъ однако должны сойтись спорящія стороны,—въ томъ, что—до сихъ поръ по крайней мѣрѣ—никто, если и не въ со-

стоянiи доказать такiя предположенiя, то и не въ правѣ считать ихъ невозможными и немыслимыми. Не смотря на всѣ свои успѣхи, бiологiя до сихъ поръ не можетъ доказать одного, именно того, что все, что мы знаемъ объ углеродѣ и другихъ газахъ и кристаллизацiи, совершенно достаточно для объясненiя происхожденiя органической жизни. Послѣднее положенiе Геккеля въ этой главѣ такого рода: «Все держится законами притяженiя массъ и химическаго сродства». Съ этимъ положенiемъ долженъ согласиться всякiй,—все дѣйствительно покоится на этихъ законахъ, всѣ чудеса мiра; однако рядомъ съ этимъ положенiемъ могутъ существовать почти всѣ философскiя теорiи. Имъ не исключается, напримѣръ, возможность того, что за человѣкомъ, какъ явленiемъ, скрывается нѣчто другое, отличное отъ организующаго углерода.

Геккель совершенно неправъ, когда онъ говоритъ (Antropogenie, стр. 401): «Тому, кто для объясненiя начала жизни на нашей землѣ не приметъ первоначальнаго зарожденiя монеръ въ нашемъ смыслѣ, не остается ничего болѣе, какъ повѣрить чуду». Не нужно вѣрить чуду, чтобы признавать первоначальное зарожденiе въ другомъ смыслѣ, чѣмъ Геккель, какъ мы въ концѣ главы и увидимъ, что существуютъ различныя воззрѣнiя по этому вопросу. Но мы не должны всего, чего мы не понимаемъ, называть чудомъ; я не сомнѣваюсь, что было и продолжаетъ повторяться зарожденiе или, лучше сказать, возникновенiе монеръ; и все же изъ сочиненiй Геккеля я не вынесъ убѣжденiя, что это первоначальное зарожденiе производится очевидно и единственно свойствами углерода.

III.

Густавъ Іегеръ.

Въ виду большихъ успѣховъ естествознанія, я считаю необходимымъ обратиться къ новѣйшимъ работамъ въ этой области и полагаю, что на это имѣютъ болѣе всего права вышедшія въ свѣтъ черезъ 10 лѣтъ послѣ Морфологіи Геккеля, освѣщающія по преимуществу теорію протоплазмы «Зоологическія письма» Іегера; ибо этотъ ученый не только осторожнѣе Геккеля въ своихъ утвержденіяхъ, но, между прочимъ, высказываетъ и такое справедливое мнѣніе, что достичь полнаго пониманія можно лишь съ помощью точнаго изученія физическихъ свойствъ зародыша, если уже придавать ему такое значеніе. Іегеръ посвящаетъ поэтому протоплазмѣ особенное вниманіе.

Опредѣляя задачу естествовѣдѣнія вообще и различіе между органическими и неорганическими тѣлами, Іегеръ выражается такъ (стр. 11): «изученіе органическихъ существъ можетъ быть полнымъ лишь тогда, когда будетъ предшествовать ему столь же полное знаніе образующихъ ихъ веществъ въ ихъ неорганическомъ состояніи. Впрочемъ, такое условіе при современномъ состояніи знанія неорганическихъ тѣлъ вовсе еще не осуществимо. Безъ сомнѣнія, геологія и метеорологія дошли до того, что стало возможнымъ всѣ входящія въ ихъ область явленія сводить, со значительною вѣроятностью, къ одному непреложному естественному закону; однако до сихъ поръ еще не удалось возсоздать, при помощи этого закона, то состояніе неорганической матеріи, прямымъ результатомъ котораго должно было явиться организированіе этихъ веществъ». Іегеръ, какъ мы видимъ, вы-

ражается гораздо осторожнѣе Геккеля, не смотря на то, что естествознаніе сдѣлало большіе успѣхи въ послѣднія десять лѣтъ. Было бы желательно, чтобы такое настроеніе продолжалось еще нѣсколько десятковъ лѣтъ; тогда, можетъ быть, естествознаніе стало бы на объективную почву.

Іегеръ говоритъ далѣе, что «всѣ матеріальныя вещи обязаны своимъ происхожденіемъ матеріальнымъ причинамъ»; и все-таки онъ сбивается потомъ на тотъ же путь полемической борьбы, когда приписываетъ всѣмъ тѣмъ, кто признаетъ недостаточными для объясненія органической жизни извѣстные намъ механическіе, химическіе и физическіе процессы, силы и вещества такого рода нелѣпость, какъ предположеніе, что «съ каждымъ кусочкомъ вещества связана управляющая имъ нематеріальная сила, нисколько не зависящая отъ законовъ природы» (стр. 13), чѣмъ, однако, дѣло нисколько не становится понятнѣе. Этимъ господамъ совершенно безполезно объяснять, что можетъ существовать и дѣйствительно существуетъ очень много такъ называемой матеріи, которая, однако, недоступна для нашихъ чувствъ, потому что нашъ организмъ уже въ себѣ самомъ противопоставляетъ содержанію всего міра чрезвычайную плотность и самъ можетъ воспринимать лишь очень плотное; такъ, напримѣръ, и атомъ со своею весь міръ охватывающею притягательною силою для насъ невидимъ и непонятенъ и въ этомъ смыслѣ можетъ быть названъ уже нематеріальнымъ. Отсюда, однако, ни одинъ разумный человѣкъ не сдѣлаетъ вывода, что все, что недоступно нашимъ чувствамъ, должно быть дѣйствительно нематеріальнымъ и «независимымъ отъ законовъ природы».

Относительно возникновенія органическихъ существъ, Іегеръ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ:

a) Первыя органическія существа возникли въ томъ слоѣ жидкости, который облекалъ земной шаръ въ то время, когда температура земной поверхности понизилась по крайней мѣрѣ до 60° R.

b) Они возникли если и не на всѣхъ пунктахъ земной поверхности, то все-таки на большей части ихъ одновременно.

c) Процессъ, путемъ котораго произошли первоначальныя существа, продолжается съ самаго перваго момента своего проявленія до настоящаго времени и служитъ теперь точно также для образованія если и не совсѣмъ такихъ же, то все-таки въ высшей степени сходныхъ существъ.

d) Первыя существа были одноклѣточными организмами, подобными нынѣ живущимъ монадинамъ, астазіямъ и проч.

e) Матеріаломъ, изъ котораго произошли они, служило протеинное вещество, которое образовалось изъ углеводородныхъ и аммоніакальныхъ соединеній, растворенныхъ въ водѣ, при участіи сѣры и фосфора.

Какъ ни основательны и достойны вниманія эти выводы, никто, однако, не станетъ утверждать, что ими объясняется возникновеніе органической жизни, и считать доказанной невозможность вліянія другихъ факторовъ, ибо, напримѣръ, совершенно мыслимо, что какой нибудь другой организующій принципъ или неизвѣстное существо, или неизвѣстные атомы (параллельно съ выводами Іегера):

a) при температурѣ ниже 60° могли создать органическое существо;

b) не только здѣсь или тамъ, но вездѣ проявляютъ свою творческую силу;

c) не только тогда, но продолжаютъ быть дѣятельными и теперь;

d) въ состоянiи производить одноклѣточныя существа, какъ самыя низшiя и вѣроятно первыя продукты ихъ творчества,

что, наконецъ, e) для произведенiя этихъ существъ необходимо опредѣленное протеинное вещество.

Бiологи могутъ, во всякомъ случаѣ, возразить, что существованiе этого организующаго принципа или существа тоже не доказано, а есть лишь предположенiе; но они не имѣютъ уже права говорить, что это предположенiе излишне, потому что и они, съ своей стороны, ничѣмъ не доказали, что протеинное вещество обладаетъ способностью внезапно обращаться въ живое существо, и потомъ посредствомъ простаго дифференцированiя, съ теченiемъ времени, образовать мыслящаго и чувствующаго человѣка.

Въ шестомъ письмѣ Iегеръ говоритъ (стр. 129): «доказано, что матерiалъ для образованiя клѣточки не есть безжизненная, неорганическая масса, но уже обладающее жизненными проявленiями вещество, такъ называемая — протоплазма. Свободное образованiе клѣточки состоитъ въ распаденiи протоплазмы на маленькiя капельки, въ которыхъ, вѣроятно, концентрическое дифференцированiе производитъ ядро клѣточки или это послѣднее и клѣтчатую плеву». Онъ признаетъ вѣрность Геккелева утвержденiя, что способность бѣлковины къ разбуханiю составляетъ одно изъ существенныхъ условiй для образованiя характеристическихъ свойствъ живыхъ существъ и очень удачно замѣчаетъ по этому поводу: «однако вѣдь въ этомъ заключается лишь условiе для возникновенiя живаго существа, но нисколько не объясняется самый актъ возникновенiя жизни. Кусочекъ разбухшаго бѣлковаго соединенiя еще не есть протоплазма и не обнаруживаетъ жизни». Научное представленiе о первоначальномъ за-

рожденіи получится только тогда,—думаетъ онъ,—«когда будетъ выяснена природа такъ называемыхъ жизненныхъ силъ». Это выраженіе обозначаетъ лишь то, что простой разумъ утверждаетъ постоянно, именно, что бѣлковина должна быть какимъ либо образомъ и посредствомъ чего нибудь оживлена. Послушаемъ, какъ представляетъ себѣ это Іегеръ. Что такое эти жизненныя силы и откуда они взялись? «Со временъ Дюбуа Реймона ихъ принято считать электрическими, причемъ признается, что подлежащія вещества составлены изъ молекулъ, содержащихъ въ себѣ разнородныя электричества, которыя заключены въ жидкомъ индефферентномъ проводникѣ—какъ выражается въ своей физіологіи Людвигъ—или въ возбуждающей жидкости, какъ мы выразились бы теперь».

Іегеръ придаетъ составнымъ частямъ протоплазмы соотвѣтствующія функціи для этого гальваническаго столба и полагаетъ, что протоплазма, лишенная жидкокости, должна или погибнуть, или перейти въ состояніе скрытой жизни. Таково физическое состояніе протоплазмы. Что же касается ея химическаго состоянія, то въ протоплазмѣ нельзя видѣть простое химическое соединеніе—она есть совокупность многихъ такихъ соединеній. «Протоплазма есть эмульсивная смѣсь по крайней мѣрѣ трехъ химически-различныхъ веществъ, изъ которыхъ не менѣе какъ два принадлежатъ къ категоріи бѣлковыхъ веществъ. Вызванное этимъ химическимъ различіемъ электрическое напряженіе становится причиной чувствительности, сокращаемости, обмѣна веществъ, короче—причиною жизненныхъ силъ». Итакъ чувствительность, сокращаемость и обмѣнъ веществъ—вотъ, въ короткихъ словахъ, жизненныя силы. Однако эти три необходимыя условія органическаго развитія, въ свою очередь, суть также результатъ электрическаго напряже-

нія въ протоплазмѣ; это же напряженіе обусловливается извѣстными составными частями и ихъ группировкой въ бѣлковинномъ тѣлѣ, которое однако еще не составляетъ протоплазмы и не обнаруживаетъ жизни, ибо эта послѣдняя возникаетъ лишь при помощи «жизненныхъ силъ», т. е. при помощи чувствительности, сокращаемости, обмѣна веществъ и т. д. Вотъ тотъ кругъ, въ которомъ вращается Іегеръ со своими жизненными силами; онъ не объясняетъ намъ ни факта оживотворенія протоплазмы, ни того, что такое жизненныя силы.

Впрочемъ, электрическое напряженіе въ бѣлковыхъ тѣлахъ не удовлетворяетъ кажется и Іегера: должны существовать опредѣленно сформированныя протоплазмы. Тутъ однако возникаетъ вопросъ: откуда же онѣ сформированы? Кто или что группируетъ вещественные элементы, такъ что изъ электрическаго напряженія возникаютъ жизненныя силы, рождается въ концѣ концовъ Сократъ, Титъ и т. д.?

Какъ прежде, при развитіи метаморфозы, такъ и здѣсь на помощь является дифференцированіе; дифференцированіе же вызывается... дифференцированіемъ. Къ этому сводится аргументація большинства біологовъ. Нельзя отрицать, что дифференцированіе существенно споспѣшествуетъ развитію, какъ и вообще нельзя отрицать заслугъ біологовъ при несомнѣнной цѣнности и точности ихъ работъ; но мы не должны думать, что будто бы они доказали, что организмы возможны единственно благодаря электрическому притяженію случайныхъ соединеній бѣлковины, потому-де, что безъ нихъ они не могутъ явиться на свѣтъ, и что словомъ «дифференцированіе» разрѣшается всякое дальнѣйшее затрудненіе. Изъ того, что я не могу построить локомотивъ безъ желѣза или другаго металла, ни произвести пара безъ воды или другой какой нибудь жидкости, ни получить огня безъ

угля или другого горючаго матеріала — изъ всего этого еще никоимъ образомъ не слѣдуетъ, что желѣзо, вода и уголь могутъ въ одинъ прекрасный день вступить въ такое сочетаніе, изъ котораго въ концѣ концовъ образуется идущій на всѣхъ парахъ локомотивъ. Іегеръ говоритъ самъ, что органическія существа на своемъ пути къ высшей организаціи не только опредѣляются присущими имъ силами, но что эти послѣднія даютъ только тему, «на которую природа съ помощью столь разнообразно сочетающихся внѣшнихъ вліяній создаетъ множество варіацій».

И такъ не въ силахъ, присущихъ веществамъ и соединеніямъ, образующимъ организмы, заключается опредѣляющее и организующее начало; также и не во внѣшнихъ условіяхъ, которыя суть лишь вспомогательныя средства, но, по мнѣнію Іегера, въ природѣ должно видѣть это начало, и если нельзя точно опредѣлить, что въ этомъ случаѣ понимается подъ «природой», такъ какъ это понятіе очень широко, то по крайней мѣрѣ одно узнали мы отъ Іегера, что ни открытыя до сихъ поръ жизненныя силы, ни внѣшнія вліянія не суть единственные факторы въ этомъ дѣлѣ.

Выставленныя имъ положенія касательно протоплазмы и жизненныхъ проявленій совершенно справедливы, поскольку они касаются составныхъ частей и свойствъ первой или условій вторыхъ; однако не надо извращать дѣла и говорить, что смѣсь изъ бѣлковыхъ веществъ есть уже протоплазма; можно многому вѣрить, надѣяться и желать, не слѣдуетъ только утверждать, что это уже доказано, а также и удивляться, когда другіе пытаются доискаться этой vis formativa въ бѣлковыхъ соединеніяхъ, которыя сами по себѣ безъ этой силы совершенно недостаточны.

Іегеръ самъ (стр. 201) ставитъ вопросъ: «Что со-

ставляетъ причину распаденія ядра, на которомъ основывается самооплодотвореніе? Что это за явленіе, сосредоточивающееся только на одной этой клѣточкѣ и не касающееся другихъ, тогда какъ эти послѣднія находятся въ тѣхъ же, что и первая, условіяхъ существованія? Въ этомъ я должникъ предъ моимъ читателемъ. Тайнами природы нельзя овладѣвать приступомъ; на пути нашей investigatio causarum мы нерѣдко наталкиваемся на причины, не поддающіяся нашему воспріятію, и всякій разъ бываемъ принуждены удовольствоваться лишь частичными результатами». Несомнѣнно, что эти результаты не лишены значенія, хотя они и далеки отъ отвѣта на болѣе глубокіе вопросы. Но на выше поставленный вопросъ не имѣетъ права отвѣтить молчаніемъ тотъ, кто хочетъ все объяснить протоплазмой и при помощи протоплазмы, извѣстнымъ химико-физическимъ путемъ, отрицая необходимость другихъ факторовъ, и кто начинаетъ раздражаться на тѣхъ, которые идутъ другими, чѣмъ онъ, путями; если же онъ не отвѣтитъ на этотъ вопросъ, то его воззрѣніе есть только лучше или хуже обоснованное предположеніе, не могущее представлять никакой помѣхи для воззрѣній другого рода. Безъ сомнѣнія, протоплазма и зародышъ высокоорганизованныхъ существъ представляютъ различный матеріалъ; внѣшнія условія, безъ сомнѣнія, оказываютъ свое принудительное вліяніе,—все это справедливо, но всетаки недостаточно еще для возникновенія органической жизни.

Конечные результаты іегеровской теоріи сводятся къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Живая протоплазма (въ противорѣчіи съ Геккелемъ) ни однородна, ни лишена строенія, но состоитъ изъ трехъ различныхъ химическихъ сочетаній.

2) Протоплазма образовалась посредствомъ процесса смѣшенія.

3) Жизненность протоплазмы основывается на томъ что вошедшія въ смѣсь вещества различны между собою, и потому стоятъ другъ къ другу въ отношеніяхъ электрическаго напряженія.

Это, во всякомъ случаѣ, фактическія условія органическаго происхожденія и развитія, и нельзя не быть благодарнымъ біологамъ за ихъ точное наблюденіе и изслѣдованіе жизненныхъ процессовъ; однако, это вѣдь не объясненіе, которымъ можно удовлетвориться. Вопросъ о томъ, какъ совершается данное явленіе, становится все яснѣе и яснѣе; но собственная причина дѣйствія ни устраняется, ни дѣлается понятною.

Не только вопросъ о возникновеніи органической жизни на землѣ оставленъ біологіею необъясненнымъ, но и другое утвержденіе многихъ біологовъ (напримѣръ, Геккеля),—что жизнь должна была начаться на нашей планетѣ,—должно быть отмѣчено какъ одно изъ наиболѣе сомнительныхъ.

Эдгаръ Кине говоритъ въ своемъ «Твореніи», что жизнь имѣетъ космическое происхожденіе и такъ же стара, какъ природа и матерія; что она, какъ и все другое, могла уже заключаться въ первоначальномъ вещественномъ хаосѣ; что свѣтъ и жизнь нисходятъ къ намъ изъ другой сферы творенія и т. д. Захаріасъ держится также того мнѣнія, что теорія естественнаго развитія вовсе не требуетъ гипотезы земнаго происхожденія. Тиндаль высказываетъ подобное же мнѣніе, а профессоръ Прейеръ совершенно измѣняетъ вопросъ и спрашиваетъ о возникновеніи неорганическихъ элементовъ, выдѣлившихся изъ существовавшей уже космической жизни. Рядомъ съ этимъ является еще и другой большой вопросъ: не было ли первоначальное

зарожденіе возможно лишь при прежнихъ, болѣе благопріятныхъ для него условіяхъ? Я, съ своей стороны, считаю его возможнымъ и теперь, ибо въ противномъ случаѣ нельзя было бы понять, какимъ образомъ люди и первоначальныя клѣточки могли бы жить одновременно. Я, по крайней мѣрѣ, считаю невозможнымъ, чтобы первоначальная клѣточка съ самаго того времени до настоящаго могла находиться на той же ступени развитія, тогда какъ другія уже обратились въ людей.

Изъ всего этого множества взаимно противорѣчащихъ мнѣній одно становится очевиднымъ, именно, что о возникновеніи органической жизни ничего неизвѣстно, что въ настоящее время намъ возможенъ выборъ лишь между болѣе или менѣе вѣроятными предположеніями. Выводы біологіи — что касается, по крайней мѣрѣ, вопроса о происхожденіи — не изобличаютъ въ заблужденіи ни Лейбница, ни Шопенгауэра, ни кого другаго. Мы оставимъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, какимъ образомъ могла возникнуть живая протоплазма и образоваться первое индивидуальное существо, клѣточка, и послѣдуемъ далѣе за выводами естествознанія, чтобы видѣть, насколько можетъ быть оправдана самоувѣренность его представителей, по крайней мѣрѣ, въ рѣшеніи дальнѣйшаго вопроса, вопроса о развитіи, и насколько справедливо, что съ первой клѣточкой, какъ таковой, дано все послѣдующее развитіе.

III.

Происхожденіе многоклѣточныхъ организмовъ.

Если мы не узнали, какъ возникла жизнь, то обратимся, по крайней мѣрѣ, къ слѣдующему вопросу, именно, въ состояніи ли живая протоплазма, разъ она намъ дана, произвести изъ себя остальную работу органическаго творчества.

Это фактъ, что чрезъ дѣленіе одной клѣточки можетъ возникнуть нѣкоторая новая; но есть ли это размноженіе или новое самостоятельное зарожденіе — это не такъ легко разрѣшить. Несомнѣнно, что протоплазма, окружающая клѣточное ядро, является, по отношенію къ нему, тѣмъ же что маточный растворъ по отношенію къ кристаллу. Если вслѣдствіе избытка въ питаніи соберется достаточное количество протоплазмы, тогда гораздо естественнѣе предположить, что развитіе втораго клѣточнаго ядра произойдетъ тѣмъ же путемъ, какъ и развитіе перваго, чѣмъ приписывать первому ядру потребность и соединенную съ нимъ дѣятельность размноженія. Если количество протоплазмы болѣе чѣмъ необходимо и подъ силу одному центру, то вотъ уже даны условія для возникновенія новой клѣточки. Какъ бы, во всякомъ случаѣ, ни было, но мы не можемъ от-

рицать факта образованія втораго клѣточнаго ядра, хотя и не знаемъ о происхожденіи ни его, ни перваго. Мы должны смотрѣть на происхожденіе обоихъ ядеръ, какъ на фактъ необъясненный; но и въ этомъ случаѣ полное или неполное отдѣленіе должно быть—если оно раньше уже не явилось — необходимымъ слѣдствіемъ дѣятельности обоихъ центровъ.

Разъ одолѣны всѣ эти трудности, тогда уже ничего нельзя возразить противъ натуралистическаго ученія, что чрезъ неполное отдѣленіе образуются кучи клѣточекъ, различныя положенія которыхъ порождаетъ дифференцированіе — такимъ образомъ, что одна клѣточка развивается на счетъ другой и сама играетъ ту же роль относительно третьей. Если бы какая нибудь клѣточка обладала вѣчностью жизни, то современная теорія развитія вызвала бы мало возраженій; для возникновенія клѣточки изъ неорганическаго вещества и для образованія клѣточной кучки было бы совершенно достаточно однихъ внѣшнихъ условій, борьбы за существованіе и приспособленія.

Но вѣдь эта кучка не вѣчна, а смертна. Поэтому-то нужно позвать на помощь нѣчто другое, чтобы не утрачивались плоды борьбы за существованіе и приспособленія (которыя мы видимъ на самомъ дѣлѣ). Наука думаетъ, что она нашла ключъ къ этому въ фактахъ размноженія и наслѣдственности.

Однако, при спокойномъ обсужденіи, не ускользаетъ ни отъ чьего вниманія, что, прибѣгая къ объясненію посредствомъ фактовъ размноженія и наслѣдственности въ смыслѣ, который имъ даетъ естествознаніе, біологи впадаютъ въ petitio principii.

Если бы я нашелъ животное, которое обладало бы органами для образованія способныхъ къ развитію зародышевыхъ клѣточекъ и могло бы слагать въ нитъ плоды

своей дѣятельности, тогда, естественно, загадка разрѣшалась бы способностью отсюда размноженія и приспособленія. Я, конечно, легко могу найти и милліонъ, если я раньше куда нибудь самъ спрячу его. То, что еще нужно доказать, біологи выставляютъ уже, какъ доказанное; ибо какимъ же образомъ доходитъ клѣточная кучка до образованія зародышевыхъ клѣточекъ, какимъ образомъ явились у ней нужные для того органы? Вслѣдствіе чего зародышевая клѣточка становится способной къ этому?

Жизненное движеніе можетъ имѣть своимъ слѣдствіемъ обмѣнъ веществъ единственно для цѣли жизненнаго движенія. Если біологія откажется отъ своей точки зрѣнія—считать развитіе необходимымъ слѣдствіемъ отношеній вещественныхъ элементовъ; если она приметъ фактъ предусмотрительности относительно послѣдующихъ генерацій, тогда она подпадетъ телеологическому воззрѣнію. У одноклѣточныхъ существъ мы ничего не можемъ найти, кромѣ стремленія, хотѣнія жизни и, какъ необходимое слѣдствіе его, борьбу и приспособленіе. Но какое дѣло этимъ двумъ рычагамъ развитія до послѣдующихъ генерацій? Какимъ путемъ борьба за существованіе и приспособленіе, какъ естественное слѣдствіе первой, могутъ внушить моему организму или — точнѣе — клѣточкамъ его составляющимъ, предусмотрительность относительно будущихъ поколѣній?—Составныя части и ихъ связь въ зародышевыхъ клѣточкахъ (предполагая уже ихъ существованіе и способность наслѣдственности) не могутъ передать по наслѣдству ничего инаго, кромѣ того, что фактически было, а до сихъ поръ ничего инаго еще не было кромѣ кучи въ общеніи живущихъ клѣточекъ. Питаніе, отношеніе ко внѣшнему міру и борьба за существованіе не могутъ всецѣло опредѣлять жизнь зародышевой или родовой клѣточки: община клѣточекъ,

по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ изъ нихъ можетъ многаго не пожелать, и если бы одна клѣточка и достигла господства, то такое образованіе было бы немыслимо безъ цѣлесообразной и предусмотрительной дѣятельности, которая, впрочемъ—говорю ради моихъ читателей изъ круга представителей точной науки,—вовсе не должна поэтому имѣть божественный и метафизическій характеръ, какъ мы увидимъ это далѣе.

Господа, изъявляющіе притязаніе на имя точныхъ изслѣдователей, не имѣютъ права выражатъ негодованіе, когда кто нибудь позволитъ себѣ отнестись критически къ ихъ утвержденіямъ. Припомнимъ, какъ происходитъ дѣло: при неполномъ обособленіи, клѣточки, живущія другъ около друга, лишаются питанія; клѣточки, находящіяся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, развиваются болѣе и разностороннѣе; остальныя испытываютъ лишенія. И вотъ, общими силами онѣ должны создать клѣточку, обладающую стремленіемъ къ развитію многоклѣточнаго и въ то же время самостоятельно дѣйствующаго существа, къ развитію физіологическаго индивида! Почему они возьмутся за это, какое внѣшнее вліяніе побудитъ ихъ къ этому? Допустимъ даже, что у нихъ или у могущественнѣйшей изъ нихъ есть желаніе къ этому—такъ откуда же берется у ней способность осуществить свое желаніе? Что одноклѣточное существо отдѣляетъ излишекъ протоплазмы—это понятно; но вѣдь существуетъ громадная разница между этимъ остаткомъ протоплазмы и преобразованіемъ клѣточки изъ простой въ зародышевую.

Клѣточки, которыя не довольствуются одною борьбою съ внѣшими вліяніями, и клѣточки, которыя еще раньше воспріятія внѣшнихъ впечатлѣній принимаютъ мѣры относительно будущей борьбы будущихъ существъ, дѣйствуютъ очевидно телеологически; дѣятельность, которая такимъ образомъ переходитъ предѣлы борьбы за суще-

ствованіе, есть дѣятельность телеологическая, за каковую вообще должно быть признаваемо всякое половое, направленное на ближайше поколѣніе, органическое отправленіе. Вѣдь переданныя по наслѣдству способности существуютъ не у всѣхъ органическихъ веществъ и клѣточекъ, вообще выдѣляемыхъ какимъ либо организмомъ, но лишь у качественно опредѣленныхъ клѣточекъ, первое возникновеніе которыхъ не вызывается ни внѣшними отношеніями, ни борьбою за существованіе, ни приспособленіемъ; излишекъ питанія выдѣляется и этимъ создается функція, которую можетъ имѣть клѣточная кучка. Отъ клѣточной кучки къ физіологическому индивиду въ развитіи нѣтъ перехода—примемъ ли мы предположеніе нѣкоторой метафизической силы въ смыслѣ Шопенгауэра (которая никогда, правда, не приходитъ въ затрудненіе, но при всемъ томъ, какъ сама необъяснима, такъ и ничего другаго не дѣлаетъ яснымъ), или индивидуальную силу, которой бы принадлежала эта дѣятельность. Помимо же этого, для объясненія происхожденія многоклѣточнаго физіологическаго индивида ничего другаго не остается кромѣ принятія факта непосредственно-новаго творчества, которое опять-таки есть лишь замѣна одной загадки другою. Между Богомъ на небѣ, въ яичникѣ и въ монадѣ, съ точки зрѣнія этого объясненія, нѣтъ различія. Но если мы не въ состояніи что либо объяснить или понять—это еще не значитъ, что мы должны принимать неудачныя объясненія. Если я запру въ моей комнатѣ попугая и потомъ, войдя въ нее, увижу на столѣ разставленные въ полномъ порядкѣ для игры шахматы, я буду естественно находиться въ недоумѣніи относительно того, кто былъ въ комнатѣ и какъ онъ попалъ туда; но все-таки я буду думать, что это именно такъ было, а не то, что попугай сознательно

или случайно установилъ въ такомъ порядкѣ фигуры, и еще менѣе, что это сдѣлали сами шахматныя фигуры.

Обратимся теперь къ тому объясненію, которое даютъ біологи по поводу возникновенія многоклѣточныхъ существъ, способныхъ передавать по наслѣдству своимъ потомкамъ полученныя благодаря приспособленію качества; ибо если мы найдемъ объясненіе факта возникновенія, то пониманіе факта постепеннаго развитія уже не будетъ представлять столько трудностей.

Спенсеръ говоритъ (§ 72, Осн. Біол. т. I) самъ, что въ то время какъ молодые полипы—какъ скоро у нихъ появятся рты и щупальцы и прекратится ихъ сообщеніе съ тѣломъ родича,—совершенно отъ него отдѣляются, у сродныхъ имъ Hydrozoa побѣги не прерываютъ связи съ своимъ родичемъ, и нѣкоторыя изъ почекъ, вмѣсто того чтобы развиваться подобно остальнымъ, преобразуются въ капсюли, въ которыхъ развиваются яйца, и «что иные изъ рождающихся полиповъ становятся такимъ образомъ относительно питанія зависимыми отъ цѣлаго и выполняютъ отправленія, не имѣющія ничего общаго съ ихъ собственнымъ самосохраненіемъ»... «И у Physalia посредствомъ метаморфоза частей, составляющихъ гомологи индивидуальныхъ полиповъ, образуются совершенно различные органы».

Теперь возникаетъ вопросъ: почему въ одной капсюли образуются яйца, а въ другой нѣтъ? Что побуждаетъ одну клѣточку оставить заботу о своемъ самосохраненіи и что побуждаетъ другихъ взять на себя сохраненіе ея? Объясненія этого факта нѣтъ у Спенсера. Борьбою за существованіе и внѣшними отношеніями, слѣдовательно приспособленіемъ, онѣ не побуждаются къ этому; еще менѣе унаслѣдованіемъ этой способности, ибо она вѣдь еще не существуетъ, мы только еще изслѣдуемъ ея возникновеніе. Предварительно мы имѣемъ лишь разлу-

ченныя другъ отъ друга и соединенныя между собой клѣточки съ различнымъ развитіемъ, обусловленнымъ ихъ положеніемъ при питаніи; у протоплазмы, которая выдѣляется изъ этихъ клѣточекъ для новыхъ образованій, нельзя наслѣдовать ничего другаго кромѣ того, что было— расположенія къ образованію клѣточекъ съ неполнымъ обособленіемъ и различнымъ развитіемъ; зародышъ многоклѣточнаго физіологическаго индивида не можетъ возникнуть, потому что еще не существуетъ ни зародышевыхъ клѣтокъ, ни половыхъ органовъ, ни вообще физіологическихъ индивидовъ. (Этотъ фактъ долженъ былъ тѣмъ болѣе остановить на себѣ вниманіе Спенсера, что онъ упоминаетъ и самъ доказываетъ, что нѣтъ ни одного факта, говорящаго въ пользу того предположенія, что сѣменныя и зародышевыя клѣточки обладаютъ качествами существенно отличными отъ качествъ другихъ клѣточекъ). Гдѣ же найти переходъ отъ живущихъ въ кучѣ и ведущихъ борьбу за самосохраненіе клѣточекъ къ заботливой предусмотрительности дафній, которыя сообразно съ первоначальными измѣненіями въ ихъ питаніи (высыханіе и замерзаніе болотъ) кладутъ въ яичникѣ яйца двухъ родовъ (гамическія и агамическія яйца въ твердой скорлупѣ)? Если я имѣю организмъ, который того-то хочетъ и къ тому-то способенъ, тогда остальной путь конечно не труденъ.

Приведенный Спенсеромъ примѣръ (§ 79, т. I), что полипъ, который по отношеніи нужной для него пищи совершенно находится въ зависимости отъ случая, лучше обезпечиваетъ продолженіе своего вида выпочковываніемъ новыхъ, далѣе распространяющихся полиповъ, чѣмъ гамогенезисомъ, до котораго онъ могъ бы дойти лишь послѣ того, какъ достигъ бы равновѣсія въ питаніи— этотъ примѣръ, говорю я, заставляетъ предполагать, что полипъ имѣетъ интересъ въ продолженіи своего вида и

сознательное или безсознательное знаніе необходимыхъ для этого средствъ. Да, если я имѣю организмъ, который дѣйствуетъ въ интересахъ своего потомства, то тогда это дѣло другаго рода; но какъ могу я дойти при помощи углерода и даже живаго углерода, химико-механическимъ путемъ до такого полипа, который направляетъ свою дѣятельность не на свое собственное, а на чужое сохраненіе?

Аргументація Спенсера есть самообольщеніе, когда онъ говоритъ (§ 118): «Если простая клѣточка, при надлежащихъ условіяхъ становится человѣкомъ въ нѣсколько лѣтъ, то конечно не трудно понять, какъ при надлежащихъ условіяхъ клѣточка могла, въ періодъ равный неисчислимому количеству милліоновъ лѣтъ, дать начало человѣческому роду». Тѣмъ фактомъ, что изъ клѣточки развивается человѣкъ, Спенсеръ хочетъ объяснить исторію племеннаго развитія человѣка, подобно тому, какъ другіе пользуются исторіею племеннаго развитія какъ доказательствомъ для развитія зародыша. Совершенно несомнѣнно, что эти явленія находятся во взаимной связи; но вѣдь намъ подлежитъ вопросъ не о томъ, представляетъ ли исторія зародыша параллель исторіи племени, а о томъ, какъ возможны обѣ эти формы развитія; обѣ онѣ не выяснены—какъ же я могу одну уяснять себѣ другою?—Для того, чтобы исторія зародыша могла представлять соотвѣтствіе исторіи племени, должна вообще уже существовать жизнь, какъ фактъ; клѣточка должна быть способной къ переходу въ физіологическій индивидумъ и т. д. Рѣчь и идетъ именно о томъ, почему все это возможно и достаточно ли для этого ссылки біологовъ на углеродъ.

Теперь прошу особеннаго вниманія у моего читателя. Если бы первыя клѣточки (или то, что сообщаетъ имъ жизнь) послѣ перваго возникновенія продолжали-бы жить без-

конечно, тогда мнѣ было бы понятно, что одна изъ нихъ подчиняетъ въ клѣточной кучкѣ другія и послѣ продолжительной работы организованія наконецъ образуетъ человѣка; но вѣдь она же умираетъ, и все-таки мы до сихъ поръ видимъ, что клѣточка въ девять мѣсяцевъ дѣлаетъ то же самое, что посредствомъ филогенезиса достигается по прошествіи милліоновъ лѣтъ. Не есть ли это та же самая клѣточка или—вѣрнѣе—та же самая тожественная сила, которая въ девять мѣсяцевъ механико-химическимъ путемъ совершаетъ то, что она морфологически пріобрѣла и чему научилась въ продолженіе милліоновъ лѣтъ? Не достаточенъ ли этотъ намекъ для біологовъ?

Однако мы не будемъ забѣгать впередъ. Неоспоримая заслуга научнаго изслѣдованія въ области палеонтологіи и эмбріологіи заключается въ томъ, что оно указало на связь между развитіемъ племени и развитіемъ зародыша. Но вопросъ о томъ, почему все это возможно, разсматривается имъ чрезвычайно поверхностно.

Геккель идетъ нѣсколько далѣе, чѣмъ Спенсеръ, и стремится въ своей Anthropogenie точнѣе выяснить родословную человѣка. Посредствующее звено между одноклѣточными и многоклѣточными индивидами онъ видитъ въ такъ называемой gastraea, погибшей, похожей на gastrula, формѣ клѣточной кучки, плававшей въ водѣ. Объ этой gastraea Геккель говоритъ: (стр. 428) «Должно быть первобытная и нѣсколько милліоновъ лѣтъ тому назадъ погибшая gastraea отличалась лишь въ одномъ существенномъ отношеніи отъ живущей до сего дня gastrula. Изъ сравнительно анатомическихъ основаній, изложеніе которыхъ завело бы насъ слишкомъ далеко, мы можемъ принять, что gastraea размножалась уже половымъ путемъ, а не единственно безполымъ, какъ это, по всей вѣроятности, было у предшествовавшихъ

ей предполагаемыхъ формъ. Вѣроятно отдѣльныя клѣточки первобытныхъ зародышевыхъ листочковъ развились однѣ въ яйцевыя, другія въ оплодотворяющія сѣменныя клѣточки». Онъ не присоединяетъ къ этому положенію объясненія, какъ и чѣмъ обусловливается переходъ отъ дѣленія и почкованія къ зародышевымъ клѣточкамъ, но ссылается въ скобкахъ на двадцать пятое чтеніе, въ которомъ говорится о размноженіи. «Размноженіе есть питаніе и переростаніе организма за предѣлы его индивидуальной мѣры» —говорится на первой страницѣ чтенія. Для объясненія дѣлается указаніе на 131 страницу. Тамъ мы находимъ опять ссылку на второй томъ Морфологіи, стр. 16; на 131 же страницѣ говорится: «Къ дѣленію примыкаетъ прежде всего образованіе почекъ, и далѣе образованіе сѣменныхъ клѣтокъ или споръ». Таково безполое размноженіе, за которымъ естественно слѣдуетъ половое. Эта вторая часть входитъ въ исторію развитія того, что уже существуетъ; мы же должны прежде всего достигнуть пониманія того, какъ община клѣточекъ вообще становится способной производить зародышевыя клѣточки, а потомъ уже приступить къ разрѣшенію, чѣмъ побуждаются такія двѣ клѣточки къ взаимному сліянію. Ибо соединеніе двухъ любыхъ клѣточекъ не даетъ результатовъ—онѣ должны быть для этого зародышевыми.

На 16-й страницѣ второго тома морфологіи, куда ссылается Геккель, мы читаемъ, что онъ не имѣетъ намѣренія дать описаніе извѣстныхъ органическихъ явленій развитія, а стремится къ болѣе высокой цѣли— къ объясненію этого развитія и думаетъ построить его на теоріи превращенія видовъ, которая одна можетъ дать это объясненіе.

Безъ сомнѣнія теорія превращенія видовъ можетъ разрѣшить загадку, если только эта теорія будетъ разъ-

яснена—чего такъ желаетъ Геккель—механически-причиннымъ путемъ; но все-таки я не могу объяснять теорію превращенія видовъ посредствомъ ея самой. Если организмы могутъ образовать зародышевыя клѣточки, обладающія способностью къ развитію и наслѣдственности, тогда все это понятно; но какъ дойти до такого рода организмовъ?

«Ростъ есть питаніе съ образованіемъ новой массы тѣла, на дѣлѣ же продолженное произрожденіе, а произрожденіе есть ничто иное, какъ начало индивидуальнаго роста»—говоритъ Беръ. «Размноженіе есть питаніе и переростаніе организма за предѣлы его индивидуальной мѣры; оно возвышаетъ часть на степень цѣлаго»—говоритъ Геккель. Теперь я позволю себѣ спросить, можно-ли назвать это объясненіемъ? Это лишь формулировка того факта, что изъ одного организма возникаетъ другое тѣло, которое превращается также въ организмъ, а не отвѣтъ на вопросъ: чѣмъ организмъ побуждается и дѣлается способнымъ употреблять свой излишекъ питанія не для увеличенія своего роста, не для превращенія его въ экскременты, а для образованія новыхъ индивидовъ? Что размноженіе есть именно самосохраненіе вида, какъ питаніе есть самосохраненіе индивидовъ, это фактъ, но никакъ не объясненіе размноженія.

Геккель полагаетъ далѣе, что явленія возстановленія и воспроизведенія бросаютъ наиболѣе яркій свѣтъ на явленія размноженія, «которыя состоятъ изъ трудно понимаемаго жизненнаго процесса». Существенное условіе возстановленія и воспроизведенія составляютъ борьба за существованіе и приспособленіе (хотя они и недостаточны вполнѣ, какъ мы увидимъ далѣе); но оба эти фактора не ведутъ къ размноженію, къ заботѣ о сохраненіи вида. Тѣмъ не менѣе Геккель говоритъ здѣсь

постоянно объ организмахъ, обладающихъ способностью размноженія, тогда какъ мы еще не знаемъ, какъ могли они развиться изъ протоплазмы клѣточной кучки, еще не составляющей физіологическаго индивида.

Послѣднія слова главы приводятъ въ положительное изумленіе (стр. 17). «Здѣсь позволимъ мы себѣ установить, какъ основу всеобщей онтогеніи, слѣдующее важное положеніе: размноженіе и непосредственно связанное съ нимъ развитіе суть физіологическія функціи, основанныя на законахъ матеріальнаго роста». Основанныя!! Тщетно искалъ я этихъ законовъ роста, на которыхъ бы основывалось происхожденіе новыхъ индивидовъ, и нашелъ лишь такіе, при которыхъ оно возможно или имѣетъ мѣсто. Если организмъ не имѣетъ достаточнаго питанія, то произрожденіе во всякомъ случаѣ должно остановиться; но одна пища все-таки не можетъ произвести необходимаго обмѣна веществъ для образованія зародышевыхъ клѣточекъ. Обѣщанное объясненіе ограничивается простой формулировкой того положенія, что размноженіе есть перерастаніе за предѣлы индивидуальной мѣры; это единственное во всей 17-й главѣ положеніе, имѣющее характеръ нѣкотораго объясненія.

У живущихъ доселѣ гастреадъ Геккель такимъ образомъ изображаетъ размноженіе (стр. 68): «Тонкая стѣнка мѣшечка (у Haliphisema и Olynthus) состоитъ единственно изъ обоихъ первоначальныхъ зародышевыхъ листочковъ. Какъ скоро этотъ мѣшечекъ достигаетъ половой зрѣлости, отдѣльныя клѣточки стѣнки обращаются въ женскія яйцевыя, а другія въ мужскія сѣменныя клѣточки; первыя становятся очень велики, такъ какъ образуютъ въ своей протоплазмѣ значительное количество крупинокъ яичнаго желтка, послѣднія, наоборотъ,

становятся очень малы и превращаются въ движущіяся Spermatozoa, имѣющія форму булавки».

Конечно, если я уже имѣю такого рода клѣточки, тогда дѣло пойдетъ хорошо; но какимъ образомъ предки теперешнихъ гастреадъ дошли до произведенія такихъ зародышевыхъ клѣточекъ? Вѣдь клѣточки были заняты только своимъ прокормленіемъ, и ничѣмъ не могли быть побуждены дѣйствовать въ интересахъ будущихъ генерацій. Одно изъ двухъ: или въ кучкѣ клѣточекъ должно заключаться нѣкоторое движущее начало, или импульсъ долженъ приходить извнѣ—въ процессѣ же одного питанія онъ заключаться не можетъ.

У одноклѣточныхъ существъ размноженіе, т. е. возникновеніе второго протоплазматическаго тѣла нисколько не удивительнѣе, чѣмъ возникновеніе перваго; но дѣло измѣняется при переходѣ отъ одноклѣточныхъ къ многоклѣточнымъ индивидамъ Разъ эти яйцевыя и сѣменныя клѣточки существуютъ со способностью къ развитію, то ничего собственно и не требуется кромѣ сліянія или срощенія ихъ, и тогда Геккель во всякомъ случаѣ можетъ говорить, что всѣ другія отношенія у высшихъ животныхъ отличаются «подчиненнымъ характеромъ», ибо разъ я имѣю организмы съ клѣточками, которыя заняты образованіемъ зародыша, то мнѣ нечего удивляться, если съ теченіемъ времени ихъ дѣло принесетъ свои плоды; но тѣмъ самымъ вся исторія ихъ дѣла— если даже филіація вѣрна и процессъ соотвѣтствуетъ истинѣ—все-таки не становится яснѣе; ибо еще не отыскано и не указана причина, побуждающая клѣточный комплексъ къ образованію такого рода клѣтокъ: (Стр. 431). «Когда Haliphysema достигаетъ половой зрѣлости, то отдѣльныя клѣточки энтодермы превращаются въ женскія яйцевыя клѣточки, и отдѣльныя клѣточки эксодермы, напротивъ,—въ мужскія сѣ-

менныя»... «Какъ у тѣхъ животно-растеній, точно также у гастреадъ оба рода половыхъ клѣтокъ образуются изъ одного и того же индивида». Я не сомнѣваюсь какъ въ фактѣ относительно Haliphysem'ъ, такъ и въ вѣрности утвержденія относительно гастреадъ; я принимаю то и другое благодаря авторитету Геккеля; однако все это станетъ возможнымъ лишь тогда, когда уже образуются многоклѣточные индивиды, т. е. существа съ такого рода зародышевыми клѣтками; тогда только можетъ быть разговоръ о возможности наслѣдственности. Что Геккель нѣсколько легко обращается съ этимъ понятіемъ, это утверждаетъ и Іегеръ, а Гетте прямо выразился, что «Геккель ни имѣетъ яснаго понятія о томъ, что такое наслѣдственность, ни въ сосостояніи объяснить это явленіе».

Іегеръ, какъ и всегда, гораздо осторожнѣе, основательнѣе или искреннѣе—не знаю, какое вѣрнѣе изъ этихъ выраженій—при рѣшеніи этого вопроса, чѣмъ большинство другихъ біологовъ. Онъ прежде всего утверждаетъ, что размноженіе посредствомъ дѣленія нельзя сравнивать съ размноженіемъ посредствомъ оплодотворенія, что первое соотвѣтствуетъ не отдѣленію яичекъ, а дѣленію желтка. При изслѣдованіи причины дѣленія клѣточки, въ которомъ онъ всегда видитъ актъ, сходный съ оплодотвореніемъ, Іегеръ различаетъ оплодотвореніе клѣточки посредствомъ ея собственнаго ядра, оплодотвореніе клѣточки другою изъ той же самой клѣточной общины и оплодотвореніе клѣточки другою изъ другой общины, и приходитъ уже къ приведенному въ предъидущей главѣ выводу (стр. 10), что причины, посредствомъ которой изъ всѣхъ, находящихся при равныхъ условіяхъ, клѣтокъ только одна достигаетъ самооплодотворенія, мы не знаемъ.

Это по крайней мѣрѣ искренно. Однако, что ка-

сается до высказанной имъ надежды на медленное и послѣдовательное разрѣшеніе этихъ вопросовъ, то тутъ должно замѣтить, что конечно не невозможно, что именно съ его стороны послѣдуетъ таковое относительно вопроса о возникновеніи и развитіи организмовъ, но одно навсегда останется невозможнымъ: объяснять наслѣдственность посредствомъ наслѣдственности, и отрицать телеологическій характеръ у дѣятельности, которая переступаетъ предѣлы питанія и развитія и съ помощью кучки связанныхъ между собою клѣтокъ опредѣляетъ предусмотрительность зародышевыхъ клѣтокъ относительно будущихъ генерацій. Предшествуетъ ли цѣлесообразная дѣятельность происхожденію одноклѣточныхъ существъ—это вопросъ, который продолжаетъ быть открытымъ; но происхожденію многоклѣточныхъ индивидовъ она во всякомъ случаѣ предшествуетъ, ибо они происходятъ изъ опредѣленныхъ зародышевыхъ клѣтокъ, которыя имѣютъ составъ и строеніе совершенно отличные отъ другихъ клѣтокъ и которые не пріобрѣтаются путемъ борьбы за существованіе и приспособленія.

Этою главою, если вѣрна заключающаяся въ ней аргументація, разрѣшается также и то, что вслѣдствіе вымиранія организмовъ развитіе стадій организаціи невозможно безъ инаго фактора, помимо излишка питанія клѣточекъ. Въ пятой главѣ мы постараемся безъ помощи метафизики отыскать этотъ факторъ. Въ слѣдующей же главѣ будетъ выяснено, что саморазвитіе органовъ у одноклѣточныхъ организмовъ однимъ взаимноотношеніемъ бѣлковины съ окружающими условіями объяснено быть не можетъ, и что, слѣдовательно, необходимо принять еще инаго дѣятеля.

IV.

Развитіе и отправленіе организмовъ.

Органическія явленія—передъ нами; свести ихъ на извѣстныя намъ неорганическія хотя и весьма желательно естествознанію, но до сихъ поръ это еще не удалось ему. Какъ раньше въ работахъ біологовъ не нашли мы ничего инаго, кромѣ условій органическаго происхожденія, такъ и теперь, обращаясь къ вопросу объ органическомъ развитіи, мы найдемъ тоже только условія этого послѣдняго. Это впрочемъ не должно удивлять насъ, потому что ихъ объясненія основываются на фактѣ наслѣдственности способности развитія, которая однако сама должна быть еще отыскана и разъяснена.

Тѣмъ не менѣе, если мы допустимъ, что біологи доказали, какимъ образомъ и посредствомъ чего углеродъ превращается въ живую протоплазму; если мы допустимъ, что они доказали также, отчего нѣкоторыя клѣточки (которымъ собственно говоря болѣе нечего дѣлать, какъ соотвѣтствовать внѣшнимъ условіямъ и, по мѣрѣ силъ своихъ, себя прокармливать) вдругъ начинаютъ чувствовать побужденіе—превращать въ интересахъ потомства клѣточку общины въ зародышевую или вообще

какимъ-либо путемъ приступить къ образованію зародышевыхъ клѣтокъ—если допустить все это, то—спрашивается—было ли бы тогда объяснено развитіе органической формы при помощи бѣлковаго вещества?

Я утверждаю, что и тогда въ однихъ соединеніяхъ протоплазмы, сколь бы ни были они дифференцированы, не можетъ заключаться движущее начало развитія. Это два совершенно отдѣльные вопроса: чѣмъ побуждается кучка клѣтокъ производить зародышевыя клѣтки и чѣмъ побуждается выдѣлившаяся изъ кучки зародышевая клѣтка къ развитію соотвѣтствующихъ условіямъ организмовъ? Прежде всего послушаемъ самихъ біологовъ.

I.

Гербертъ Спенсеръ.

Въ § 78 своей Біологіи Спенсеръ цитируетъ слѣдующую аргументацію Джемса Интона (изъ Medico-chirurgical Rewiew, октябрь 1858), которую раздѣляетъ и онъ самъ:

«Органическая форма есть результатъ движенія».

«Движеніе совершается по направленію наименьшаго сопротивленія».

«Слѣдовательно, органическая форма есть результатъ движенія по направленію наименьшаго сопротивленія».

Органическое развитіе формъ всегда заключаетъ въ себѣ понятіе измѣненія; безъ одного не мыслимо другое; поэтому органическая форма несомнѣнно есть результатъ движенія. Однако знаніе этого факта нисколько не объясняетъ сущности дѣла, не объясняетъ происхожденія и достаточной причины органическаго развитія. Поэтому нельзя также сказать наоборотъ, что результатъ движенія есть органическая форма. Движеніе можетъ

производить многое другое кромѣ органической формы, и эта послѣдняя можетъ имѣть много другихъ причинъ помимо одного движенія.

Второе положеніе, что движеніе совершается всегда по направленію наименьшаго сопротивленія, имѣетъ свою безусловную вѣрность и непосредственное дѣйствіе въ области неорганической природы; въ области же органической оно условно и посредственно.

Несомнѣнно, что если котелъ лопнетъ, то это произойдетъ въ самомъ слабомъ его мѣстѣ; также не подлежитъ сомнѣнію, что и въ органической природѣ мы наблюдаемъ бережливость въ тратѣ силъ; однако мы не можемъ утверждать, что движеніе въ этой области всегда сохраняетъ направленіе наименьшаго сопротивленія. Вѣдь и человѣкъ стремится достичь цѣли ближайшими средствами и обыкновенно самъ не готовитъ себѣ излишнихъ трудностей, однако это не всегда ему удается. Что это такъ, самъ Спенсеръ косвенно сознается, когда говоритъ (стр. 242): «если кто нибудь возразитъ, что часто человѣкъ, вслѣдствіе незнанія или неумѣнія, выбираетъ изъ двухъ путей наиболѣе трудный и вслѣдствіе этого ставится въ необходимость одолѣть большую сумму сопротивляющихся силъ, то на это должно отвѣтить, что, наоборотъ, путь, имъ избранный, по отношенію къ его духовному состоянію, есть именно тотъ, который представляетъ наименѣе трудностей». Это различіе дѣлаетъ совершенно очевидной разницу, существующую между органическими и неорганическими силами природы. Но оно было бы немыслимо, если бы органическая форма была лишь случайнымъ продуктомъ движенія извѣстныхъ неорганическихъ силъ,— движенія, которое ничѣмъ другимъ кромѣ наименьшаго сопротивленія не опредѣляется; результатъ этихъ силъ не могъ бы ставить себя выше того закона, которому онъ обязанъ своимъ существованіемъ.

Но этимъ закономъ не объясняется органическая форма, въ которой именно и заключается вся суть органической жизни, даже и въ томъ случаѣ, если направленіе наименьшаго сопротивленія дѣйствительно и всюду составляетъ существенный характеръ всякаго движенія; ибо изъ обѣихъ посылокъ: что органическая форма есть результатъ движенія, и что движеніе совершается по направленію наименьшаго сопротивленія, можно было бы лишь заключить, что органическое развитіе совершается въ такомъ же направленіи, чтò въ извѣстномъ значеніи еще можетъ быть принято; но несправедливо во всякомъ случаѣ то заключеніе, что органическая форма есть результатъ движенія по направленію наименьшаго препятствія, потому что оно приводитъ къ выводу, что она только это и есть и ни что другое, и что этого закона достаточно для образованія органическихъ формъ изъ извѣстныхъ веществъ. Спенсеръ кажется недостаточно оцѣнилъ то различіе, что движеніе по направленію наименьшаго сопротивленія есть для неорганической природы принудительная, недопускающая исключеній, необходимость, тогда какъ по отношенію къ органической природѣ это положеніе только потому можетъ имѣть нѣкоторое косвенное значеніе, что нецѣлесообразное состояніе съ теченіемъ времени должно прекратиться.

Спенсеръ даетъ три опредѣленія развитія — или точнѣе—три формулировки одного и того же опредѣленія, которое онъ старается обосновать индуктивнымъ путемъ; мы выпишемъ ихъ непосредственно одну за другою.

Первая формулировка такова: «Развитіе есть переходъ изъ безсвязной однородности въ связную разнородность вмѣстѣ съ разсѣяніемъ движенія и интеграціей вещества».

Вторая формулировка такова: «Развитіе есть переходъ изъ неопредѣленной безсвязной однородности въ

определенную связную разнородность и проч.» (какъ въ первомъ).

И наконецъ последняя формулировка: «Развитіе есть интеграція вещества и соединенное съ нимъ разсѣяніе движенія, въ продолженіи которыхъ вещество изъ своей неопредѣленной и безсвязной однородности переходитъ въ опредѣленную и связную разнородность и сдержанное движеніе подвергается соотвѣтствующему преобразованію». Подчеркнутыя мѣста обозначаютъ разницу въ формулировкѣ. Если разсматривать все это положеніе какъ предикатъ органическаго развитія, какъ особенность его, то оно справедливо; если же видѣть въ немъ опредѣленіе этого развитія, то оно невѣрно, такъ какъ его нельзя перевернуть: нельзя сказать, что интеграція вещества и связанное съ ней разсѣяніе движенія и т. д. есть органическое развитіе; изъ чего слѣдуетъ, что кромѣ этого опредѣленія возможно и даже необходимо множество другихъ опредѣленій. Если бы кто нибудь хотѣлъ сдѣлать эту формулировку годной и для органическаго развитія, то онъ долженъ былъ бы дать ей такую форму: Развитіе извѣстной намъ видимой природы сопровождается или представляется какъ интеграція вещества и связанное съ ней разсѣяніе движенія, въ продолженіе котораго вещество изъ сравнительно неопредѣленнаго, безсвязнаго и однороднаго качества переходитъ въ сравнительно опредѣленное, связное, разнородное и т. д.

Когда я говорю, что атомы должны быть приведены въ болѣе связную форму, чтобы образовать планеты, и организмы—прійти въ болѣе плотное состояніе, чтобы быть въ состояніи существовать на этихъ планетахъ, что это сплоченіе должно сопровождаться кромѣ того еще другими физическими явленіями,—я указываю этимъ лишь на всеобщіе законы для modus procedendi въ

природѣ, но совсѣмъ не объясняю, что такое организующее начало, или хотя бы то, что оно излишне. Локомотивъ долженъ быть такъ-то и такъ-то составленъ, имѣть такія-то и такія-то части; но вслѣдствіе этого матеріалъ самъ еще не соединяется для образованія локомотива. Локомотивъ обусловливаетъ нетолько предварительное существованіе матеріала и значительное развитіе механики и химіи: онъ не только предполагаетъ нужду въ локомотивѣ, онъ требуетъ кромѣ всего этого еще исполнителя. Безъ металла, безъ машинной фабрики, безъ надобности, а также безъ цѣли и работника— устройство машины невозможно. Впрочемъ Спенсеръ чувствуетъ недостаточность своего объясненія, особенно въ заключительныхъ (отчасти теистическаго характера) словахъ двадцать первой главы: «Точно также, какъ превращеніе однороднаго въ разнородное находится въ зависимости отъ той высшей мудрости, которая превосходитъ всякое доказательство, такъ изъ той же высочайшей истины исходитъ и преобразованіе неопредѣленной однородности въ опредѣленную разнородность».

Въ отношеніи конечной цѣли всякой эволюціи можно лишь присоединиться къ словамъ Спенсера, что въ зависимости отъ постояннаго прогресса «находятся всѣ разнообразныя особенности развитія, и мы въ концѣ концовъ только въ немъ одномъ находимъ опору для вѣры, что развитіе можетъ окончиться лишь возстановленіемъ величайшаго совершенства и чуждаго всякихъ печалей (?) благополучія». Что въ самыхъ раннихъ стадіяхъ каждый организмъ имѣетъ наибольшее число признаковъ, общихъ со всѣми другими организмами въ ихъ начальныхъ стадіяхъ; что зародышъ, изъ котораго развивается человѣкъ, ничѣмъ видимымъ не отличается отъ зародыша, изъ котораго развивается любое животное и растеніе, что наконецъ развитіе само всегда соотвѣт-

ствуетъ внѣшнимъ условіямъ—все это явленія, входящія eo ipso въ природу всякаго развитія, даже индустріальнаго, но далеко не доказывающія того, что хотятъ вывести изъ нихъ біологи.

Такъ какъ съ теченіемъ времени и по пути къ высшему совершенству дудка превратилась въ флейту или органъ, натянутая дрожащая струна—въ фортепіано, а навѣсъ изъ пальмовыхъ листьевъ—въ чертоги, причемъ одно развивалось изъ другаго сообразно съ потребностями нашихъ предковъ; и такъ какъ два самые крайніе конца обоихъ рядовъ развитія имѣютъ общею цѣлью съ одной стороны образованіе тоновъ, съ другой—доставленіе убѣжища, то изъ этого никакъ еще не слѣдуетъ, что органъ, фортепіано и чертоги образовались сами собою, точно такъ же какъ не было этого съ кадыкомъ, съ кортіевымъ тѣльцемъ и нашимъ мозгомъ.

Физіологическія единицы, призываемыя Спенсеромъ на помощь для объясненія развитія, являются также несостоятельными. Изъ того обстоятельства, что у отдѣльныхъ организмовъ выростаетъ нога тамъ, гдѣ прежде былъ хвостъ, и хвостъ—гдѣ прежде была нога, дѣлаетъ Спенсеръ единственно возможное будто бы заключеніе, что совокупныя силы тѣла контролируютъ образовательные процессы, совершающіеся въ каждомъ отдѣльномъ животномъ. Что такой контроль—какъ называетъ его Спенсеръ—дѣйствительно существуетъ, это несомнѣнно и во всякомъ случаѣ есть уже нѣчто такое, что въ отличіе отъ многихъ другихъ признаетъ и самъ Спенсеръ; но все-таки намъ не объяснено, что должны мы разумѣть подъ этими совокупными силами.

Способность воспроизведенія внушаетъ Спенсеру такого рода гипотезу, что форма каждаго вида организмовъ опредѣляется особенностью въ свойствѣ его единицъ, и что эти единицы имѣютъ специальное строеніе,

въ которое онѣ стремятся расположиться, точно такъ же, какъ и простѣйшія единицы неорганическаго вещества. Спенсеръ говоритъ: «Мы должны заключить, что растеніе и животное всякаго вида составлено изъ спеціальныхъ единицъ, имѣющихъ присущую имъ способность скучиваться въ форму этого вида, точно такъ же, какъ соли имѣютъ способность кристаллизоваться извѣстнымъ образомъ. Трудно себѣ представить, что это такъ, но мы видимъ, что оно дѣйствительно такъ. Группы единицъ, взятые изъ организма (лишь бы только онѣ имѣли извѣстный объемъ и не были слишкомъ дифференцированы въ спеціальныя строенія), имѣютъ способность вновь перестроиться; а поэтому мы вынуждены за всѣми частями организма признать это стремленіе принимать специфическую форму» § 65.

Фактъ—передъ нами; принадлежитъ ли это стремленіе только отдѣльнымъ частичкамъ, это мы изслѣдуемъ послѣ; но здѣсь все-таки замѣтимъ, что между опредѣленными, необходимыми, никакого опредѣленнаго назначенія не исполняющими формами кристаллизаціи и воспроизводительной способностью одноклѣточныхъ существъ—съ одной стороны, и измѣнчивыми, разнородными и выросшими для опредѣленной цѣли членами съ другой, существуетъ однако нѣкоторое различіе. Спенсеръ, ради аналогіи, даетъ этому стремленію названіе «полярности».

И такъ, органическое строеніе, по его мнѣнію, состоитъ изъ единицъ, какъ строеваго матеріала, который раздѣляется на химическія и морфологическія единицы (клѣточки). Но этому матеріалу, единственно намъ извѣстному, Спенсеръ все-таки не можетъ, по его собственному признанію, приписывать стремленіе къ организаціи, къ структурѣ; матеріалъ нуждается въ зодчемъ, котораго Спенсеръ думаетъ, однако, найти въ другомъ,

правда, гипотетическомъ, строевомъ матеріалѣ; онъ говоритъ: «Если, такимъ образомъ, эта органическая полярность не можетъ принадлежать ни химическимъ, ни морфологическимъ единицамъ, то мы должны признать ее принадлежностью нѣкоторыхъ промежуточныхъ единицъ, которыя можно назвать физіологическими. Здѣсь, кажется, нѣтъ другаго исхода, какъ предположить, что химическія единицы сочетаются въ единицы, несравненно болѣе сложныя, нежели онѣ сами, и что въ каждомъ организмѣ физіологическія единицы, производимыя дальнѣйшимъ сочетаніемъ въ высшей степени сложныхъ атомовъ, имѣютъ болѣе или менѣе различный характеръ».

Мы знаемъ видимыя, подвижныя, составленныя изъ единицъ химическія части, образующія тѣло, точно такъ же, какъ мы знаемъ морфологическія единицы — клѣточки. Если эти физіологическія единицы наполняютъ промежутки между другими и составляютъ все-таки только болѣе сложныя сочетанія простыхъ химическихъ единицъ, подобно вообще всѣмъ клѣточкамъ, то, спрашивается, отчего же мы не знаемъ ихъ? Для чего онѣ нужны намъ, и отчего тогда недостаточны для насъ клѣточки, морфологическія единицы? Зачѣмъ еще обращаться къ недоступнымъ для воспріятія сочетаніямъ молекулъ, по отношенію къ которымъ тоже вѣдь должна существовать нѣкоторая контролирующая власть?

Въ этомъ случаѣ было бы гораздо проще остаться при видимыхъ для насъ единицахъ и приписывать эту способность клѣточкамъ.

Въ этихъ гипотетическихъ физіологическихъ единицахъ заключается собственно все рѣшеніе вопроса, представляемое Спенсеромъ. Какъ же можно тутъ утверждать, что «этимъ способомъ объясняется возстановленіе цѣлаго организма изъ какого либо безформеннаго его

отрѣзка»? Въ томъ же самомъ параграфѣ Спенсеръ говоритъ вѣдь самъ, что «полярность (которою неорганическія единицы приводятся въ свойственную имъ форму) есть только имя чего-то намъ неизвѣстнаго, названіе гипотетическаго свойства, которое столько же требуетъ объясненія, сколько то, для объясненія чего оно принимается». Тѣмъ болѣе должно относиться это къ полярности физіологическихъ единицъ, которыя будто бы образуютъ безчисленныя по своему разнообразію и предназначенныя для извѣстной цѣли формы и при всемъ томъ недоступны для нашего воспріятія.

Впрочемъ, уже въ исходной точкѣ Спенсера заключается крайность. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что должны существовать морфологическія или физіологическія единицы, какъ намъ это ясно доказывается фактомъ возстановленія и наслѣдственности; эти морфологическія единицы могутъ быть во всякомъ случаѣ одною изъ причинъ или существенною причиною того, что у ящерицы снова выростаетъ ящериный, а не обезьяній хвостъ, но вовсе не того, что у нея вообще есть хвостъ. Если оторвать у рака его клешню, то во всякомъ случаѣ, сообразно съ морфологическими или физіологическими единицами, образующими его организмъ, на оторванномъ мѣстѣ не выростетъ, напримѣръ, роза; но что на этомъ мѣстѣ снова необходимо должна вырости клешня же, а не лишняя нога или даже новый ракъ—это при помощи физіологическихъ единицъ и аналогіи съ образованіемъ кристалловъ никоимъ образомъ не объясняется. Къ тому же вѣдь не всегда эти новыя образованія отличаются и правильностью; чего не образуетъ организмъ, напримѣръ, при переломахъ костей! Чего не бываетъ въ болѣзненныхъ образованіяхъ? Во что обращается тутъ полярность физіологическихъ

единицъ, какъ достаточная причина явленій восполненія?

Никто не станетъ отрицать, что развитіе и умноженіе функцій у предковъ вызываютъ у потомковъ расположенія къ структурной особенности; однако объясненіе свое эта послѣдняя находитъ единственно въ расположеніи ad hoc приспособленнаго и лучшаго матеріала; но болѣе этого отсюда выводить нельзя ничего.

Такъ какъ природа организмовъ существенно зависитъ отъ природы составляющихъ ихъ единицъ, и такъ какъ отправленія организмовъ воздѣйствуютъ на характеръ структуры и клѣтокъ, что въ совокупности, въ свою очередь, оказываетъ вліяніе на будущаго зародыша, то все это даетъ намъ не болѣе права, какъ на принятіе измѣненнаго, болѣе приспособленнаго расположенія зародыша, какъ органическаго строеваго матеріала; ибо это не даетъ намъ доказательства и даже приблизительно не обосновываетъ того положенія, что «взаимнодѣйствіе этихъ полярныхъ силъ заставляетъ единицы принять форму вида». Спенсеръ ничѣмъ инымъ не подкрѣпляетъ своего утвержденія, какъ тѣмъ, что будто бы единицы, образующія организмъ, имѣютъ врожденное стремленіе слагаться въ форму, свойственную организму, и «что эта способность слагаться такимъ а не инымъ образомъ заключается въ скрытомъ состояніи въ единицахъ каждой недифференцированной клѣтки!»

На вопросъ: какъ доходятъ клѣточки или физіологическія единицы до образованія столь цѣлесообразныхъ органовъ и организмовъ?—я получаю отвѣтъ: имъ врождено стремленіе къ этому; ибо мы видимъ фактъ образованія организмовъ и органовъ.—Что же я узналъ тутъ и чему научился? — Это почти такъ же, какъ если бы я спросилъ кого нибудь: почему господинъ N поѣхалъ изъ Вѣны въ Прагу? Отвѣтъ: потому что онъ на вѣн-

скомъ вокзалѣ вошелъ въ вагонъ, а на пражскомъ вышелъ. И на вопросъ: откуда имѣютъ эти единицы такое стремленіе и способность, и гдѣ находятся эти послѣднія, мы получаемъ отвѣтъ: они находятся въ скрытомъ состояніи въ невидимыхъ единицахъ. Такъ отвѣчать, конечно, можно на всякій вопросъ о неизвѣстныхъ вещахъ, потому что никто не въ состояніи доказать противное. Если естествовѣдѣніе не можетъ указать на что либо болѣе осязательное, чѣмъ эта qualitas occulta, то по истинѣ оно не имѣетъ права потѣшаться надъ метафизическими принципами и умозрѣніями, когда оно само не въ состояніи объяснить органическое развитіе и принуждено прибѣгать къ такого рода средствамъ или даже просто общимъ фразамъ. Та сила, которая создаетъ изъ зародышевой или сѣменной клѣточки организмъ, у Шопенгауэра называется «Волей», у Гартмана «Безсознательнымъ»; у Спенсера это—невидимыя, не лежащія ни въ атомѣ, ни въ клѣточкѣ, но помѣщающіяся между ними, физіологическія единицы (а въ конечномъ анализѣ «Непознаваемое»). Согласіе всѣхъ трехъ заключается въ томъ, что зародышевая клѣтка, какъ таковая, не можетъ создать его, и что настоящій дѣятель неизвѣстенъ, потому что одинъ признаетъ за него «волю», другой нѣчто похожее, только подъ другимъ именемъ, а третій доказываетъ своими «физіологическими единицами» лишь то, что онъ смотритъ на организмъ, какъ на продуктъ множества неизвѣстныхъ, тогда какъ оба другіе приписываютъ всѣ органическіе продукты одной и той же неизвѣстной силѣ; причемъ предположеніе Спенсера наталкивается еще на неодолимыя препятствія при объясненіи единства сознанія. Взглядъ Спенсера есть гипотеза, настолько же твердая, какъ и всякая другая; только нельзя относительно ея утверждать, что она есть положительный выводъ положитель-

ныхъ наукъ и что она объясняетъ органическую дѣятельность. Гипотеза физіологическихъ или органическихъ единицъ, благодаря ясному и проницательному изложенію Спенсера, совершенно пригодна для объясненія многихъ особенностей приспособленія, измѣненія, размноженія и наслѣдственности, но только при томъ условіи, чтобы принимать эти единицы лишь за строевой матеріалъ, получающій смыслъ только въ рукахъ строителя; но когда онѣ сами принимаются за строителей, тогда падаетъ и гипотеза Спенсера; она безсильна объяснить какъ собственно разумное дѣйствіе вообще, такъ и цѣлесообразность организаціи и неизмѣнность продуктовъ внутри даннаго вида, и, наконецъ, фактъ единства сознанія въ этой республикѣ изъ милліоновъ дѣятелей въ одномъ организмѣ.

Что Спенсеръ чувствуетъ недостаточность приведенной выше аргументаціи, доказываетъ третья книга Біологіи подъ заглавіемъ: Прогрессъ жизни. Возражая противъ возможности сотворенія видовъ — въ которое и безъ того теперь уже никто не вѣритъ—и приписывая его дѣятельности естественныхъ причинъ (какъ будто могутъ существовать и неестественныя), Спенсеръ констатируетъ, что «человѣчество наконецъ дошло до представленія, что всѣ классы явленій обусловлены всеобщимъ и равномѣрно дѣйствующимъ агентомъ». Собственно и Шопенгауэръ и Гартманъ утверждаютъ то же самое; да и никто—разъ нѣкоторый дѣятель предположенъ—не будетъ въ виду фактовъ возставать противъ теоріи развитія.

Справедливо, что зародышъ всякаго организма образуется изъ совершенно однородной, повидимому, массы, и посредствомъ незамѣтныхъ для насъ измѣненій достигаетъ своего конечнаго разнообразія въ строеніи. Справедливо все то, что Спенсеръ беретъ въ этомъ отношеніи у Бэра; но всѣмъ этимъ не исключается существо-

ваніе того таинственнаго неизвѣстнаго агента; и если Фогтъ говоритъ, и Спенсеръ ссылается (§ 131) на слова его, что «у нѣкоторыхъ брюхоногихъ (Gasteropoda) зародышевая масса, подвергшись своимъ первымъ измѣненіямъ, какъ вообще всѣ зародыши, начинаетъ вся сплошь превращаться въ законченное строеніе: въ одной части составныя клѣточки слипаются, чтобы образовать сердце, въ другой — чтобы образовать печень и т. д.», то это говоритъ скорѣе въ пользу, а не противъ принятія нѣкотораго «агента». Ибо чѣмъ побуждаются зародышевыя массы къ такой предусмотрительности относительно будущихъ потребностей? — Отвѣтъ, что зародышевая масса предковъ поступала такимъ же образомъ, неудовлетворителенъ; это та же исторія о найденномъ милліонѣ, который мы сами же спрятали, и все, что говоритъ объ этомъ естествознаніе, есть ничто иное, какъ разсказъ о томъ, какъ представляется намъ развитіе, какова его послѣдовательность, какими средствами оно пользуется, какимъ условіямъ оно подлежитъ и т. д. Вопросъ объ агентѣ остается открытымъ; агентъ продолжаетъ быть неизвѣстной величиною.

Впрочемъ и въ изложеніи фазъ развитія заключается не мало пробѣловъ. Спенсеръ цитируетъ слова Бэра (§ 139): «Рыба, плывущая къ берегу, желаетъ совершить прогулку, но оказывается, что ея плавательныя перья не годятся для этого; для удовлетворенія этой потребности перья утончаются и удлиняются. Это происходитъ нѣсколько милліоновъ лѣтъ у всѣхъ дѣтей и внуковъ и чему дивиться, если наконецъ плавательныя перья обратятся въ ноги? Еще естественнѣе допустить, что рыба, не находя на лугу воды, станетъ хватать ртомъ воздухъ, вслѣдствіе чего въ такой же періодъ времени образуются легкія; одно бѣда, что тѣмъ временемъ, нѣсколькимъ поколѣніямъ пришлось бы обходиться вообще

безъ дыханія». (Мы имѣемъ впрочемъ примѣры, что у нѣкоторыхъ видовъ сюда не принадлежитъ ни одного поколѣнія).

Право, можно подумать, что напримѣръ, піанисты могутъ современемъ пріобрѣсть лишнюю пару рукъ или пальцевъ. Но предположимъ, что, такъ какъ способность летать очень желательна и полезна для человѣка, онъ сталъ бы стремиться къ преобразованію себя для этой цѣли; могъ ли бы онъ что нибудь сдѣлать, чтобы вызвать ростъ крыльевъ и необходимое уменьшеніе своей тяжести?—Человѣкъ, какъ и рыба, безсильны въ этомъ отношеніи, какъ въ настоящее время, такъ и раньше—во все прошедшее; они суть вторичные продукты; ихъ бытіе, какъ и ихъ развитіе есть плодъ и дѣло нѣкоторой организующей силы; называемъ ли мы ее волей, безсознательнымъ, дѣятелемъ или чѣмъ либо другимъ, надѣляемъ ли ее индивидуальной природой или нѣтъ, полагаемъ ли ея дѣйствія въ клѣточкахъ или физіологическихъ единицахъ—это безразлично.

Человѣкъ старается изобрѣсть воздухоплавательныя машины, но только «Дѣятель» можетъ преобразовать его послѣ стотысячелѣтней работы; водяной дроздъ обхватываетъ камень ногами, чтобы имѣтъ возможность нырять, но только при помощи «Дѣятеля» могутъ съ теченіемъ времени вырости у него лапчатыя ноги—вотъ разница между обѣими дѣятельностями.

Біологи не хотятъ понять, что даже приспособленіе и, очевидно, наслѣдственность суть явленія, которыя невозможны безъ предположенія нѣкотораго дѣятельнаго агента. Ибо органическій индивидуумъ умираетъ и не оставляетъ по себѣ ничего кромѣ выдѣленныхъ имъ и безсознательно отложенныхъ углеродныхъ соединеній, которыя мы называемъ зародышами.

Спенсеръ предполагаетъ (§ 154), «что всеобщее орга-

ническое развитіе начинается съ однородной органической матеріи», послѣ чего, вслѣдствіе внѣшняго и внутреняго воздѣйствія, является дифференцированіе и многообразное состояніе, и что если разъ данъ рядъ такихъ организмовъ, тогда совершенно вѣрны наблюденія и выводы естествознанія относительно различныхъ побужденій къ преобразованію, измѣненію и т. д. Если дана органическая, сама собою способная къ развитію, матерія, если такимъ образомъ нѣтъ нужды останавливаться на трудномъ вопросѣ о возникновеніи и способности къ развитію, тогда само собой разумѣется, что дальнѣйшее развитіе извѣстнаго количества органической слизи, выдѣляющейся изъ организма, не заставитъ натуралистовъ долго ломать голову. Но укажите хоть одинъ фактъ, хоть одну выдержанную аргументацію, которая бы доказывала, что извѣстная намъ органическая матерія обладаетъ способностью развитія и есть болѣе, чѣмъ приспособленный къ развитію матеріалъ?

Читатели помнятъ, что Спенсеръ приписывалъ своимъ физіологическимъ единицамъ врожденное стремленіе — распредѣляться сообразно съ формой организма. Теперь же, сказавъ объ общеизвѣстныхъ и никѣмъ неоспариваемыхъ внѣшнихъ и внутреннихъ факторахъ въ развитіи, преобразованіи и усовершенствованіи, Спенсеръ говоритъ (§ 158). «Мы находимъ, что прогрессъ (прошу замѣтить прогрессъ, а не жизнь) оказывается результатомъ не какого нибудь совершенно особеннаго врожденнаго стремленія органическихъ существъ, а общаго нормальнаго дѣйствія, вызываемаго ихъ отношеніемъ къ окружающимъ дѣятелямъ. Не имѣя нужды предполагать существованіе въ организмахъ какого-нибудь первичнаго импульса, заставляющаго ихъ развиваться въ болѣе разнородныя формы, мы усматриваемъ, что способность къ развитію есть слѣдствіе дѣйствій и

воздѣйствій между организмами и окружающими ихъ перемѣнчивыми условіями. Мы видимъ также, что существованіе подобной причины развитія объясняетъ также и отсутствіе развитія тамъ, гдѣ нѣтъ такой перемѣнчивости дѣйствій и воздѣйствій». Прогрессъ есть во всякомъ случаѣ необходимое слѣдствіе этихъ дѣйствій и воздѣйствій, но всегда—при предположеніи уже существующаго организма, который необходимо долженъ прежде всего быть, чтобы имѣть отношенія и отправленія и реагировать на воздѣйствіе, и при предположеніи способности—соотвѣтственно преобразовывать этотъ организмъ и передавать пріобрѣтенную способность зародышевымъ клѣткамъ. Этотъ прогрессъ въ органическомъ развитіи составляетъ также рѣшительное доказательство противъ выставленной Спенсеромъ аналогіи между организованіемъ и образованіемъ кристалловъ, которое никогда не обнаруживаетъ прогресса. Если молекулы квасцовъ имѣютъ октаедръ, какъ опредѣленную форму равновѣсія, въ которую онѣ переходятъ, какъ только позволяетъ температура ихъ раствора, и къ каковому переходу они несомнѣнно побуждаются нѣкоторою полярностью, то все это никоимъ образомъ не можетъ быть сравниваемо съ формой равновѣсія въ функціонирующемъ организмѣ. Между неизмѣнной, никакой видимой цѣли не служащей, никакому прогрессу не подлежащей формой равновѣсія кристалла и вѣчно прогрессирующими, благодаря структурѣ и борьбѣ за существованіе, постоянно стремящимися къ опредѣленнымъ цѣлямъ органическими формами равновѣсія—будетъ вѣчно существовать глубокое различіе.

Достойно замѣчанія, что, когда появилась Біологія Спенсера, нѣкоторые укоряли его въ томъ, что онъ, лишь въ новой формѣ вывелъ на свѣтъ древнее представленіе объ «archeus, жизненной силѣ и nisus forma-

tivus»—доказательство, что полное пониманіе его Біологіи невозможно безъ чего-то въ этомъ родѣ. Его физіологическія единицы, какъ строевой матеріалъ, очень хороши для объясненія постепенно образующихся особенностей организмовъ и ихъ наслѣдственности, ибо онѣ становятся тогда типическими единицами; но онѣ никуда не годятся тамъ, гдѣ нѣтъ возможности употреблять ихъ въ качествѣ типическихъ единицъ; онѣ недостаточны для объясненія жизни; онѣ негодны также къ образованію единаго сознанія, къ образованію нашего «я». Здѣсь долженъ прійти на помощь тотъ «дѣятель», то «непознаваемое», которое мы встрѣчаемъ въ сочиненіяхъ Спенсера. Но если, оставивъ его въ сторонѣ, разсматривать эти физіологическія единицы какъ существующія, подобно атомнымъ соединеніямъ, искони и слѣдовательно раньше всякой организаціи,—разсматривать ихъ какъ строителей, тогда мы имѣли бы въ этихъ физіологическихъ единицахъ тоже только нѣкоторый неизвѣстный организующій принципъ, который, вслѣдствіе того обстоятельства, что очень многія единицы должны образовать единый организмъ, нисколько не облегчаетъ пониманія; поэтому противники Спенсера вовсе не такъ неправы, когда они упрекаютъ его въ томъ, что и онъ нуждается въ «жизненной силѣ». Хотя Спенсеръ и старается оправдать себя въ томъ, что будто бы онъ ввелъ «жизненный принципъ», однако на самомъ дѣлѣ онъ, хотя и не намѣренно, пользовался имъ подъ различными формами и благодаря этому обошелъ не мало-таки затрудненій.

Въ этомъ отношеніи также достойно замѣчанія, чѣмъ Спенсеръ, въ полемическомъ прибавленіи, защищается отъ упрека въ томъ, что его философская система отличается матеріалистическимъ характеромъ. «Я неоднократно и очень ясно утверждалъ, что наши представле-

нія о матеріи и движеніи суть только символы непознаваемой дѣйствительности, что эта дѣйствительность не можетъ быть такою, какою мы представляемъ её себѣ подъ этими символами; что, выражаемая внѣ сознанія, подъ формами матеріи и движенія, она та же самая, которая въ сферѣ сознанія выражается въ видѣ мысли и чувства». Всякій долженъ будетъ согласиться, что если на мѣсто «Непознаваемаго» поставить «Волю» или «Безсознательное», то ни Шопенгауэръ, ни Гартманъ ничего не будутъ имѣть противъ этого положенія, и что все, что Спенсеръ приводитъ въ своей біологіи, ниспадаетъ чрезъ это положеніе на степень средства, и причиною развитія становится такимъ образомъ само «Непознаваемое».

Если мы возьмемъ изъ біологіи Спенсера все существенное по вопросу о развитіи, то мы придемъ къ такимъ результатамъ: отъ данныхъ приспособленія, размноженія, наслѣдственности и измѣнчивости Спенсеръ заключаетъ къ существованію морфологическихъ или, какъ онъ говоритъ, физіологическихъ единицъ, происхожденія и свойствъ которыхь онъ впрочемъ не знаетъ; и подобно тому, какъ онъ часто безъ всякихъ основаній превращаетъ этотъ строевой матеріалъ въ самого строителя, онъ принимаетъ вообще «условія» органическаго происхожденія и развитія за ихъ достаточную причину.

Но такъ какъ Спенсеръ все таки чувствуетъ, что должны же быть эти физіологическія единицы чѣмъ нибудь сдвинуты и соединены другъ съ другомъ для образованія развивающагося организма, то онъ предполагаетъ существованіе для этого нѣкоторой неопредѣленной силы подъ именемъ «полярности», по аналогіи съ образованіемъ кристалловъ. Въ виду того, что кристаллы искони принимаютъ всегда одну и ту же опре-

дѣленную форму, относительное ихъ стремленіе къ равновѣсію имѣетъ, какъ объясняющая причина, нѣкоторый смыслъ; но для объясненія столь измѣнчивой органической формы оно совершенно недостаточно (стоитъ только изъ химической лабораторіи пойти къ столу анатома) и если нѣкоторый родъ равновѣсія органической формы во внѣ (по отношенію къ окружающей природѣ) и во внутрь (по отношенію къ потребностямъ и цѣлямъ организма) очевидно есть conditio sine qua non развитія, и если это равновѣсіе образуется съ помощью внѣшнихъ отношеній, то не слѣдуетъ смѣшивать условіе или поводъ къ дѣятельности съ ея достаточнымъ основаніемъ.

И такъ, по прочтеніи сочиненій Спенсера, никто не станетъ сомнѣваться въ томъ, что организующій принципъ, съ точки зрѣнія естествознанія, судя по труду этого писателя, до сихъ поръ представляетъ открытый вопросъ; а что Спенсеръ и самъ еще не достигъ въ немъ полной ясности, это доказываетъ его защита, гдѣ онъ, на одной страницѣ, указаніемъ на аналогичное органическому образованію матеріалистическое происхожденіе кристалловъ, отвергаетъ упрекъ въ введеніи жизненнаго принципа, а на слѣдующей, полагая основой всего «непознаваемое», уничтожаетъ всякое подозрѣніе въ матеріалистическомъ характерѣ своей системы.

Я впрочемъ убѣжденъ, что если спросить Спенсера прямо, объясняетъ ли его біологія возникновеніе и развитіе высшихъ или даже низшихъ организмовъ, онъ отвѣчалъ бы на это отрицательно, къ немалому ужасу многихъ адептовъ своихъ, которые, не обращая вниманія на основанія своего учителя, ухватываются за неизбѣжныя у каждаго писателя, слишкомъ далеко идущія положенія и дѣлаютъ изъ нихъ незаконные выводы.

Дѣйствительно великіе люди вѣдь всегда скромнѣе и искреннѣе.

Біологія Спенсера не загораживаетъ дороги ни индивидуалистическому, и никакому другому воззрѣнію; тотъ же самый результатъ найдемъ мы въ ученіи Геккеля.

II.

Эрнстъ Геккель.

Геккель говоритъ (стр. 164): «Всѣ извѣстныя намъ природныя тѣла, одушевленныя и неодушевленныя, сходны между собою во всѣхъ существенныхъ и основныхъ матеріальныхъ свойствахъ, въ своемъ составѣ и образующихъ атомахъ, а также и въ томъ, что ихъ формы и функціи суть непосредственныя и необходимыя дѣйствія матеріи. Различія, существующія между обѣими главными группами природныхъ тѣлъ по отношенію къ ихъ формамъ и функціямъ, суть непосредственное и необходимое слѣдствіе единственно матеріальныхъ различій, обусловливаемыхъ разнообразными химическими способами соединенія входящихъ въ нихъ элементовъ».

Если даже принять, что эта разность есть единственно результатъ различныхъ способовъ соединенія, все таки надо отвѣтить на вопросъ, чѣмъ вызываются сами эти способы; вѣдь все это можетъ относиться равнымъ образомъ къ грубымъ валунамъ и къ отдѣланному дому, къ рудному пласту и къ машинѣ. Въ обоихъ матеріалъ тотъ же самый, и различіе можетъ заключаться единственно въ различныхъ способахъ соединенія входящихъ элементовъ, причемъ существенное телеологическое различіе, заключающееся въ этихъ противоположностяхъ (валуны и домъ, рудный пластъ и машина) этимъ нисколько ни устраняется, ни объясняется. Столь же мало справедливо

и другое непосредственно слѣдующее положеніе, именно: «своеобразныя явленія движенія, которыя мы объединяемъ въ понятіи «жизни» и которыми обусловливаются своеобразныя формы организмовъ, не составляютъ дѣйствія особенной находящейся внутри или внѣ организмовъ силы (жизненная сила, дѣйствующая идея и т. д.), но только суть непосредственныя или по средственныя произведенія бѣлковыхъ тѣлъ и другихъ сложныхъ соединеній углерода». Прежде всего нужно уяснить это. Безъ сомнѣнія организмы суть произведенія бѣлковыхъ тѣлъ; но развѣ знаніе этого факта устраняетъ или объясняетъ телеологическій характеръ этихъ произведеній?— Подобно этому я могу сказать, что признаки, входящіе въ понятіе «жилища», даются кирпичемъ, известью и стропиломъ, что конечно совершенно справедливо, но при всемъ томъ нисколько не препятствуетъ цѣлесообразному возникновенію дома. Если чудеса оргранической міра и образуются дѣйствительно чрезъ соединеніе бѣлковины и углерода, то все таки должно принять нѣкоторое въ основѣ бѣлковыхъ тѣлъ лежащее или въ нихъ обитающее начало, которое приспособляется къ условіямъ или—что тоже самое—дѣйствуетъ по извѣстнымъ цѣлямъ. Мы столь же мало въ состояніи доказать присутствіе цѣлей въ образованіи горныхъ породъ, кристалловъ или даже планетъ, какъ и ихъ отсутствіе въ возникновеніи и развитіи формъ и въ дѣятельности органическаго міра. Одно только обще для обѣихъ группъ природныхъ тѣлъ,—это ихъ соединеніе, конечно со всѣми своими химическими и механическими слѣдствіями, но и оно лишь по стольку, по скольку это доступно нашему воспріятію. Даже относительно этого не имѣемъ мы абсолютной достовѣрности.

Что первый томъ морфологіи—содержаніе котораго особенно важно для этихъ вопросовъ — дѣйствительно

не заключаетъ ничего, что существенно препятствовало бы другимъ способамъ объясненія, это доказываютъ слова Геккеля во второмъ томѣ, страница 16: «Ибо по истинѣ все, что мы называемъ въ зоологіи, протистикѣ и ботаникѣ исторіей развитія, до сихъ поръ сводилось главнымъ образомъ къ знанію морфологическихъ фактовъ, но вовсе не познанію ихъ физико-химическихъ причинъ». Меня нельзя поэтому упрекать въ томъ, что посредствомъ искусственнаго соединенія промаховъ и умолчанія объ опровергающихъ мое воззрѣніе фактахъ и аргументаціяхъ, я дѣлаю дешевые нападки на заслуживающія всякаго уваженія работы біологовъ. Не сознаніе своей справедливости, еще менѣе критика спеціальныхъ работъ по естествовѣдѣнію (къ чему я не чувствую себя призваннымъ) побуждаютъ меня подвергнуть изслѣдованію результаты трудовъ по естествознанію, но единственно желаніе пролить нѣсколько болѣе свѣта на загадочную природу и печальное назначеніе человѣка. Мною руководитъ только стремленіе добыть себѣ и, можетъ статься, и другимъ убѣжденіе, такъ ли несомнѣнно доказываетъ естествознаніе все то, что ведетъ къ современому скорбному міросозерцанію.

Геккель не безъ основанія прежде всего постарался выпроводить телеологію изъ жизни организмовъ; ибо съ телеологическимъ направленіемъ организмовъ падаетъ философское зданіе матеріалистовъ и другихъ естествоиспытателей. Но телеологическая дѣятельность въ организмахъ не могла-бы изчезнуть даже и тогда, если бы монеры дѣйствительно были самороднымъ, случайнымъ или необходимымъ произведеніемъ извѣстныхъ намъ элементовъ и химическаго сродства, а мы ихъ законными потомками. Изслѣдуемъ это ближе.

Я утверждаю, что Геккель навѣрно въ своей жизни преслѣдовалъ цѣли, напримѣръ когда онъ писалъ свою

Морфологію. Одно изъ двухъ: или онъ согласенъ съ этимъ, или онъ это отрицаетъ. Въ первомъ случаѣ, если Геккель согласенъ, что люди преслѣдуютъ сознательныя цѣли и дѣйствуютъ сообразно съ ними, то возникаетъ вопросъ: какимъ образомъ телеологическое дѣйствіе можетъ существовать въ организмѣ, стоящемъ внѣ телеологическаго развитія? Почему постройка дома или желѣзной дороги должна отличаться телеологическимъ характеромъ, а образованіе руки, сердца или мозга—нѣтъ? Такой отвѣтъ, что «причина де заключается въ томъ, что рука, сердце и мозгъ суть слѣдствія приспособленія и наслѣдственности»,—ничто иное, какъ пустая увертка, потому что это равнымъ образомъ имѣетъ значеніе и для дома и для желѣзной дороги. Безъ культурной работы и открытій нашихъ отцовъ и безъ нужды съ нашей стороны ихъ также никогда бы не было. Я могу совершенно справедливо сказать: Все наше современное состояніе и вся культура составляютъ необходимое слѣдствіе предъидущихъ трудовъ (наслѣдственность) и потребностей (приспособленіе), и все-таки я говорю, какъ и всякій безпристрастный человѣкъ, что человѣчество имѣетъ и преслѣдуетъ цѣли и производитъ цѣлесообразныя и не цѣлесообразныя дѣла. Самое названіе «приспособленіе» уже заключаетъ въ себѣ телеологическій характеръ, такъ какъ эта дѣятельность во всякомъ случаѣ имѣетъ цѣлью лучшее сохраненіе жизни.

Что даетъ Геккелю право—полагать начало цѣлесообразныхъ причинъ (causae finales) лишь въ сознательной дѣятельности извѣстныхъ намъ органическихъ явленій? Если цѣлесообразныя причины могутъ возникнуть гдѣ либо, какъ плодъ предъидущихъ нецѣлесообразныхъ причинъ, то почему именно при постройкѣ человѣческими руками театра, а не при конструкціи мозга? (И это было бы совершенно согласно даже съ

тѣмъ предположеніемъ, что самозарожденіе царства протистовъ не имѣло цѣлесообразной причины, къ чему мы возвратимся позднѣе). Геккель не можетъ оспаривать, что телескопъ, рояль или флейта имѣютъ телеологическій характеръ; и вотъ однако Каппъ въ своей превосходной «Philosophie der Technik» приведеніемъ множества мѣстъ изъ сочиненій замѣчательныхъ людей доказалъ, что эти изобрѣтенія составляютъ лишь недостаточную проекцію глаза, уха и гортани. Неужели и эти дивныя произведенія техники не имѣютъ телеологическаго характера?!

Если же принять второй случай и оспаривать у человѣка сознательную постановку цѣлей, какъ нѣчто лишь кажущееся и составляющее необходимое слѣдствіе его организаціи, тогда придется перенести цѣлесообразную дѣятельность на нѣчто другое, и именно на самую организацію. И такъ, въ крайнемъ случаѣ, можно было бы спорить о томъ, гдѣ начинается цѣлесообразная дѣятельность и какъ она возникаетъ, а не о томъ, существуетъ ли таковая. Если она не находится въ сферѣ сознанія, то она должна заключаться въ безсознательномъ.

«Механическія причины», «нѣтъ дуализма», «нѣтъ витализма», — вотъ тѣ словечки, которыми Геккель думаетъ изгнать телеологію изъ органическихъ явленій, и онъ, повидимому, не замѣчаетъ, что телеологія можетъ вполнѣ существовать рядомъ и вмѣстѣ съ «механическими причинами», и совершенно безъ дуализма и витализма. Исключеніе цѣлесообразно-дѣйствующихъ причинъ онъ считаетъ за важнѣйшій пунктъ, составляющій «неприступную цитадель біологіи». Однако съ неприступностью цитадели обстоитъ очень неблагополучно. Я не знаю, какимъ образомъ могли бы возникнуть понятія и выраженія «цѣль», «намѣреніе», если

бы люди иногда, даже часто, въ своей жизни не дѣлали намѣренно чего нибудь для какой либо цѣли. Разъ они это дѣлаютъ,—находясь при томъ въ мірѣ, а не внѣ его,—то этимъ уже неоспоримо доказывается, что въ органической дѣятельности съ извѣстнаго времени существуютъ конечныя цѣлесообразныя причины.

Если мы даже предположимъ, что первоначально, при образованіи нашей планеты, не существовало цѣлесообразныхъ причинъ, но что цѣли и намѣренія, каковыми мы ихъ наблюдаемъ теперь, составляютъ позднѣйшій продуктъ и необходимое слѣдствіе химическаго сродства, то я все-таки могу себѣ позволить, безъ вреда для вышеупомянутыхъ предположеній, полагать телеологическое дѣйствіе какъ разъ тамъ, гдѣ его не хочетъ видѣть Геккель — въ органическомъ развитіи вслѣдствіе чего, какъ разъ наоборотъ, дѣла человѣческія получаютъ отпечатокъ необходимости—въ смыслѣ, который придавалъ ей Шопенгауэръ (смотри его сочиненіе: Die Freiheit des Willens). Высшая задача, которую Бэръ ставитъ для исторіи развитія и морфологіи организмовъ:—«сведеніе образующихъ силъ организованнаго тѣла къ всеобщей силѣ міроваго цѣлаго»—можетъ быть разрѣшена безъ изгнанія телеологіи изъ органическаго развитія; дажѣ болѣе того:—только на этомъ пути и возможно разрѣшеніе такой задачи; это значитъ, что не не слѣдуетъ видѣть телеологію тамъ, гдѣ еще нельзя найти ее (въ процессѣ сплоченія небесныхъ тѣлъ), а также и не тамъ, гдѣ ея болѣе нѣтъ, гдѣ все есть призракъ (въ человѣческомъ сознаніи); но тамъ, гдѣ она ясно и отчетливо намъ открывается: въ органическомъ строеніи, въ организмѣ самомъ. Можно отрицать телеологію у находящейся въ началѣ своего развитія планеты; можно отрицать цѣль и намѣреніе въ человѣческихъ дѣйствіяхъ, какъ призрачныхъ и эфемерныхъ, какъ неизбѣжно вы-

текающихъ изъ организаціи и внѣшнихъ условій; но тогда телеологическая дѣятельность должна лежать между этими двумя пунктами — именно въ организаціи. Позднѣе мы поговоримъ объ этомъ подробнѣе.

Геккель обвиняетъ Канта въ противорѣчіи (Schöpfungsgeschichte, стр. 92—94), потому что этотъ послѣдній, съ одной стороны, разсматриваетъ органическій міръ какъ семью существъ и предлагаетъ искать механическіе законы ея развитія,—законы коимъ органическая техника обязана своимъ происхожденіемъ, съ другой же стороны, въ объясненіи вещи, какъ природной цѣли, онъ говоритъ о подчиненности принципа механизма телеологическому принципу. Кантъ говоритъ ясно, что цѣлесообразныя формы организмовъ немыслимы безъ телеологіи, и называетъ нелѣпой надежду на втораго Ньютона, «который объяснилъ бы происхожденіе хотя бы былинки по законамъ природы, не установленнымъ никакимъ намѣреніемъ». Я долженъ сознаться, что не разъ бы призадумался прежде чѣмъ допустить возможность чего-нибудь тамъ, гдѣ такой осмотрительный и глубокій мыслитель, какъ Кантъ, столь рѣшительно говоритъ о невозможности; и какъ послѣ этого Геккель хочетъ видѣть въ Дарвинѣ такого новаго Ньютона—это совершенно непонятно. Дарвинъ, безъ сомнѣнія, выяснилъ сродство и механизмъ развитія органическаго міра, на что надѣялся также и великій Кантъ; но цѣлесообразной дѣятельности въ организмахъ не нанесли ущерба ни Дарвинъ, ни кто другой. Геккель несомнѣнно принадлежитъ къ числу тѣхъ естествоиспытателей, которые вмѣстѣ съ философами раздѣляютъ убѣжденіе, что представляемый нами съ помощью нашихъ внѣшнихъ чувствъ міръ имѣетъ въ основаніи нѣкоторую реальность; онъ долженъ поэтому сознавать вѣчный дуализмъ представленія и явленія или вещи о себѣ, присущій всѣмъ и каж-

дому. Если это такъ, въ чемъ я не сомнѣваюсь, то во всякомъ случаѣ замѣчательно, что ни Геккелю, ни кому либо изъ естествоиспытателей, сочувствующихъ философіи—или, по крайней мѣрѣ знакомымъ съ Кантомъ—не приходила въ голову мысль, что какъ въ основѣ являющагося намъ призрачнаго міра лежитъ другой міръ — подобно тому какъ отраженію въ зеркалѣ соотвѣтствуетъ нѣкоторая реальность—такъ и въ основѣ человѣческой индивидуальности можетъ лежать нѣкоторая другая индивидуальность. Я понимаю, что біологи возстаютъ противъ индивидуализма Лейбница, Гербарта, Дроссбаха и т. д. (ибо разрѣшеніе загадки нисколько не становится яснѣе, если непонятную «Волю» или «Бога» разложить на безчисленные милліоны столь же непонятныхъ существъ); но развѣ этотъ индивидуализмъ есть единственно возможный?

Поистинѣ вовсе не необходимо присоединиться къ индивидуализму этихъ философовъ, или полагать непосредственной основой человѣческаго явленія великое міровое начало, «волю» или «безсознательное» и тѣмъ самымъ уничтожать возможность всякаго индивидуализма (за исключеніемъ проявляющейся въ мимолетныхъ явленіяхъ органической жизни); однако менѣе всего мы имѣемъ права *ничего* не полагать въ основу человѣческой индивидуальности, и, довольствуясь многостороннею способностью углерода къ соединеніямъ, отрицать очевидную для всѣхъ цѣлесообразную дѣятельность, потому только что углероду приписывать ея нельзя. Мы постараемся въ слѣдующей главѣ найти тотъ путь, по которому, не пренебрегая біологическими законами, можно придти къ телеологіи.

III.

Густавъ Іегеръ.

То, что мы находимъ въ зоологическихъ письмахъ Іегера по вопросу о развитіи, во всякомъ случаѣ, составляетъ слабѣйшую часть его работы.

«Внезапный переходъ къ воздушной жизни предполагаетъ столь рѣшительное измѣненіе въ условіяхъ существованія, что онъ не мыслимъ иначе, какъ при помощи столь же рѣшительнаго морфологическаго измѣненія въ тѣлѣ животнаго. Въ тотъ моментъ, когда животное выходитъ изъ воды и начинаетъ вдыхать атмосферный воздухъ, когда атмосфера охватываетъ его поверхность, высушиваетъ ее и дѣлаетъ невозможнымъ обмѣнъ газовъ, — рѣшительное преобразованіе должно приспособить тѣло его къ этимъ новымъ условіямъ жизни. Какъ иначе можетъ совершиться это, какъ не метаморфозой?.. Мои почтенные читатели спросятъ меня: откуда вы знаете это? Отвѣтъ очень простъ. Когда мы видимъ теперь въ жизни индивида внезапную, не проходящую ни черезъ какія промежуточныя территоріи, перемѣну мѣстопребыванія, то мы находимъ безъ исключенія, что эта перемѣна дѣлается возможной благодаря метаморфозѣ или, какъ у Entozoa, черезъ нѣкоторый родъ смѣны поколѣній. Законъ, имѣющій силу для каждаго отдѣльнаго индивида, долженъ имѣть то же значеніе для совокупности ихъ, и на этомъ основаніи я не колеблюсь придавать метаморфозѣ это значеніе въ исторіи развитія родословнаго древа».

И такъ, при переходѣ водянаго животнаго въ воздушную жизнь, въ немъ должно произойти измѣненіе; если этотъ переходъ постепененъ, тогда являются на помощь внѣшнія вліянія, приспособленіе, наслѣдственность и т. д., каковые факторы, конечно, имѣютъ свое значеніе, хотя и не-

удовлетворительны вполнѣ. Если же переходъ совершается внезапно, тогда, слѣдовательно, всѣ эти факторы теряютъ всякое значеніе, тогда это—метаморфоза. Метаморфоза же какъ по значенію слова, такъ и по смыслу есть нѣкоторое преобразованіе; поэтому, когда мнѣ скажутъ: Внезапный переходъ есть преобразованіе, не объяснимое ни внѣшними вліяніями, ни наслѣдственностью, ни предрасположеніемъ, представляющее поэтому отличіе отъ превращенія, и если я спрошу тогда: чѣмъ производится это преобразованіе, то отвѣтъ — «черезъ метаморфозу»—по истинѣ непоучителенъ. Ближайшаго опредѣленія Іегеръ не даетъ, и если на 120 страницѣ мы находимъ слова: «выходъ изъ воды не составляетъ причины метаморфозы, но есть слѣдствіе ея», то все-таки невольно является такого рода соображеніе: какимъ образомъ и безъ того непонятно происшедшее, необъяснимо развившееся животное еще болѣе непонятнымъ образомъ доходитъ до преобразованія, если всѣ тѣ причины, которыя обыкновенно считаются здѣсь единственно необходимыми и достаточными, теряютъ все свое значеніе и силу? По истинѣ здѣсь недостаточно сказать, что метаморфоза есть «такое же fait accompli, какъ и само развитіе», ибо вѣдь въ фактѣ-то никто не сомнѣвается.

Впрочемъ Іегеръ соглашается (стр. 211), что внутреннія, въ субстанціи зародыша и въ его способностяхъ заключающіяся, причины дифференцированія тканей сводятся къ субстанціи и способностямъ родителей, и по большей части для насъ совершенно непонятны. И такъ, чѣмъ глубже мы проникаемъ въ частности физіологіи, тѣмъ очевиднѣе становится для насъ недостаточность химическаго объясненія. Іегеръ говоритъ (стр. 227): «Начальныя и конечныя клѣточки суть мѣста превращенія силъ, слѣдовательно производящія работу клѣ-

точки; нервныя же волокна суть лишь проводники, слѣдовательно—проводящія клѣточки». Объ этихъ послѣднихъ онъ говоритъ: «Нервныя волокна похожи на хорошо выѣзжанныя улицы, на которыхъ устранены—или, лучше сказать, доведены до совершенной безвредности—всѣ камни, производящіе толчки и треніе, а тѣ, которые остались,—расположены подобно колеямъ въ линейномъ порядкѣ. Напротивъ того, протоплазма другихъ клѣточекъ со своими многочисленными грубыми зернами похожа на кочковатую горную дорогу, на которой безпорядочно разбросаны обломки горныхъ породъ, какъ доказательство, какъ она рѣдко служитъ человѣку... Когда предѣльныя клѣточки, коихъ протоплазма не утратила еще своей раздражительности (чрезъ отвердѣніе или наполненіе слизью), подвергаются легкому раздраженію, то, на встрѣчу ему они вытягиваютъ отросточки, которые, при смѣшанныхъ родахъ раздраженія, образуютъ мерцательные волосики, а при одномъ постоянномъ родѣ раздраженія, становятся слуховыми, вкусовыми, обонятельными тѣльцами». (Почему дѣлаютъ онѣ это? Почему всегда во-время, на опредѣленномъ мѣстѣ?). Страница 232. «Это фактъ, что зрительныя клѣточки обладаютъ особенно высокою степенью воспріимчивости къ движенію свѣтовому, слуховыя клѣточки къ звуковымъ колебаніямъ, обонятельныя къ атомнымъ движеніямъ газовыхъ веществъ, вкусовыя къ таковымъ же движеніямъ капельныхъ жидкостей, осязательныя—къ теплотѣ и давленію. Эту способность называютъ специфическою энергіею этихъ конечныхъ клѣточекъ; она стоитъ въ несомнѣнной связи съ условіями существованія соотвѣтственныхъ чувственныхъ клѣточекъ. Зрительныя клѣточки такъ помѣщены, что ихъ могутъ касаться только колебанія свѣта, а не обоня-тельныя и вкусовыя вещества, или колебанія теплоты, или разныя

давленія, или звуковыя колебанія; слуховыя клѣточки соприкасаются только съ звуковыми колебаніями, съ исключеніемъ всѣхъ другихъ раздраженій... Дифференцированіе различныхъ чувствительныхъ клѣточекъ съ ихъ специфическими энергіями покоится на различіи условій ихъ существованія т. е. на томъ, что каждая изъ нихъ доступна только извѣстному роду раздраженія (т. е. адекватному раздраженію)». И этого достаточно? — Та же самая протоплазма, та же клѣточка (именно предѣльная клѣточка), то же внѣшнее дѣйствіе и столь различные результаты!—Подумайте только о томъ, что заключенное въ чревѣ матери бѣлковинное тѣло должно образовать всѣ эти тѣльца на извѣстномъ мѣстѣ безъ всякаго внѣшняго вліянія и телеологически сдѣлать ихъ воспріимчивыми только для опредѣленныхъ колебаній! Въ этомъ случаѣ по мнѣ, право, лучше стать подъ защиту «непонятной намъ наслѣдственности предрасположеній» зародыша, ибо это, по крайней мѣрѣ, справедливо въ томъ смыслѣ, что предрасположенія наслѣдуются, хотя они ни что иное, какъ только предрасположенія, приспособленный матеріалъ.

Подобную же аргументацію выставляетъ Іегеръ при дальнѣйшемъ дифференцированіи царства животныхъ (стр. 301—303): «У Ентинодермовъ я вижу причину извѣстнаго столь значительнаго расчлененія ихъ тѣла въ выступленіи наружу известковыхъ образованій, лежащихъ не на поверхности тѣла, а внутри тѣлесной оболочки. Отложеніе извести очевидно основывается на опредѣленномъ химическомъ качествѣ зародышевой протоплазмы, которое я называю кальцигеническимъ... Хондрингеническое расположеніе, т. е. способность отдѣлять внутри тѣла способныя къ свертыванію альбуминоидныя вещества, а именно прежде всего хондрингены, въ мѣстахъ уравновѣшеннаго напряженія тканей, такъ

что клѣточки обращаются въ капсюли и спаиваются, ведетъ къ образованію первичной хрящевой спинной оси... и такимъ образомъ строеніе скелета позвоночнаго животнаго является безусловно—механическимъ слѣдствіемъ хондрингеническаго предрасположенія зародышевой протоплазмы».

Изъ этихъ указаній я могу вывести лишь то, что если бы не было въ наличности хондрингеническаго предрасположенія протоплазмы, то скелетъ позвоночнаго животнаго не могъ бы и возникнуть. Даже если бы мы могли согласиться и дѣйствительно согласились, что гдѣ существуетъ предрасположеніе, тамъ долженъ образоваться скелетъ позвоночнаго животнаго, то все таки возникалъ бы вопросъ, откуда же берется это удивительное, простое, и въ своихъ результатахъ столь важное предрасположеніе всегда въ нужное время и на настоящемъ мѣстѣ? Что ходъ развитія долженъ подлежать механическому объясненію, этого никто, конечно, отрицать не станетъ, ибо если бы онъ и «былъ необъяснимъ механическимъ путемъ, тому виною была бы только наша близорукость. Механически должно быть объяснимо все что̀ фактически и дѣйствительно существуетъ, какъ вообще всякое устройство машины; но вслѣдствіе этого распредѣляющее, дѣйствующее и управляющее начало не становится лишнимъ, напротивъ того оно становится необходимымъ постулатомъ; и это еще болѣе бросается въ глаза, когда, оставивъ въ сторонѣ развитіе низшихъ органическихъ формъ, мы обратимъ вниманіе на фактъ воспроизведенія, начинающійся сознательнымъ раздраженіемъ и ведущій къ безсознательнымъ послѣдствіямъ. Если справедливо мнѣніе Іегера, что существо родителей не производитъ зародышей, но только сберегаетъ ихъ, и что эти послѣдніе въ эмбріональномъ развитіи возникаютъ чрезъ itio in partes

эмбріональныхъ клѣтокъ, тогда все настоящее и будущее твореніе лежало бы совершено готовымъ въ первой протоплазмѣ, гдѣ бѣлковымъ соединеніямъ лишь нужно было бы принять характеръ гальваническаго столба, электрическое напряженіе котораго—такъ называемая «жизненная сила»—въ концѣ концовъ должно бы было превратить комочекъ изъ нѣсколькихъ милліоновъ клѣточекъ въ одареннаго единымъ сознаніемъ, мыслящаго и чувствующаго человѣка! Благо тому, кто, по книгамъ біологовъ, пріучитъ себя смотрѣть на эту протоплазму, какъ на чудесный органическій матеріалъ; но нужно имѣть необыкновенную дозу самодовольства, чтобы видѣть въ нынѣшнихъ трудахъ біологовъ вполнѣ достаточное доказательство развитія органическаго міра изъ протоплазмы, устраняющее необходимость принятія какой либо vis formativa.

Когда Іегеръ выставляетъ положеніе (стр. 349): «Послѣдній членъ филогенезы совмѣщаетъ въ своей зародышевой протоплазмѣ протоплазматическія предрасположенія цѣлаго ряда своихъ предковъ», то я менѣе чѣмъ кто либо сомнѣваюсь въ вѣрности этого положенія, наоборотъ я дѣлаю отсюда новыя и важныя заключенія; ибо вѣрность этого положенія даетъ мнѣ возможность утверждать, что всякая органическая форма постоянно совмѣщаетъ въ своихъ способностяхъ плоды всей прежней организаторской дѣятельности производящей причины.

Это положеніе не противорѣчитъ выставленному Іегеромъ основному біогенетическому закону, потому что законъ этотъ относится лишь къ послѣдовательности, условіямъ и измѣненіямъ ихъ, при которыхъ происходитъ органическое развитіе, но ничего не говоритъ о собственно дѣйствующемъ тутъ началѣ.

Но что, по мнѣнію Іегера, и самъ этотъ законъ не-

достаточенъ, это доказываютъ его собственныя слова (стр. 369): «Существуетъ всеобщая химія, всеобщая физика, но всеобщей морфологіи и морфогенезиса не существуетъ до сего времени, и если мы просмотримъ спеціальныя морфологіи животныхъ, растеній, кристалловъ, горныхъ породъ и небесныхъ тѣлъ, то мы придемъ въ изумленіе предъ громадной пропастью, отдѣляющей морфологію организмовъ отъ морфологіи неорганическаго. Въ послѣдней формообразованіе вездѣ обыкновенно сводится на извѣстные химико-физическіе процессы и всегда, за исключеніемъ кристаллогенезиса, съ самымъ полнымъ успѣхомъ. Сидерогенезисъ (звѣздообразованіе) и теллурогенезисъ (землеобразованіе) представляютъ уже со временъ Канта и Лапласа, за исключеніемъ нѣкоторыхъ деталей, законченныя науки. Но какъ скоро обратимся къ организмамъ, мы наталкиваемся, въ разъясненіи способа дѣйствій извѣстныхъ формующихъ силъ, на выходящую изъ области физики и химіи vis formativa, на силу наслѣдственности, которая до сего времени почти исключительно препятствовала возникнуть морфогенезису организмовъ».

И такъ, онъ тоже принужденъ принять для организмовъ нѣкоторую vis formativa; что же касается того, что онъ ищетъ и находитъ её, какъ достаточную причину, въ наслѣдственности, то это есть слѣдствіе той умѣренности, въ которой, когда дѣло идетъ о требованіяхъ отъ ихъ науки, повинны почти всѣ біологи. Не говоря уже о томъ, что ни онъ, ни кто либо другой вообще не разрѣшилъ загадки наслѣдственности,—изъ того обстоятельства, что безъ достигнутаго посредствомъ наслѣдственности болѣе совершеннаго предрасположенія зародыша не мыслимъ прогрессъ въ органическомъ развитіи, еще далеко не слѣдуетъ, что для образованія мыслящаго и чувствующаго механизма необходима

только наслѣдственность предрасположеній; нельзя условія дѣйствія принимать за самое дѣйствіе.

Однако не только развитіе, но и само отправленіе развившагося организма представляетъ загадку. На вопросъ о трудностяхъ объясненія функцій чувствованія, мышленія, высшихъ состояній сознанія и т. д. Спенсеръ отвѣчаетъ въ томъ смыслѣ, «что способъ, какимъ сила, существующая въ формѣ движенія, теплоты или свѣта, можетъ стать сознательнымъ состояніемъ, какъ колебаніе воздуха можетъ производить ощущеніе, которое мы называемъ звукомъ, или какъ освобожденныя въ мозгу, вслѣдствіе химическихъ измѣненій, силы могутъ вызвать извѣстное настроеніе духа, есть тайна, не поддающаяся разгадкѣ»... «Есть родъ силы, обнаруживающійся въ нѣкоторыхъ классахъ живыхъ тѣлъ; силу эту мы не можемъ отожествить ни съ одною изъ силъ, проявляемыхъ неживыми тѣлами, она остается неизвѣстною въ томъ смыслѣ, что ее нельзя отнести ни къ одному изъ тѣхъ познанныхъ классовъ силъ. Я говорю о такъ называемой нервной силѣ...» «Невозможно сказать, будемъ ли мы когда либо знать о нервной силѣ болѣе того, что она есть родъ молекулярнаго возмущенія, распространяющагося отъ одного конца нерва до другаго и дающаго въ мускулѣ начало видимому движенію...»

Еще болѣе, чѣмъ эти недвусмысленныя признанія Спенсера относительно необъяснимости отправленія организма, важны въ этомъ отношеніи поступки животныхъ, обнаруживающіе такого рода разсудительность, которою во многихъ случаяхъ не можетъ обладать животное уже вслѣдствіе недостаточности опыта, и я совѣтую тѣмъ, кто самъ не имѣетъ возможности наблюдать животный міръ, обратиться къ «Безсознательному въ инстинктѣ» въ «Философіи Безсознательнаго» Гартмана.

И такъ, если мы резюмируемъ выводы замѣчательнѣйшихъ біологовъ касательно отправленія, то мы придемъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: біологи не знаютъ, какимъ образомъ воля и разумъ, обнаруживающіеся въ отправленіи, вносятся въ органическую машину; они не знаютъ, какимъ образомъ органическая машина возрождаетъ себя и воспроизводитъ; они, правда, знаютъ, что мой ротъ производитъ волны, и что эти волны могутъ коснуться уха, но какимъ образомъ мои мысли обращаются въ волнообразное движеніе, и это послѣднее опять въ мысли другаго человѣка, объ этомъ они опять-таки ничего не знаютъ. Доказательствъ въ пользу этого утвержденія безконечно-много, но мы утомили бы только читателя, еслибъ стали приводить еще другихъ писателей; если даже Спенсеръ и Геккель не въ состояніи дать намъ надлежащаго объясненія, то мы можемъ со спокойной совѣстью утверждать, что ни одна изъ извѣстныхъ философскихъ системъ не опровергнута естествознаніемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и немыслимо, чтобы такіе выдающіеся умы, каковы представители различныхъ философскихъ ученій, могли держаться міросозерцанія непримиримаго съ положительными результатами науки.

V.

Индивидуализмъ въ свѣтѣ біологіи.

Біологія оказалась несостоятельной въ разрѣшеніи загадки, которую мы находимъ въ природѣ по отношенію къ происхожденію и развитію органической жизни. Правда, она указала намъ на условія возникновенія и развитія, даже на побужденія, ихъ вызывающія; но собственно движущая и реагирующая на воздѣйствія чрезъ приспособленіе сила осталась неизвѣстной. То, что говорятъ біологи о возникновеніи многоклѣточныхъ индивидовъ не только не удовлетворительно, но просто немыслимо; ибо развитіе зародышевыхъ клѣточекъ помощью клѣточной кучки невозможно для физіологическаго индивида безъ предположенія цѣлесообразной дѣятельности, каковую дѣятельность нельзя приписывать этой кучкѣ, ибо во внѣшнихъ условіяхъ не заключается къ тому повода.

И все-таки біологи правы, когда они говорятъ, что человѣкъ есть болѣе развитое животное, и что исторія зародыша представляетъ повтореніе исторіи племени. Кто станетъ наблюдать животное и изучитъ выводы сравнительной анатоміи и эмбріологіи, тотъ не будетъ въ состояніи отрицать эти истины; разница сте-

пени, существующая между нами и животнымъ, на самомъ дѣлѣ есть лишь плодъ различнаго развитія. Однако, какъ это ни естественно, что Дарвинъ нѣсколько увлекается въ оцѣнкѣ результатовъ подбора производителей, а Геккель въ опредѣленіи важности своего открытія монеръ, но непростительно было бы держаться невозможной связи этихъ явленій потому, что лучшей до сихъ поръ еще не найдено. Фактъ органическаго развитія изъ немногихъ видовъ стоитъ твердо, но объясненіе его все еще страдаетъ недостатками; отсюда и является такое различіе воззрѣній въ вопросѣ о томъ, что̀ именно лежитъ въ основаніи органическихъ формъ. Возрѣнія эти можно раздѣлить на три большія группы.

Одни утверждаютъ, что органическія формы явленій прямо вытекаютъ изъ нѣкотораго метафизическаго принципа, коего индивидуальную функцію онѣ составляютъ; онѣ исходятъ изъ великаго неизвѣстнаго x и снова исчезаютъ въ немъ со своей индивидуальностью или личностью. Множественность атомовъ, правда, признается защитниками этого воззрѣнія, но они считаютъ недостаточными присущія атомамъ способности, и потому вездѣ указываютъ на необходимость непосредственной дѣятельности великаго принципа.

Вторая группа благоговѣетъ предъ индивидуализмомъ и видитъ въ каждомъ организмѣ проявленіе отдѣльнаго реальнаго существа, нѣкотораго x. Она опирается вообще на существованіе индивидуальныхъ атомовъ и падаетъ въ безсиліи доказать существованіе уклоняющихся отъ извѣстныхъ атомныхъ силъ способностей, которыя она должна однако приписывать своимъ монадамъ для объясненія тайны организаціи; точно также въ большомъ затрудненіи находятся представители этого индивидуализма относительно того, что имъ дѣлать съ своимъ

реальнымъ существомъ до и послѣ организаціи. Позднѣе мы займемся подробно обѣими этими группами.

Третья группа, которою мы до сихъ поръ занимались, и которая считаетъ въ числѣ своихъ послѣдователей большинство новѣйшихъ біологовъ, видитъ въ организмѣ ни что иное, какъ продуктъ вещественныхъ сочетаній бѣлковыхъ, углеродныхъ, ближайшее опредѣленіе которыхъ она во всякомъ случаѣ дать не въ состояніи. Обозначимъ эту неизвѣстную величину въ отличіе отъ другихъ черезъ xy.

Ни одно изъ этихъ трехъ воззрѣній—если оно искренно—не можетъ утверждать, что оно неоспоримо выяснило происхожденіе и развитіе органической жизни. Она была и остается загадкой; несмотря на то, мы займемся ими, чтобы рѣшить, которое изъ нихъ и насколько возможно или истинно.

Такъ какъ первыя двѣ группы точно также должны начинать конкретный процессъ возникновенія и развитія съ неизвѣстнаго вещественнаго соединенія и слѣдовательно также считаютъ xy если не причиной, то по крайней мѣрѣ вторичной основой органическихъ формъ явленій, то для насъ становится вполнѣ возможнымъ, оставивъ въ сторонѣ болѣе глубокое различіе въ мнѣніяхъ этихъ трехъ группъ, принять неизвѣстную вещественную комбинацію, если не за достаточную причину, то все-таки за первое извѣстное намъ начало органическаго возникновенія и развитія. Мы тѣмъ болѣе имѣемъ права на это, что для насъ невозможно теперь же опредѣленно рѣшить вопросъ о томъ, исходитъ ли импульсъ къ жизненной дѣятельности непосредственно изъ всеединства метафизическаго принципа (X), или изъ монады (x), или изъ случайнаго соединенія извѣстныхъ или неизвѣстныхъ намъ вещественныхъ элементовъ (xy). Оставляя этотъ вопросъ

для позднѣйшаго изслѣдованія, мы считаемъ возможнымъ войти въ нѣкоторый компромиссъ съ естествознаніемъ, предположивъ лишь, что въ основѣ органическихъ формъ, какъ ихъ ближайшая причина, лежитъ нѣкоторое вещественное сочетаніе, чѣмъ однако нисколько напередъ не рѣшается, изъ чего и чѣмъ образуется этотъ xy, ибо предварительно каждый можетъ думать объ этомъ все, что хочетъ. Для біологовъ должно быть тоже совершенно безразлично, полагаютъ ли другіе въ этомъ xy особое единичное существо или лучъ «безсознательнаго», что̀ уже потому не можетъ быть совершенно отвергнуто, что анализу до сихъ поръ не удалось найти сколько нибудь значительную разницу въ составѣ различнѣйшихъ протоплазмъ млѣкопитающихъ животныхъ.

Живая протоплазма есть неизвѣстная величина; но какъ математикъ обращается съ неизвѣстными величинами, какъ будто бы онѣ ему извѣстны, и старается этимъ путемъ найти ближайшія опредѣленія, пока не выразумѣетъ свое неизвѣстное, такъ и мы попробуемъ поближе подойти къ этому xy и установить для этой цѣли—ставъ на точку зрѣнія естественной науки—нѣкоторыя положенія, которыя, по моему мнѣнію, не легко могутъ встрѣтить противорѣчія, ибо все, что не доказано фактически и не признано всѣми, будетъ выставляться нами лишь какъ возможное. Первыя три положенія могутъ быть приняты всѣми безъ всякихъ споровъ; они таковы:

1) Отдѣльные простые атомы вѣсомой матеріи и, разумѣется, также гипотетическіе эфирные атомы, несмотря на всѣ вспомогательныя средства, невидимы, недоступны нашимъ чувствамъ, и собственно составляютъ только мысленно—представляемые центры силъ.

2) Даже малѣйшія изъ доступныхъ нашимъ чувствамъ частицъ вещества представляютъ поэтому уже сочетаніе очень многихъ атомовъ. По свидѣтельству естествоиспытателей, въ каплѣ воды заключаются или по крайней мѣрѣ могутъ заключаться милліоны образованій (по Спенсеру т. 2, стр. 466, однихъ Paramaecia около 1,000 милліоновъ), которыя, какъ организмы, въ свою очередь представляютъ сложныя соединенія. Если бы мы попытались сосчитать составныя части крови въ одномъ человѣкѣ, то мы точно также очутились бы среди билліоновъ.

3) Обусловливающіе жизнь атомы столь необходимыхъ для организмовъ газовъ, а также несомнѣнно и атомы предполагаемаго эѳира—почти вездѣ существуютъ въ неисчислимомъ количествѣ, и безъ всякаго сомнѣнія находятся тамъ, гдѣ встрѣчается органическая жизнь.

Изъ предъидущихъ положеній получается окончательный выводъ, что первое условіе возможности нашего воспріятія органической «жизни» составляетъ сплоченіе или скорѣе массовое дѣйствіе атомовъ, ибо въ противномъ случаѣ движеніе, питаніе и другія жизненныя функціи безслѣдно проходили бы мимо насъ; что поэтому протоплазма и низшія органическія стадіи обладаютъ уже большой степенью сплоченности и должны представлять сложное соединеніе невидимыхъ для насъ единицъ.

Прибавимъ къ этимъ положеніямъ еще другія соображенія, которыя, какъ таковыя, тоже никѣмъ не могутъ быть оспариваемы.

Смерть организма всегда сопровождается разложеніемъ образующихъ его соединеній; но не доказано и нельзя предположить, чтобы это разложеніе распространялось

на самыя послѣднія атомныя соединенія, такъ чтобы весь организмъ распадался на отдѣльные атомы. Поэтому слѣдуетъ признать, что послѣднія составныя части, на которыя распадается умирающій организмъ, все таки состоятъ еще изъ сочетаній такъ называемыхъ вещественныхъ элементовъ.

Если же разложеніе не абсолютно, но остаются еще нѣкоторыя соединенія, то никто не въ правѣ утверждать, что та комбинація элементовъ (xy), которая вызвала къ жизни бѣлковое вещество, или дала поводъ къ ней, или которая сама представляетъ жизнь,—должна со смертью организма распасться на составные атомы и утратить свою первоначальную, т. е. предшествующую видимой организаціи особенность.

Возраженіе, что таковой остатокъ долженъ же какъ либо подлежатъ нашему воспріятію, не имѣетъ значенія, потому что мы не знаемъ, — можемъ ли мы ощущать вообще всѣ вещества; да къ тому же и извѣстные намъ атомы становятся доступны нашему воспріятію лишь тогда, когда находятся въ большомъ количествѣ; и если бы намъ когда либо удалось опредѣлить сумму атомовъ, которая при извѣстномъ сплоченіи можетъ быть воспринята нашими чувствами, то я увѣренъ, что эта сумма была бы очень велика. Если вѣрно утвержденіе Спенсера, что альбуминная молекула состоитъ почти изъ 900 атомовъ, то мы имѣли бы—если бы весь организмъ вышеупомянутыхъ Paramaecia состоялъ изъ одной молекулы—въ каплѣ воды билліонъ атомовъ, не считая атомовъ воды и эѳира! Такимъ образомъ можно съ большою вѣроятностью предположить невидимыя соединенія неизвѣстныхъ намъ элементовъ, а что таковыя существуютъ, доказываетъ спектральный анализъ, не говоря уже о

томъ, что мы и безъ того предполагаемъ существованіе такъ называемыхъ эѳирныхъ атомовъ.

Поэтому нельзя ничего возразить противъ предположенія, что эта всегда имѣющая нѣкоторое происхожденіе и продолжающаяся и послѣ разложенія комбинація силъ или веществъ можетъ, при данныхъ благопріятныхъ условіяхъ, опять вызвать новую органическую жизнь.

Обусловленныя дѣленіемъ размноженіе и распложеніе въ царствѣ протистовъ могутъ быть разсматриваемы какъ процессъ, въ которомъ образовавшійся вслѣдствіе избытка питанія маточный растворъ побуждаетъ одну изъ данныхъ вещественныхъ комбинацій (xy) къ достиженію замѣтной для насъ сплоченности.

Изъ этихъ предположеній вытекаетъ заключительный выводъ: Предполагаемая для развитія органической жизни вещественная комбинація (xy) можетъ быть очень хорошо мыслима проходящею чрезъ многія сплоченія или органическія кристаллизаціи. Само собою понятно, что это предположеніе равно можетъ быть принято, заключается ли въ этомъ xy реальное существо индивидуалистовъ, или функція «воли» или «безсознательнаго».

Еслибы кто нибудь хотѣлъ дать этому xy конкретное имя, то я не знаю лучшаго, какъ «душа», потому что это выраженіе всегда употребляется для выраженія сущности каждой вещи, и поэтому различнымъ философамъ совершенно позволительно мыслить подъ этимъ обозначеніемъ «душа» все, что они хотятъ.

Эти заключительные выводы ведутъ къ индивидуализму, хотя и относительному, но вполнѣ возможному съ точки зрѣнія современнаго естествовѣдѣнія; ибо мы только въ томъ случаѣ имѣли бы право его отвергнуть, еслибы мы могли отдать отчетъ о каждомъ атомѣ, слѣдовательно о каждомъ проявленіи силы, обнаруживаю-

щемся въ организмѣ, и кромѣ того знали бы достовѣрно, что вступающая въ организмъ неспособность къ жизни ведетъ за собой разложеніе и уничтоженіе всѣхъ вещественныхъ комбинацій. До тѣхъ поръ, пока мы въ точности не знаемъ, изъ какихъ атомовъ состоитъ организмъ и къ какимъ проявленіямъ силъ способны эти атомы, и не вполнѣ увѣрены, что всѣ соединенія атомовъ распадаются на ихъ послѣднія части,—мы не можемъ оспаривать невозможности болѣе продолжительнаго существованія того неизвѣстнаго намъ соединенія, которое вызвало жизнь, ни также его реактивированія. И такъ, съ точки зрѣнія біологіи вовсе не является необходимостью, чтобы индивидуальная функція вызывающей жизнь причины—если бы даже она не состояла ни изъ чего другаго, какъ изъ неизвѣстнаго невидимаго соединенія—начиналась съ возникновенія видимаго организма и прекращалась съ его разрушеніемъ.

Если же это не необходимо, а противоположное предположеніе вѣроятно, то вслѣдствіе этого и то, что мы называемъ органическою жизнью, сводилось бы къ періодическому проявленію теллурической жизни. Въ такомъ случаѣ и само это xy могло бы представлять не жизнь въ собственномъ смыслѣ, но имѣть за собою нѣкоторую космическую основу и продолжаться очень долго, тогда какъ извѣстныя намъ органическія явленія въ этомъ отношеніи очень ограничены. Это не произвольный и не незначительный выводъ, а твердо обоснованный и важный по своимъ послѣдствіямъ.

Такого рода индивидуализмомъ дается зародышу для развитія, кромѣ болѣе дифференцированнаго маточнаго щелока, еще также болѣе дифференцированный агентъ xy, какого бы рода онъ ни былъ.

Мы пройдемъ здѣсь молчаніемъ философскую сторону вытекающихъ отсюда выводовъ и займемся ею позднѣе; теперь же, забѣгая нѣсколько впередъ замѣтимъ, что отъ истинности этого предположенія зависитъ вся будущность не только человѣчества, но и всѣхъ органическихъ существъ всѣхъ міровъ. Ибо если эта, «вызывающая жизнь, величина (xy)» есть начало, проходящее сквозь явленія, тогда пессимизмъ долженъ признать себя побѣжденнымъ, ибо горе и нищета, пороки и несовершенства становятся съ этой точки зрѣнія мимолетными явленіями, а лежащая въ человѣкѣ потребность примиренія—истиной. При этомъ предположеніи слова: «каждому по дѣламъ его» могутъ получить свое полное значеніе, и тогда нѣтъ уже болѣе противорѣчія между природой и нравственностью!

Впрочемъ и для біологіи, именно для пониманія органическихъ развитій и функцій, такой агентъ могъ бы принести только пользу, потому что многіе темные пункты въ Морфологіи и Антропогеніи прояснились бы съ принятіемъ этого положенія—особенно по скольку это касается вопроса о происхожденіи, развитіи и функціи многоклѣточныхъ существъ, съ которымъ, какъ мы знаемъ изъ предыдущихъ главъ, сопряжено не мало трудностей.

Можно себѣ представить, что клѣточки (пластиды), благодаря внѣшнимъ обстоятельствамъ и внутреннимъ благопріятнымъ условіямъ, стали способны къ общей жизни, какъ граждане какого нибудь государства—что вслѣдствіе различныхъ причинъ часть клѣточекъ развилась на средства другихъ болѣе и разнообразнѣе, и особенно между внѣшними и внутренними клѣточками обнаружилось большое различія, которое—если бы напримѣръ гаструла обладала непрерывающеюся жизнью — могло бы пожалуй, съ помощью нѣкотораго запаса вообра-

женія, привести къ органамъ движенія и питанія. Но какъ перескочить тотъ обрывъ въ развитіи, который образуется со смертью индивида? Какимъ образомъ морфологическій индивидъ и даже община такихъ индивидовъ можетъ превратиться въ индивидъ физіологическій и личный, имѣющій напримѣръ половые органы? Какимъ образомъ доходятъ отдѣльныя клѣточки или община ихъ до образованія такихъ телеологическихъ вещей какъ яйцевыя и сѣменныя клѣточки, безъ предположенія въ физіологическомъ индивидѣ чего то такого, что управляетъ пластидами (и вовсе не должно быть непосредственно и прямо «Идеей»)? Какимъ образомъ является возможность наслѣдственности? Съ господствомъ теоріи развитія матеріализмъ сдѣлался невозможнымъ; но если организмъ формально не заключается въ яйцѣ, а представляетъ рядъ новообразованій, тогда должно существовать нѣчто, совершающее эту работу, побуждающее, напримѣръ, различныя клѣточки различныхъ внутреннихъ органовъ дѣйствовать для мозговыхъ клѣточекъ, которыя тогда, съ своей стороны, дѣлаютъ возможнымъ наше сознаніе.

Совершенно другой оборотъ принимаетъ дѣло, когда видимыя клѣточки разсматриваются лишь какъ матеріалъ, и такимъ образомъ уничтожается необходимость считать ихъ достаточною причиною развитія. Безъ маточнаго раствора нѣтъ кристалла, безъ бѣлковаго вещества нѣтъ организма; мыслимо и возможно разсматривать и клѣточный комплексъ какъ нѣкоторый родъ приспособленнаго маточнаго раствора. Съ принятіемъ извѣстной вещественной комбинаціи, нѣкотораго xy, какъ величины, проходящей чрезъ органическія формы, становится понятнымъ, какимъ образомъ кучка такихъ пластидъ можетъ побуждать нѣкоторыя и притомъ отдаленныя другъ отъ друга клѣточки, даже цѣлый

мыслящій организмъ, служить совершенно безсознательнымъ цѣлямъ, ибо наше сознаніе есть лишь рефлексъ мозговыхъ процессовъ, да и то только немногихъ изъ нихъ. Это никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду.

Точно также и тайна эмбріологіи становится понятнѣе. Бѣлковое соединеніе зародыша, какъ таковое, не въ состояніи воспроизвести впродолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ работу милліоновъ лѣтъ; оно, какъ безсознательно созданный родителями матеріалъ, уже достаточно удивительно по своимъ способностямъ предрасположенія; напротивъ того цѣлесообразность структуры и стремленій, все сильнѣе и сильнѣе выступающая при совершенствованіи развитія, можетъ быть съ помощью такого (хотя и относительнаго) индивидуализма, гораздо лучше согласована съ естественнымъ развитіемъ. При помощи его становится возможной и понятной антропогенія естествознанія. Ибо при всѣхъ обстоятельствахъ ясно и понятно, что борьба за существованіе и приспособленіе ведутъ къ развитію моихъ силъ, органовъ и способностей; но что это пріобрѣтеніе можетъ размѣститься по сѣменнымъ клѣточкамъ, и что одна изъ зооспермъ можетъ тогда съ помощью этого пріобрѣтенія образовать человѣка—это немыслимо безъ принятія нѣкотораго организующаго агента, долженъ ли онъ отличаться индивидуальнымъ характеромъ или характеромъ метафизическаго общаго всѣмъ процессамъ принципа; этой альтернативой займемся мы впослѣдствіи *).

*) Я очень часто спрашивалъ себя, отчего это люди такъ называемой точной науки такъ чутки къ малѣйшему заподазриванію ихъ въ телеологическомъ воззрѣніи; и могу объяснить себѣ этотъ смертельный страхъ ихъ предъ такимъ обвиненіемъ только слѣдующимъ образомъ. (Я разумѣю здѣсь не столько корифеевъ, сколько толпу ихъ послѣдователей; потому что Дарвинъ, Либихъ и т. п. очень хорошо знаютъ и сильныя и слабыя стороны точной науки).

Для проведенія такого индивидуализма въ біологическомъ отношеніи нуженъ человѣкъ, изучившій естественныя науки во всѣхъ ихъ частностяхъ и деталяхъ, каковымъ я не могу признать себя; я долженъ предоставить эту работу другимъ. Тѣмъ не менѣе я считаю необходимымъ указать еще на нѣкоторыя, не упомянутыя мною въ предъидущихъ главахъ, затрудненія въ теоріи происхожденія видовъ, которыя, по моему мнѣнію, могутъ быть гораздо легче согласованы и разъяснены такого рода индивидуализмомъ, чѣмъ одними химическими свойствами зародышевыхъ клѣтокъ.

Такого рода затрудненія, кромѣ упомянутаго уже

Когда телеологію распространяли не только на органическое развитіе, но и на все твореніе вообще, какъ это дѣйствительно было прежде, то, въ этомъ конечно нельзя было не видѣть большаго злоупотребленія, которое лучше всего можетъ быть охарактеризовано извѣстнымъ выраженіемъ Вольтера, что «мы имѣемъ носъ для того, чтобы носить очки». Во времена оживленія, является ли оно въ политической, соціальной, или въ научной области, обыкновенно никто не хочетъ казаться реакціонеромъ. Нарождаются громкія слова,—національность, либерализмъ, свобода, просвѣщеніе и т. д., пріобрѣтающія магическое вліяніе. Члены парламента—тѣ, которые не задумались бы подставить подъ пулю лобъ для мнимой защиты своей чести—рѣдко имѣютъ мужество открыто высказать свое убѣжденіе, если оно находится въ противорѣчіи съ модными воззрѣніями, хотя сама дуэль держится только до тѣхъ поръ, пока является общепринятымъ обычаемъ въ выдающемся слоѣ общества.—Вмѣстѣ съ тѣмъ берущій на себя смѣлость возставать противъ того, что признается аксіомой со стороны такой многочисленной и конечно заслуженной и выдающейся группы, какъ группа естествоиспытателей, клеймится ею тотчасъ именемъ невѣжды и осмѣивается какъ глупецъ, что, конечно, не всякій легко переноситъ. Но вѣдь ученыя общества такъ часто посрамлялись при обсужденіи новыхъ открытій и мыслей, что многосторонне образованный человѣкъ столь же мало вѣритъ ихъ непогрѣшимости, какъ и папской. Ничего кажется не можетъ быть яснѣе утвержденія Гартмана, что цѣлесообразность не мыслима безъ механизма, а механизмъ безъ цѣлесообразности, но тщетно! Эти господа повидимому думаютъ, что іезуитъ тотчасъ же схватитъ ихъ за воротъ и потащитъ въ исповѣдальню, какъ только они признаютъ въ природѣ телеологическіе задатки.

перехода отъ одноклѣточнаго индивида къ сложному многоклѣточному, т. е. отъ морфологическаго къ физіологическому, представляютъ еще нѣкоторыя органическія функціи, напримѣръ, приспособленіе и гетерогеническое воспроизведеніе, зачатки органовъ и, въ особенности, проходящее всѣ фазы развитіе зародыша отъ одноклѣточнаго существа до человѣка, и быть можетъ также происхожденіе нѣкоторыхъ анормальныхъ образованій. Постоянство видовъ было бы также непонятно, если бы бѣлковыя соединенія зародыша безъ внутренняго направляющаго вліянія были предоставлены однимъ только внѣшнимъ отношеніямъ. Мыслящее «я», напримѣръ, есть фантомъ, долженствующій будто-бы образоваться посредствомъ чудеснаго соединенія клѣточекъ въ общину. Однако просто немыслимо приписывать этимъ клѣточкамъ подобное раздѣленіе труда и исполненіе, если не полагать въ основу мыслящаго, чувствующаго «я» нѣчто такое, на что̀ можетъ быть сведено единство отправленія и сознанія, и что̀ одновременно образуетъ и поддерживаетъ чудесное и безъ этого непонятное сооруженіе клѣточекъ. При предположеніи такого ху, прохожденіе зародыша чрезъ всѣ стадіи развитія является лишь ускореніемъ во времени, такъ какъ зародышъ высокоорганизованыхъ животныхъ исполняетъ въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ то, для чего раньше необходимы были столѣтія и тысячелѣтія и—что замѣчательно—исполняетъ точно то же, что и исполнялъ раньше. Положеніе, что онтогенія есть ничто иное какъ повтореніе филогеніи, гораздо понятнѣе съ точки зрѣнія такого индивидуализма. Собственно исполненія и развитія слѣдуетъ искать тогда только въ племенномъ развитіи, которое въ зародышѣ находитъ лишь свой эфемерный оттискъ. Безъ организующей души было бы непонятно также и постоянство особей внутри вида; сколько удивительныхъ образованій должны бы были

безпрестанно производить пластиды, если бы не существовало ядра, вокругъ котораго онѣ бы кристаллизовались! Отъ начала исторіи мы видѣли—если оставить въ сторонѣ уродства—лишь измѣненія въ перьяхъ, волосахъ, бородахъ, зубахъ, въ тучности, силѣ и величинѣ.

Ограниченный максимумъ силъ, ограниченное число индивидовъ высшихъ органическихъ формъ, почти неограниченное низшихъ, столь быстрое исчезновеніе слабѣйшихъ расъ тоже безъ сокращенія условій ихъ существованія—все это также явленія, поддерживающія мое воззрѣніе. Когда читаешь современныхъ біологовъ или антропогенію Геккеля, то получается убѣжденіе, что процессъ развитія, какъ по отношенію къ зародышу, такъ и по отношенію къ племени дѣйствительно таковъ, какимъ онъ изображается и каковымъ онъ могъ раскрыться только неутомимому прилежанію и множеству наблюденій во всѣхъ областяхъ знанія. Но убѣжденія, что разрѣшена тайна, скрывающая самую суть дѣла, что вопросъ объ этомъ приведенъ въ полную ясность, этого убѣжденія самостоятельно мыслящій человѣкъ получить не можетъ *).

Впрочемъ я не буду утверждать положительно, что будто считаю вполнѣ д о к а з а н н ы м ъ, что раз-

---

*) Окончательные выводы Геккеля въ 25-мъ чтеніи его антропогеніи положительно непостижимы, и нельзя не сожалѣть, что мыслитель въ этомъ чтеніи пренебрегаетъ тѣмъ, что въ 24-мъ—ученый собралъ и выяснилъ. Напримѣръ, нельзя не счесть за совершенную путаницу понятій, то, что Геккель противопоставляетъ монистическое или механическое направленіе дуалистическому или телеологическому направленію. Шопенгауеръ, напримѣръ, принадлежитъ къ монистическому и телеологическому направленію и борется противъ дуалистическаго и механическаго объясненія. Точно также Геккель часто отождествляетъ и смѣшиваетъ душу съ «я», откуда вытекаютъ невѣрныя заключенія. Впрочемъ, не смотря на все это, антропогенія Геккеля — книга очень привлекательная, но это однако скорѣе укрѣпляетъ меня въ моемъ убѣжденіи, чѣмъ колеблетъ его.

витіе человѣка представляетъ именно такого рода ходъ. Нельзя, напримѣръ, рѣшительно отрицать возможность того, что отъ одноклѣточныхъ къ многоклѣточнымъ индивидамъ, можетъ быть, не существуетъ перехода; мое воззрѣніе утверждаетъ лишь возможность, но не несомнѣнность. Во всякомъ случаѣ мыслимо, что въ ху многоклѣточнаго организма заключается нѣкоторый факторъ, который не необходимъ въ одноклѣточномъ; но нельзя отрицать и того, что эмбріональное развитіе говоритъ противъ этого.

Когда мы исходимъ изъ убѣжденія, что чрезъ всѣ формы явленій проходитъ одно организующее начало, такъ что явленія представляютъ собою ничто иное какъ листы изъ исторіи нѣкоторой болѣе продолжительной индивидуальной функціи и развитія, тогда мы не только не вступаемъ въ противорѣчіе съ біогенетическими законами развитія, но сами они становятся яснѣе и понятнѣе. Индивидуализмъ, защищаемый мною, не находится въ противорѣчіи съ выводами естествознанія, но лишь съ его увлеченіями въ области натурфилософіи. Біологи смѣшиваютъ процессы и условія съ причинами, провозглашаютъ часто гипотезы за твердо обоснованныя положенія, выставляютъ альтернативы, не представляющія ясной противоположности, и приходятъ поэтому къ удивительнымъ выводамъ.

Воззрѣніе, строющее органическую жизнь единственно на избирательномъ сродствѣ атомовъ, не только не удовлетворительно,—оно дѣлаетъ непонятной самую смерть. Почему не можетъ углеродное соединеніе, достигшее въ амебѣ до жизненныхъ проявленій, существовать до тѣхъ поръ, пока внѣшнія обстоятельства не сдѣлаютъ его существованіе невозможнымъ? Почему же въ самой амебѣ лежитъ внутренняя необходимость гибели при всѣхъ, даже самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ,

въ то время какъ въ неорганической природѣ еще и теперь существуетъ множество соединеній отъ эпохи охлажденія планеты и вѣроятно будетъ еще существовать милліоны лѣтъ?—Здѣсь, кажется, имѣло бы гораздо болѣе права то предположеніе, что все, что разъ достигло жизненнаго проявленія, до того времени сохраняетъ свою жизненность, пока дозволяютъ это окружающія условія, подобно тому, какъ горный кристаллъ до тѣхъ поръ не перестаетъ быть горнымъ кристалломъ, пока его не уничтожатъ внѣшнія обстоятельства. То, что мы называемъ организмомъ, жизнью, есть почти лишенный всякаго значенія, хотя и не результатовъ, эпизодъ изъ жизни нѣкоторой глубже лежащей дѣятельности или способности; оно есть мимолетное состояніе души. Въ индивидуализмѣ такого рода смерть получаетъ совершенно другое значеніе. Я могу пользоваться напримѣръ домомъ для различныхъ цѣлей; все-таки я связанъ по отношенію къ нему извѣстными границами. Вслѣдствіе постоянно возрастающихъ потребностей я буду наконецъ поставленъ въ необходимость сорвать его и построить снова; я могу обладать имъ извѣстное время, но никакъ не вѣчно. Прогрессъ требуетъ съ одной стороны смерти организма, съ другой—сохраненія организующаго индивидуума. Отсюда забота природы о сохраненіи видовъ и ея равнодушіе къ индивидамъ.

Естественно, что, съ другой стороны, и нашъ индивидуализмъ представляетъ нѣкоторыя затрудненія (я хотѣлъ бы сказать техническаго характера), которыя у низшихъ организмовъ выступаютъ конечно не такъ ясно, какъ у высшихъ. Нельзя, напримѣръ, представить себѣ, какимъ образомъ вещественная комбинація (xy), развивающаяся постепенно въ организующее начало, можетъ быть приведена въ связь съ зародышемъ млекопитающаго животнаго, можетъ овладѣть имъ, воз-

дѣйствовать на него и наконецъ съ нимъ отождествиться.

Правда, и естествознаніе не даетъ намъ объясненія аналогичнаго факта, именно, какимъ образомъ одна зародышевая клѣточка въ состояніи воспроизводить, дифференцировать и систематизировать столь много другихъ клѣточекъ; однако это не даетъ намъ права просто обойти затрудненіе и не признавать его.

При этомъ и подобныхъ вопросахъ является необходимость какъ для біологовъ, такъ и для всѣхъ вообще призвать на помощь то, что добыто философіей.

Мы должны прежде всего не упускать изъ виду того, что всѣ наши понятія о близкомъ и дальнемъ, о большомъ и маломъ, о быстротѣ и медленности, сплоченномъ и невидимомъ—вполнѣ относительны и обусловлены природою нашего организма, и слѣдовательно, въ противоположность реальности вызывающихъ ихъ явленій,—идеальны. Нѣжность и быстрота процессовъ, обусловливающихъ возможность телеграфа, фотографіи и телефона, указываютъ намъ на то, что стоитъ только предположить болѣе нѣжную и чувствительную организацію, чтобы найти, совершенно различныя повидимому, физическія условія; эти послѣднія сами по себѣ конечно вездѣ одинаковы, но организаціи могутъ быть различны. Вообще мы должны привыкнуть къ той мысли,—и особенно на это я смотрю какъ на мой долгъ предъ читателями—что центръ тяжести лежитъ не въ сознаніи, не въ формѣ нашего представленія, но внѣ его, точно такъ же, какъ сущность развитія лежитъ не въ эфемерной формѣ явленія, но въ томъ, что производитъ самое эту форму. Все, что мы называемъ процессами въ природѣ представляетъ на самомъ дѣлѣ лишь искусственно отраженные образы процессовъ, которые въ своей внутренней сущности и дѣйствіи совершенно для насъ непостижимы

и намъ недоступны, потому что мы можемъ приложить къ нимъ лишь масштабъ физическихъ условій, всегда относительныхъ и присущихъ только намъ, т. е. только нашей организаціи.

Но поскольку отраженныя нашимъ сознаніемъ картины природы могутъ говорить намъ, постольку и говорятъ онѣ въ пользу существованія чего-то лежащаго въ основѣ физіологическихъ индивидовъ, которые ни по отношеніи къ своему составу, ни по отношеніи къ функціи— не могутъ быть объяснены одними морфологическими индивидами, одними клѣточками. Біологіи предстоитъ только одинъ выборъ,—или принять такого рода индивидуализмъ, или опереться непосредственно на какой нибудь метафизическій принципъ, на «безсознательное». Я надѣюсь потомъ доказать это неопровержимымъ образомъ.

Такъ существуетъ признаваемый всѣмъ образованнымъ міромъ законъ, доказывающій, что наша познавательная способность всюду наталкивается на такого рода затрудненія; однако въ этомъ законѣ никто не сомнѣвается. Это—законъ тяготѣнія. Если кромѣ разстояній факторами являются еще и массы, то изъ этого слѣдуетъ, что каждый отдѣльный атомъ земли развиваетъ свою притягательную силу вплоть до луны; бо̀льшая масса атомовъ—выражаясь картинно—удлинняетъ не нить притяженія, но увеличиваетъ количество нитей. Что слѣдуетъ изъ этого?

Если мы даже оставимъ совершенно безъ вниманія вытекающій изъ предъидущаго намекъ на идеальность нашихъ представленій о пространствѣ, то во всякомъ случаѣ изъ этого слѣдуетъ только, что каждый атомъ, слѣдовательно каждое атомное соединеніе, по крайней мѣрѣ нѣкоторыми проявленіями своихъ силъ, всюду достигаетъ, и преодолѣваетъ всѣ препятствія. Понять это мы конечно не въ состояніи; тѣмъ не менѣе это фактъ. Въ этихъ вопросахъ даже продолжительное и

методическое мышленіе не можетъ привести къ дѣйствительному пониманію. Мы увидимъ послѣ, что уразумѣніе этихъ вещей равносильно разрушенію иллюзіи нашего сознанія и—что то же—прекращенію нашего извѣстнаго намъ существованія, потому что это послѣднее держится прямо на цѣлости этой иллюзіи, на незнаніи, на непониманіи вещи о себѣ. До какой бы глубины ни дошло впослѣдствіи изслѣдованіе, стекло, чрезъ которое мы смотримъ, всегда останется тѣмъ же самымъ. Другой міръ значитъ то же самое, что другое стекло.

Если мы бросимъ взглядъ на полученные результаты, то мы найдемъ слѣдующее:

Біологія выясняетъ, что высшіе организмы образуются посредствомъ цѣлесообразнаго раздѣленія труда морфологическихъ индивидовъ; но она не говоритъ намъ, съ помощью чего происходитъ цѣлесообразное раздѣленіе труда (внѣшнія вліянія и борьба за существованіе доводятъ только до клѣточной кучки), и поэтому мы имѣемъ право утверждать, что для объясненія предрасположенія не остается ничего другаго кромѣ нѣкотораго великаго принципа («Бога», «Непознаваемаго», «Воли», «Безсознательнаго») или индивидуализма. Этотъ послѣдній можетъ быть понимаемъ различно.

Каковъ защищаемый мною индивидуализмъ въ свѣтѣ біологіи—это предварительно пыталась представить настоящая глава. Организмъ есть проявленіе нѣкоторой величины, которую я называю душою, но которая никоимъ образомъ не находится въ противорѣчіи съ раздѣляемой также и мною теоріею эволюціи; разница заключается только въ томъ, что, по моему, процессъ развитія совершается прежде всего въ способностяхъ души, открываясь конечно съ теченіемъ времени и въ формахъ явленій; отсюда и душа, по моему, не есть нѣчто простое, не есть монада или міровая душа, а

вмѣстѣ съ тѣмъ и мой индивидуализмъ является совершенно относительнымъ. Впрочемъ очертанія его представятся гораздо яснѣе моимъ читателямъ, когда я сопоставлю его съ индивидуализмомъ другихъ философовъ.

До сихъ поръ моя задача состояла въ томъ, чтобы доказать, въ противоположность біологіи, возможность и допустимость того предположенія, что корни индивидуальной органической жизни могутъ лежать глубже, чѣмъ это думаютъ біологи, и что вслѣдствіе этого предположенія выводы біологіи становятся только яснѣе и понятнѣе, отчасти даже только съ принятіемъ его они и становятся возможны.

VI.

Монизмъ Шопенгауэра и Гартмана.

Читатель, можетъ быть, припомнитъ мое замѣчаніе, что индивидуализмъ, каковымъ я его себѣ представляю, гораздо ближе къ монистическимъ системамъ Шопенгауэра и Гартмана и болѣе сродни имъ, чѣмъ самимъ индивидуалистическимъ системамъ, которыя по большей части суть ни что иное, какъ матеріализмъ съ чудесно-одаренными атомами. Различіе между моимъ воззрѣніемъ и воззрѣніемъ вышеупомянутыхъ философовъ коренится въ томъ, что, по моему взгляду, индивидуальная функція неизвѣстной, безсознательной, непознаваемой силы начинается и прекращается не тамъ, гдѣ утверждаютъ оба эти философа.

Артуръ Шопенгауэръ говоритъ самъ (Parerga II, стр. 243), что неизвѣстно, какъ далеко идетъ корень индивидуаціи; это доказываетъ, что и самъ онъ ясно не представлялъ себѣ этого вопроса; а г. Гартманъ нерѣшительно утверждаетъ, что человѣческія явленія должны бы были непосредственно исходить изъ безсознательнаго, и что индивидуальная функція безсознательнаго во всякомъ случаѣ могла бы не раньше начинаться и не долѣе функціонировать, чѣмъ человѣче-

ская жизнь. Вопросъ о томъ, чтò именно можетъбыть скорѣе принято, и есть та задача, которою мы теперь займемся.

Всѣ философы согласны въ томъ, что въ организмахъ проявляется цѣлесообразное дѣйствіе чего-то, чтò, не будучи непремѣнно во внѣ стоящимъ творческимъ началомъ, должно однако выходить изъ предѣловъ нецѣлесообразнаго дѣйствія химическихъ силъ. Но сознательно ли это «нѣчто» или безсознательно, болѣе ли долгою или болѣе короткою индивидуальною функціей оно обладаетъ — это и есть вопросъ, возбуждающій всѣ разногласія во мнѣніяхъ.

Шопенгауэръ основывалъ свои возраженія противъ индивидуализма на такого рода аргументаціи: тамъ, гдѣ нѣтъ пространства и времени, тамъ не можетъ быть и множественности, и такъ какъ пространство и время существуютъ только въ представленіи, то только въ этомъ послѣднемъ слѣдовательно и существуетъ множественность. Воззрѣніе Шопенгауэра, что міръ есть наше представленіе, не можетъ быть никѣмъ оспариваемо; однако ясно, что метафизическая воля как ъ т а к о в а я не можетъ быть объектомъ моего представленія; таковымъ можетъ быть лишь ея проявленіе, и именно объектированная воля; для того, чтобы міръ могъ быть для меня представленіемъ, должна внѣ моего представляющаго аппарата существовать индивидуализированная воля, окружающая меня, подобно внѣшнему міру. Тоже самое должно сказать и о Гартманѣ, который совершенно справедливо полагаетъ центръ тяжести въ безсознательномъ, причемъ однако слѣдуетъ замѣтить, что между моимъ сознательнымъ представленіемъ и «Безсознательнымъ» всегда протискивается міръ явленій и съ нимъ возможность индивидуализма; и именно у Гартмана это тѣмъ легче, что вѣдь онъ является защитникомъ такъ называемаго трансцендентальнаго

реализма и поэтому не поставленъ въ необходимость, подобно Шопенгауэру, отвергать большую продолжительность индивидуальной функціи. Если оживленіе протоплазмы есть волевой актъ, то не видно, отчего бы со смертію видимой формы онъ долженъ былъ прекратиться, а не продолжать образованіе новыхъ органическихъ формъ; нѣтъ необходимости требовать для этого всегда новаго волеваго акта «безсознательнаго». Если и нельзя не признать счастливою мысль, дѣлить міръ на волю и представленіе, то все-таки по отношенію къ волѣ долженъ быть поставленъ вопросъ, лежитъ ли объективація ея единственно и непосредственно въ эфемерной и видимой формѣ организма въ сновидѣніи жизни?

Есть, впрочемъ, и другая причина моего разногласія съ этими системами, представляющая несравненно большую важность. Мой споръ съ біологами и философами, видящими въ организмѣ человѣка лишь мыслящую и ощущающую машину, возникшую изъ себя самой съ помощью химическаго сродства атомовъ бѣлковины, — есть собственно съ моей стороны такой же незаконный образъ дѣйствія, какъ если бы я сталъ держать пари относительно того, что установлено моимъ опытомъ и для меня несомнѣнно. Я могу оправдать этотъ мой противозаконный поступокъ только тѣмъ, если укажу на источникъ моей увѣренности и сдѣлаю это на томъ самомъ мѣстѣ и въ тотъ моментъ, когда я косвеннымъ образомъ обнаружу безсиліе ея конкурренціи съ другими, какъ, напримѣръ, съ Гартманомъ, въ области философіи.

Въ то время, какъ ученые геологи ломаютъ себѣ голову надъ слоевыми отношеніями извѣстнаго мѣста, часто простой рудокопъ можетъ больше знать, чѣмъ они. Такъ существуютъ опыты, не могущіе дать надежнаго вывода относительно сущности органической дѣятель-

ности, но представляющіе извѣстный argumentum ad hominem, извѣстный отрицательный результатъ, тѣмъ, что указываютъ на невозможность основывать органическое развитіе человѣка всецѣло на химическомъ сродствѣ углерода.

Каждый согласится со мною, что въ мозгу человѣка, по старинному выраженію—nihil est in intellectu, quod antea non fuerit in sensu—нельзя найти никакого ощущенія и мысли, кромѣ тѣхъ, которыя съ образованіемъ мозга при помощи опыта и внѣшнихъ чувствъ вошли туда, въ томъ случаѣ однако, если мозгъ есть ничто иное, какъ совокупность клѣточекъ, образовавшихся изъ самихъ себя, съ исключеніемъ всякаго организующаго агента, будь онъ сущностью простою или сложною, физическою или метафизическою, матеріальною или нематеріальною, индивидуальною или безличною. Если бы мы имѣли только одинъ фактъ существованія въ человѣческомъ мозгу ощущенія, которое было или есть совершенно недоступно впечатлѣніямъ внѣшнихъ чувствъ и потому не можетъ имѣть своимъ источникомъ ни эти чувства, ни самое сознаніе, но которое дѣйствительностью своею заявляетъ себя какъ подлинное ощущеніе—тогда имѣли бы мы рѣшительное и неоспоримое доказательство, что наше чувственное воспріятіе составляетъ лишь извѣстный способъ воспріятія нѣкотораго «нѣчто», и что вообще существуетъ нѣчто, обладающее способностью воспріятія и безъ чего мозгъ, по всей вѣроятности, не могъ бы ощущать (тѣмъ болѣе, что безъ этого онъ никогда бы и не образовался). Само собою разумѣется, что все это имѣетъ доказательную силу лишь для человѣческой организаціи; впрочемъ, кто могъ бы отрицать значеніе подобныхъ наблюденій также и по отношенію къ животнымъ.

Эти отъ начала исторіи одними признаваемыя, дру-

гими оспариваемыя явленія, выходящія на свѣтъ подъ различнѣйшими формами, принято обозначать именемъ «галлюцинацій» или «сновъ на яву».

Такіе случаи, хотя и рѣдко, бывали въ дѣйствительности; рѣдкость эта, впрочемъ, не должна вызывать особенное удивленіе, ибо изъ ста тысячъ встрѣтится можетъ быть одна такая собственно несоотвѣтствующая человѣческому назначенію организація (по большей части это больные или умирающіе), которая кромѣ того лишь короткое время испытываетъ такое состояніе. Но какъ онѣ ни рѣдки, онѣ все-таки существуютъ; я, по крайней мѣрѣ, не могу ихъ игнорировать, какъ не игнорировалъ ихъ Шопенгауэръ и даже Кантъ.

Тѣ, которые оспариваютъ ихъ дѣйствительность, пусть лучше этимъ и ограничатся и просто не вѣрятъ въ нихъ; все-таки имъ нужно посовѣтывать воздерживаться и отъ этого, ибо они лишь компрометтируютъ свою науку, считая д ѣ й с т в и т е л ь н о е з а н е в о з м о ж н о е *).

---

*) Тѣ изъ моихъ читателей, которые интересуются этимъ предметомъ, лучше всего, по моему мнѣнію, сдѣлаютъ, если—п о с к о л ь к у э т о к а с а е т с я ф а к т о в ъ—просмотрятъ (хотя бы и критически) «Спорную область» Роберта Дэль-Оуена, потому что онъ передаетъ только имъ самимъ испытанное и притомъ съ возбуждающею довѣріе простотою. Ибо Перти, хотя сочиненія его и представляютъ больше содержанія и систематичнѣе изложены, разсказываетъ не имъ пережитое, а другими, и поэтому даетъ хотя и богатый, но ускользающій отъ критики матеріалъ. Что же касается выводовъ изъ всѣхъ этихъ фактовъ, то въ этомъ отношеніи лучше всего остановиться на „Parerga" Шопенгауэра (über das Geistersehen); при этомъ однако необходимо замѣтить, что Шопенгауэръ несправедливо сводитъ ихъ на идеальность пространства и времени, вмѣсто того чтобы сводить ихъ на относительность нашихъ представленій о времени и пространствѣ. Въ сочиненіи моемъ „Philosophie des gesunden Menschenverstandes" я передалъ то немногое, что испыталъ самъ, точно такъ же какъ въ главѣ объ «анормальныхъ организаціяхъ» я высказалъ и свое мнѣніе о спиритическихъ опы-

Основанная на такого рода опытахъ увѣренность, благодаря которой я могъ бы оставить безъ вниманія многія претензіи естественныхъ наукъ, не ломая себѣ предварительно головы надъ ихъ аргументаціями, не можетъ имѣть того значенія относительно системъ Шопенгауэра и Гартмана, ибо «Безсознательное» и «Воля» не стоятъ въ неразрѣшимомъ противорѣчіи съ этими необыкновенными случаями. Если я такимъ образомъ по достовѣрному свидѣтельству опыта знаю, что біологи во всякомъ случаѣ неправы, то это не можетъ настолько же относиться и къ вышеупомянутымъ философамъ.

Гартманъ, какъ извѣстно, видитъ въ матеріи и сознаніи явленія нѣкоторой третьей сущности, которую, чтобы не подпасть матеріализму или спиритуализму, должно мыслить лишь какъ нематеріальное Безсознательное; это послѣднее лежитъ слѣдовательно и въ основѣ человѣческаго явленія.

Ужъ не говоря о томъ, что при относительности понятій матеріальнаго и нематеріальнаго открывается возможность всевозможнымъ комбинаціямъ и заблужденіямъ, я все-таки постараюсь встать на точку зрѣнія Гартмана, принявъ это единое нематеріальное и безсознательное, какъ метафизическую основу міра. Если бы кто нибудь назвалъ плодъ или цвѣтъ продуктомъ матери-земли, я ничего не могъ бы возразить на это, однако это не мѣшаетъ мнѣ сдѣлать во всякомъ случаѣ такого рода вѣрное замѣчаніе, что мать-земля производитъ вѣдь очень много различныхъ родовъ деревьевъ и растеній и что эти роды состоятъ изъ очень многихъ

тахъ. Я думаю, что указанныхъ трехъ сочиненій достаточно, чтобы поставить читателя на ту объэктивную точку зрѣнія, которой недостаетъ какъ спиритамъ, такъ и привиллегированнымъ носителямъ науки.

индивидовъ, но что тѣмъ не менѣе отдѣльный цвѣтокъ или плодъ есть лишь преходящій продуктъ дерева-индивида, а не возникаетъ непосредственно изъ лона земли.

Точно также я могу себѣ позволить разсматривать лежащее въ основѣ человѣка существо, какъ произведеніе Безсознательнаго, въ которомъ оно объективируется, вступаетъ въ жизнь, въ явленіе или біологическій процессъ; между тѣмъ какъ въ человѣкѣ я могу видѣть лишь мимолетную форму явленія этого существа, вслѣдствіе чего и наше человѣческое сознаніе естественно ниспадаетъ на степень формы сознанія, исчезновеніемъ которой нисколько не обусловливается уничтоженіе индивидуальности и безсознательность существа лежащаго въ основѣ человѣческаго явленія; ибо вовсе нѣтъ необходимости, чтобы все, что превышаетъ простую механическую работу атомовъ, какъ напримѣръ образованіе органической формы, требовало непосредственной дѣятельности великаго міроваго принципа. Гартманъ выражается противъ моего воззрѣнія въ своей новѣйшей публикаціи (Studien und Aufsätze, стр. 647) въ томъ смыслѣ, что «индивидуальность совершенно не отдѣлима отъ организма и слѣдовательно не можетъ существовать ни до рожденія, ни послѣ смерти». Однако это утвержденіе можетъ имѣть свое несомнѣнное значеніе лишь для индивидуальности человѣческаго сознанія, для «я», которое стоитъ въ непреложной связи съ нашею организаціею; разрушеніе этой органической формы не можетъ однако имѣть никакого вліянія на лежащее въ основѣ ея существо, ни по отношенію къ его индивидуальности, ни даже къ его сознательному или безсознательному состоянію.

Гартманъ, по моему мнѣнію, совершенно не правъ когда онъ на слѣдующей страницѣ ставитъ такого рода

альтернативу: «Или существуетъ индивидуальное начало стоящее выше явленія, и тогда монизмъ ложенъ (и долженъ быть замѣненъ плурализмомъ или монадологизмомъ); или же недѣлимость всеединой воли есть истина, и тогда признаніе умопостигаемаго индивидуальнаго характера и трансцендентной свободы его есть очевидное противорѣчіе.

Такое, стоящее выше явленія формы, индивидуальное существо вполнѣ можетъ существовать, нисколько не обличая при этомъ ложности монизма; индивидуальная функція безсознательнаго вовсе не должна возникать съ каждымъ рожденіемъ; вѣдь данъ же намъ въ атомахъ столь долго удерживающійся плурализмъ, и тѣмъ не менѣе монизмъ вовсе не исключается этимъ, какъ ложный. Со смертью разрушается одна форма индивидуальности, а не всякая индивидуальность вообще, ибо понятіе индивидуальности—относительно во всей природѣ, и подобно тому, какъ цвѣтокъ выростаетъ на деревѣ, а не прямо изъ земли, точно также это возможно и съ человѣческой формой явленія.

Гартманъ видитъ въ природѣ четыре ступени развитія: атомовъ—индивидовъ, органическія образованія, способность ощущенія и самосознаніе, и говоритъ, возражая Ремке (стр. 351): «Каждая нисшая ступень была бы безсмысленнымъ фактомъ, если бы она не служила слѣдующей ступени, и безсвязной и неполной идеей, если бы она не заключала въ себѣ предъидущихъ, какъ своихъ идеальныхъ предшественниковъ. Такимъ образомъ эти четыре ступени находятся какъ механически, какъ и телеологически, какъ реально, такъ и идеально, въ такой внутренней связи, что идея одной только и возможна въ своемъ идеальномъ отношеніи ко всѣмъ остальнымъ; такъ какъ дѣйствительности каждой ступени имманентна

ея спеціальная идея, то слѣдовательно ей имманентна косвенно и идея во всей ея цѣлости.»

Однако какимъ образомъ этотъ пессимистъ par excellence, видящій въ четвертой ступени лишь средство отдѣлаться въ свое время отъ жизни и погрузиться въ безсознательное, вдругъ останавливается на этой ступени, а не объясняетъ ее тоже «безсмысленнымъ фактомъ», если она не служитъ какой либо послѣдующей?—Если же ближайшая ступень есть опять таки только прежній исходный пунктъ, именно безсознательное, необъективированный и слѣдовательно невидимо существующій міръ, то я спрашиваю открыто, какой же смыслъ имѣютъ всѣ четыре ступени? Какую пользу принесетъ мнѣ мое путешествіе, если я вернусь домой, совершенно забывъ все, впродолженіи его пережитое?—По Гартману—только ту, что я дамъ возможность другимъ избавиться отъ такого же опыта, и остановить или, по крайней мѣрѣ, сократить ихъ путешествіе. Въ такомъ случаѣ было бы гораздо болѣе смысла, если бы никто и не предпринималъ этого путешествія.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ абсолютной достовѣрности относительно того, можетъ ли міръ имѣть цѣль, или не можетъ; и если даже онъ имѣетъ таковую, то во всякомъ случаѣ она можетъ нисколько не затрогивать нашего существованія. Быть можетъ, со всѣми нашими культурными работами и стремленіями, со всѣми нашими скорбями и надеждами мы должны будемъ погибнуть, нисколько не привлекая за это къ отвѣтственности жестокихъ причинъ нашего бытія; ибо могутъ существовать болѣе высокія цѣли, сравнительно съ которыми мы не играемъ никакой роли, или только второстепенную. Но если наше бытіе дѣйствительно не должно имѣть никакой другой цѣли, кромѣ той жизни, которую мы знаемъ, и если эта жизнь во всѣхъ рели-

гіяхъ и системахъ признается какъ сумма тяжкихъ скорбей и иллюзій, тогда мы съ полнымъ правомъ можемъ поставить вопросъ: на какихъ такихъ принудительныхъ основаніяхъ должны мы предпочитать или даже прямо признавать необходимостью и истиной такое возмущающее нашъ умъ и чувства воззрѣніе?

Органическое усовершенствованіе, еслибъ оно даже не было цѣлью, тѣмъ не менѣе есть факическій результатъ въ мірѣ—по крайней мѣрѣ, на нашей планетѣ. Я ищу этого усовершенствованія не въ одномъ только продуктѣ, подобно Гартману, но и въ томъ, что производитъ его. Если это послѣднее есть непосредственно нѣкоторый метафизическій принципъ, желающій этимъ лишь исправить сдѣланную однажды глупость, тогда прощай усовершенствованіе! Продуктъ обреченъ раньше или позже гибели, и все, что мы творимъ въ интересахъ и для пользы потомства, должно пропасть безусловно.

Если я, напротивъ того, буду искать усовершенствованія въ развитіи производящаго (хотя бы только въ интересахъ его продуктовъ), тогда примиреніе разума и природы становится возможнымъ. Я не считаю здѣсь нужнымъ далѣе развивать то благотворное по своимъ послѣдствіямъ для всего человѣчества и для каждаго отдѣльнаго существа различіе, когда корень индивидуаціи, выходя за предѣлы организма, все-таки не доходитъ непосредственно до метафизическаго принципа, ибо это глубокое различіе, по моему взгляду, слишкомъ бросается въ глаза и не требуетъ особыхъ указаній. Во всякомъ случаѣ оно достаточно для того, чтобы обязать защитниковъ столь печальнаго міросозерцанія доказать возможность и истинность послѣдняго.

Я кажется съ полнымъ правомъ могу утверждать, что какъ Шопенгауэръ, такъ и Гартманъ должны бы были оправдать свой пессимизмъ. Гартманъ сознается (стр. 516

Philosophie des Unbewussten), что это вопросъ открытый; онъ говоритъ: «никто не знаетъ прямо безсознательнаго субъекта своего собственнаго сознанія. Всякій знаетъ его лишь какъ неизвѣстную психическую причину сознанія; на какомъ же основаніи онъ могъ бы утверждать, что извѣстная причина его сознанія—другая, чѣмъ у его ближняго, который въ свою очередь столь же мало знаетъ свою собственную? Однимъ словомъ, непосредственный внутренній или внѣшній опытъ не даютъ намъ никакой точки опоры для рѣшенія этой важной альтернативы, которая поэтому представляетъ вопросъ вполнѣ открытымъ».

Доказательства въ пользу своего воззрѣнія Гартманъ не думаетъ однако приводить, потому де что «въ такихъ случаяхъ вступаетъ въ силу то положеніе, что безъ нужды не должно умножать количества принциповъ, и что при недостаточности непосредственнаго опыта слѣдуетъ держаться простѣйшаго предположенія. Въ виду этого должно безъ сомнѣнія до тѣхъ поръ защищать единство безсознательнаго, пока противники этого простѣйшаго предположенія не приведутъ строгихъ доказательствъ въ пользу своего мнѣнія».

Далѣе потомъ (стр. 521) говорится: «мы принуждены до тѣхъ поръ оставаться при простѣйшемъ предположеніи, пока противники не приведутъ доказательства нетожества; имъ, а не намъ предстоитъ доказывать, потому что они предполагаютъ въ основѣ міра многое, тогда какъ мы—единое».

Это было бы конечно удобно, однако въ данномъ случаѣ одною простотою объясненія отдѣлаться нельзя. Простота могла бы служить опорой противъ того метафизическаго индивидуализма, который относительно каждой монады дѣлаетъ тѣ самыя предположенія, какія Гартманъ дѣлаетъ относительно своего безсознательнаго.

Нѣтъ ничего проще, какъ признать Бога творцемъ и руководитемъ въ жизни и снабдить его всѣми необходимыми для этого качествами; аттрибуты, которые (стр. 363—367, Phil. d. Un.) получаетъ безсознательное—почти тѣ же, что и всемогущество, вездѣсущность, вѣчность и всевѣдѣніе («сверхсознательность») іудейскаго и христіанскаго Бога, и все таки это простое библейское объясненіе отвергается мыслящею частью человѣчества.

Въ нашемъ же специальномъ случаѣ идетъ дѣло вовсе не о тожественности функціонирующаго существа въ организмахъ; эта тожественность можетъ быть легко принята, если даже индивидуальную функцію его полагать глубже.

Гартманъ совершено справедливо замѣчаетъ, что смѣшеніе души съ «я» составляетъ источникъ большинства заблужденій въ обсужденіи этихъ вопросовъ, и сравниваетъ «я» съ радугой. Однако, подобно радугѣ, и сознаніе не есть непосредственная функція безсознательнаго. Если міръ есть сумма дѣйствій безсознательнаго, то «я» есть освѣщеніе очень небольшой части этой суммы, и если уподоблять атомы индивидуумы лучамъ безсознательнаго солнца, которые, соединившись въ пучекъ, образуютъ міръ, то я не могу видѣть упрощенія объясненія тамъ, гдѣ для извѣстнаго сорта соединеній (органическихъ) всегда снова является нужда въ новомъ лучѣ.

Функціи безсознательнаго, какъ ихъ изображаетъ Гартманъ въ первой главѣ своей философіи, могутъ быть очень хорошо перенесены на «душу», и мы можемъ въ шести пунктахъ Гартмана «безсознательное» замѣнить «душою»—такимъ образомъ: 1) Душа образуетъ и сохраняетъ организмъ, возстановляетъ внѣшнія и внутреннія поврежденія, цѣлесообразно направляетъ его движенія и даетъ возможность сознательной волѣ

пользоваться имъ. 2) Душа въ инстинктѣ даетъ каждому существу все, что необходимо для его сохраненія и въ чемъ безсильно его сознательное мышленіе, напримѣръ, человѣку—инстинкты для пониманія чувственныхъ воспріятій, для языка, образованія государства и мн. др. 3) Душа поддерживаетъ родъ съ помощью половаго влеченія и материнской любви, облагораживаетъ ихъ посредствомъ выбора въ половой любви и неуклонно ведетъ человѣческія племена къ цѣли ихъ возможнаго совершенства. 4) Душа руководитъ людьми въ ихъ дѣйствіяхъ часто посредствомъ предчувствій и чувствъ, когда они въ сознательномъ мышленіи не могли бы найти руководства. 5) Душа, чрезъ вдохновеніе, помогаетъ сознате льномупр оцессу мышленія, какъ въ маломъ такъ и въ великомъ, и ведетъ человѣка въ мистикѣ къ предчувствію высшихъ сверхприродныхъ началъ. 6) Она одаряетъ людей чувствомъ прекраснаго и художественнымъ творчествомъ.

Гартманъ цитируетъ слова Вундта: «Наша душа такъ счастливо устроена, что приготовляетъ намъ важнѣйшія основы познаванія, въ то время какъ мы и не подозрѣваемъ работы, съ которою это совершается. Какъ чуждое намъ существо живетъ она, творя для насъ и приготовляя, чтобы по окончаніи одарить насъ зрѣлыми плодами своей дѣятельности». Вундтъ однако не считаетъ душу простою и тѣмъ менѣе тожественною съ безсознательнымъ Гартмана, откуда слѣдуетъ, что вовсе нѣтъ необходимости въ преждевременномъ уничтоженіи индивидуаціи.

При совершенно идеальномъ пониманіи Шопенгауэромъ пространства и времени, какъ principium individuationis, съ его стороны было вполнѣ послѣдовательно отрицать индивидуализмъ внѣ нашего представленія; наоборотъ, Гартманъ выводитъ противъ индивидуализма лишь

простоту своего принципа, оставляя въ сторонѣ доказательства противоположной партіи. Съ своей стороны я не могу признать эту аргументацію Гартмана состоятельной; въ главномъ же сочиненіи его я не нашелъ ничего другаго замѣчательнаго въ этомъ отношеніи; гораздо больше нашелъ я въ этомъ отношеніи въ его сужденіяхъ о Банзенѣ.

Гартманъ нападаетъ на плюрализмъ всеединой воли, выставленный Банзеномъ, и признаетъ лишь плюрализмъ феноменовъ. Но основываясь даже на такомъ воззрѣніи, нельзя заключать, что человѣческое явленіе непосредственно покоится на всеединомъ, уже потому, что во первыхъ мы не можемъ утверждать, что мы знаемъ всѣ феномены, а во вторыхъ, феномены въ свою очередь могутъ вызывать другіе феномены, какъ напримѣръ мы—дѣла наши. Впрочемъ, было бы также несомнѣнно плюрализмомъ воли и то, если бы кромѣ признаннаго плюрализма атомныхъ явленій, еще для каждаго организма было бы необходимо непосредственное проникновеніе луча безсознательнаго.

Мой индивидуализмъ не метафизическій; возможенъ ли, или необходимъ вообще таковой—это еще вопросъ, который предварительно мы оставимъ въ сторонѣ. Я стою на точкѣ относительности понятія объ индивидуальности и оспариваю только то мнѣніе, что индивидуальная функція, откуда бы она ни шла и какого бы рода она ни была, начинается и кончается только съ человѣкомъ. Я согласенъ, что такой индивидуализмъ ведетъ къ душескитанію (это выраженіе нѣсколько неточно, ибо душа не скитается въ тѣлѣ, но создаетъ его; поэтому это гораздо скорѣе есть организующая дѣятельность, палингенезисъ, а не скитаніе); тѣмъ не менѣе я не могу найти тѣхъ трудностей, которыя Гартманъ тутъ видитъ; по крайней мѣрѣ онѣ представляются мнѣ далеко

не такъ непонятны, какъ безцѣльная дѣятельность великаго метафизическаго принципа.

Затрудненій, встрѣчающихся въ индивидуализмѣ Банзена и порождаемыхъ природою характера его, нѣтъ въ моемъ воззрѣніи; по моему, характеръ слагается изъ трехъ факторовъ; они таковы: 1) Матеріалъ, т. е. зародышъ, 2) Организующее существо, т. е. душа (но не простая метафизическая монада); 3) Внѣшнія вліянія, т. е. жизненныя условія. Вслѣдствіе такого пониманія получаютъ достаточный просторъ и явленія наслѣдственности, и неоспоримое вліяніе воспитанія и жизненныхъ отношеній. И. Г. Фихте говоритъ очень справедливо «что особенности характера (человѣка) составляютъ лишь нѣчто внѣшнее и производное для того, чтобы выразить собою дѣйствительныя наклонности человѣка» (слѣдовало сказать—«души»), а по моему воззрѣнію, чтобы реализовать ихъ въ человѣческомъ элементѣ. Для меня поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, когда сынъ стоитъ въ какомъ либо отношеніи гораздо выше или ниже своихъ родителей, или когда благородная натура дойдетъ вдругъ до преступленія, и богатый плутъ тамъ или сямъ явится порядочнымъ человѣкомъ. Человѣческій характеръ несомнѣнно обусловленъ организаціей и до извѣстной степени предопредѣленъ; но уже въ организаціи, въ развитіи зародыша заключается уже нѣкоторая отвѣтственность. Хорошій поваръ сдѣлаетъ при небольшихъ средствахъ лучшее блюдо, чѣмъ плохой при большихъ; но все таки изъ рыбы онъ никакъ не сдѣлаетъ говядины, и форель при всѣхъ обстоятельствахъ останется форелью—съ майонезомъ ли или безъ онаго; потому и яблоко—исключая необыкновенныя обстоятельства—падаетъ недалеко отъ яблони.

Душескитаніе въ его приложеніи къ опыту не представляетъ для меня непобѣдимыхъ трудностей, напро-

тивъ, оно очень многое разрѣшаетъ; ибо развитіе органическихъ формъ отъ амебы до человѣка на извѣстномъ матеріалистическомъ основаніи есть безсмыслица; на непосредственномъ основаніи метафизическаго принципа— не объясненіе, а несомнѣнно гораздо болѣе непонятное и неразрѣшимое предположеніе, чѣмъ допущеніе производящихъ явленія существъ, обладающихъ очень большею продолжительностью индивидуальной функціи и собственно производящихъ послѣдовательный рядъ развитія, вслѣдствіе чего мы—преходящія явленія—становимся ничѣмъ инымъ, какъ средствомъ и цѣлью организующей дѣятельности этихъ существъ. Средства лежатъ въ нашемъ существованіи, цѣль—въ увеличивающемся совершенствѣ организаціи.

Господство, которое въ сложныхъ организмахъ получаютъ одни индивиды надъ другими, останется загадочнымъ даже и тогда, когда мы перенесемъ его на функцію всеединаго (стр. 229). Опытъ учитъ, что это господство есть фактъ. Клѣточка распоряжается атомами; то, что одушевляетъ насъ, господствуетъ надъ клѣточкой, а мы, люди, фактически играемъ роль провидѣнія въ качествѣ садовниковъ, агрономовъ и расплодчиковъ. Ибо все относительно, индивидуальность такъ же, какъ и самостоятельность; я дѣлаю только одинъ шагъ далѣе сравнительно съ Гартманомъ и не ищу преждевременнаго убѣжища въ предустановленной гармоніи или безсознательномъ; лишь въ томъ случаѣ, когда первоначальныя антецеденціи организующаго существа стали бы предметомъ обсужденіи, я долженъ бы былъ спросить себя, не позвать ли ужъ и мнѣ на помощь безсознательное.

Я съ намѣреніемъ дѣлаю удареніе на этомъ «уже», ибо, вѣдь, совершенно неизвѣстно, когда мы дойдемъ до корня индивидуаціи, что̀ впрочемъ вовсе не значитъ,

что этого никогда не будетъ. Человѣческое сознаніе есть иллюзія, въ основѣ которой лежитъ дѣятельность души; въ свою очередь эта дѣятельность тоже относительна, такъ что раньше или позже мы необходимо приходимъ къ монизму; только нѣтъ основаній обрывать развитіе уже на человѣкѣ. Если бы предъ нами находились организаціонныя стадіи ста тысячъ міровыхъ тѣлъ, тогда мы нашли бы скорѣе точку опоры, и такого рода спекуляціи были бы по крайней мѣрѣ извинительны; но мы бѣдныя существа маленькой планетной системы, мы, въ виду милліардовъ видимыхъ и невидимыхъ тѣлъ исполиновъ, не имѣемъ права разсматривать себя какъ высшее произведеніе воли міроваго духа.

Гартманъ не правъ, когда, отвѣчая на подобное же возраженіе, говоритъ, что это послѣднее похоже на утвержденіе, что Лондонъ не можетъ быть духовнымъ центромъ страны вслѣдствіе своего положенія въ юго-восточномъ углу. Величайшее развитіе всегда будетъ имѣть мѣсто тамъ, гдѣ имѣются на лицо благопріятнѣйшія для него условія, и подобно тому, какъ на томъ мѣстѣ, гдѣ величайшая въ странѣ рѣка еще судоходна для самыхъ большихъ кораблей, и къ которому такъ близка Европа, долженъ былъ возникнуть главный городъ страны, такъ и на благопріятнѣйшемъ для развитія міровомъ тѣлѣ должна быть достигнута величайшая степень духовнаго разцвѣта. А что земля, не говоря уже о ея недавнемъ образованіи (сравнительно съ другими міровыми тѣлами), о дурныхъ временахъ года, которыми мы обязаны ея положенію—уже по естественной вѣроятности въ виду милліарда другихъ небесныхъ тѣлъ, изъ которыхъ сверхъ того мы видимъ лишь часть свѣтящихся,—далеко не можетъ отличаться благопріятнѣйшими условіями, съ этимъ навѣрное согласится и Гартманъ.

Существуютъ и другія точки зрѣнія, съ которыхъ

нельзя придавать біологическому процессу такое значеніе, на которое указываютъ Шопенгауэръ и Гартманъ, стремясь къ освобожденію отъ него. Если бы соединить всѣ планеты и солнце вмѣстѣ, то мы не имѣли бы еще шара въ 200,000 миль въ поперечникѣ (прибавка всѣхъ планетъ увеличила бы солнечный діаметръ въ 190,000 миль только на 50 миль), между тѣмъ какъ поперечникъ пространства, занимаемаго нашей солнечной системой, простирается по меньшей мѣрѣ на 4 билліона миль, такъ какъ ближайшая неподвижная звѣзда отстоитъ отъ насъ на $4^1/_2$ билліона. Сравнивая 200,000 миль съ поперечникомъ нашей небесной системы, мы получимъ отношеніе поперениковъ какъ 1 : 20.000,000. Эта разница станетъ еще громаднѣе, если, какъ и слѣдуетъ, возьмемъ кубическое отношеніе, которое представитъ 1 : 10,000 трилліонамъ. Итакъ, что касается изучаемой нами области біологическаго процесса, то сравнительно съ остальнымъ пространствомъ она равняется почти нулю.

По отношенію времени—то же самое, хотя здѣсь и нельзя достигнуть подобной точности цифръ. Первоначальную температуру земли опредѣляютъ по меньшей мѣрѣ въ 55,000° по Цельсію, а на охлажденіе отъ 2,000° до 200° полагаютъ 350 милліоновъ лѣтъ; сколько же времени должно было продолжаться охлажденіе отъ 55,000° до 200° и сколько еще времени длилась борьба падавшей и испарявшейся воды, прежде чѣмъ могъ начаться біологическій процессъ! Какого количества времени потребуетъ охлажденіе солнца! Дю-Прель правъ, когда онъ говоритъ («Kampf um's Dasein am Himmel», стр. 319), что движеніе, а не біологическій моментъ, составляетъ существенный признакъ солнечной системы. Біологическій процессъ, когда говорится о космосѣ, есть точка въ пространствѣ и мгновеніе во времени сравнительно съ необъятными, неизмѣримыми про-

странствами и временами; развитіе же человѣка есть лишь часть біологическаго развитія. Во что же обращается, наконецъ, жизнь единичнаго лица! Въ виду всего этого кажется мнѣ слишкомъ смѣлымъ предположеніе, что извѣстныя намъ стадіи организаціи составляютъ послѣднее звено развитія, а извѣстный намъ біологическій процессъ есть альфа и омега всеединаго міроваго духа или міроваго принципа.

Гартманъ говоритъ (стр. 231): «Безъ непрерывности существованія атомовъ не могло бы быть и рѣчи о постоянствѣ законовъ природы». Къ этимъ справедливымъ словамъ я прибавлю: безъ непрерывности индивидуальной функціи о р г а н и з у ю щ а г о съ трудомъ можно мыслить усовершенствованіе организованнаго и совершенно нельзя—разумную цѣль міра, каковая, однако, болѣе соотвѣтствуетъ величію природы, положительно принуждающей насъ вѣрить скорѣе въ нашу собственную близорукость, чѣмъ въ ея неразумность.

Параллелей между органическою и неорганическою природою вообще проводить нельзя, хотя, къ сожалѣнію, это и дѣлается очень часто; я сказалъ бы, что обѣ онѣ живутъ въ двухъ различныхъ этажахъ. Если «безсознательное» должно представлять собою фундаментъ, на которомъ покоятся первичные индивиды (атомы), если слѣдующій этажъ образуется различными соединеніями этихъ первоначальныхъ индивидовъ, то эфемерныя органическія формы составляютъ еще болѣе возвышенный этажъ, будучи лишь мимолетными видимыми формами соединеній, имѣющихъ большую продолжительность.

Я полагаю, что индивидуализмъ, переходящій за предѣлы органическихъ формъ, несравненно лучше согласуется съ идеей универсальнаго развитія, утверждаемаго Гартманомъ, чѣмъ ограниченіе индивидуальной функціи

сферой нашихъ органическихъ образованій. Онъ говоритъ (стр. 233): «Такъ жизнь клѣточки есть членъ въ развитіи органа, а это послѣднее есть частный рядъ развитія (можетъ быть лишь ограниченная во времени фаза) въ жизни организма, жизнь человѣка—часть жизни націи, эта послѣдняя — часть жизни расы, а эта таковая же часть въ культурномъ развитіи всего человѣчества. Такимъ образомъ далѣе низшие виды и разновидности являются членами въ племенномъ развитіи высшихъ, жизнь растительнаго царства и жизнь животнаго—взаимно другъ друга восполняющія и обусловливающія части прогрессирующей организаціи земли въ цѣломъ, а виды и разновидности органической природы — взаимно переплетающіяся колеса того всецѣлаго естественнаго развитія, которое, въ свою очередь, составляетъ моментъ универсальнаго развитія, какъ скоро оно разсматривается какъ условіе и средство для развитія духа».

«Слѣдуетъ ли ограничивать этотъ взглядъ сферою индивидуальнаго развитія нашей планеты? Развѣ невозможно, чтобы наша духовная жизнь на землѣ входила оплодотворяющимъ элементомъ въ развитіе нѣкоторой высшей космической индивидуальности и т. д.? Развѣ обломки нашей расколовшейся отъ холода земли не могутъ принести будущимъ обитателямъ другихъ планетъ вѣсть о нашей собственной культурѣ, какъ теперь открываютъ намъ глиняныя дощечки съ неизвѣстными письменами на неизвѣстныхъ языкахъ поэзію и исторію давно погибшихъ культуръ? Развѣ не можетъ быть предопредѣлено солнцу поглотить культуру всѣхъ планетъ своихъ въ ходѣ развитія его будущихъ обитателей, какъ ему опредѣлено физически поглотить въ себѣ массы его планетъ? И развѣ не могутъ наши земные и солнечные потомки съ ихъ братьями устроить когда

нибудь на неподвижныхъ звѣздахъ спектроскопическій телеграфъ, который сдѣлаетъ возможнымъ обмѣнъ духовными богатствами между различными планетными системами. Конечно все это фантастическія мечты безъ всякаго твердаго базиса, однако онѣ стоятъ по крайней мѣрѣ на почвѣ естественной дѣйствительности и не сбиваются подобно выводамъ Банзенскаго индивидуализма въ область совершенной мистики. Онѣ должны лишь показать, что и въ духовномъ отношеніи есть много возможностей полагать теллурическую культуру членомъ высшаго космическаго развитія, и что насъ не долженъ ужасать тотъ достовѣрный выводъ, что и земля когда нибудь оледенѣетъ, если міровой процессъ раньше не дойдетъ до своего окончанія».

Но какъ можемъ мы считать себя звеномъ универсальнаго развитія безъ большой продолжительности индивидуальной функціи? Конечно, для этого не нужно придерживаться исключительно индивидуализма Банзена. Вѣдь не останется нѣмаго свидѣтеля нашихъ культурныхъ работъ, даже и въ формѣ «глиняной дощечки», когда низверженіе обратитъ въ одинъ пожаръ два міровыя тѣла, и желѣзо приметъ форму пара; и если даже мы раньше распадемся и en detail прилѣпимся къ солнцу, что тогда останется отъ насъ? Что приносятъ намъ метеоры?—Всѣ астрономы навѣрное держатся того мнѣнія, что будущіе обитатели солнца не только не могутъ быть нашими физическими потомками, но ничего не унаслѣдуютъ отъ насъ ни въ духовномъ, ни въ физическомъ отношеніи, и все бѣдствіе, свидѣтелемъ котораго является наша планета, было бы излишне въ томъ случаѣ, если бы «безсознательное» чрезъ избавленіе человѣчества возвратилось, по Гартману, лишь въ свое status quo ante, безъ всякой гарантіи, что эта сердце-разрывающая эволюція не начнется снова.

Дѣло принимаетъ совершенно другой оборотъ, если развитіе перенести на душу, а не искать его единственно въ явленіяхъ, которыя вѣдь и принимаютъ въ развитіи только второстепенное участіе.

Такъ какъ я рѣшительно признаю относительность понятія индивидуальности, то никогда не стану колебаться въ признаніи объективнаго міроваго разума за нѣчто всеобщее, что «принадлежитъ существу каждаго индивидуума» (стр. 249), но именно потому, что понятіе индивидуальности относительно, я и утверждаю, что человѣкъ вовсе не есть этотъ «индивидуумъ», а лишь извѣстная форма его проявленія.

Я не сомнѣваюсь, что читатель, познакомившись въ сочиненіяхъ Гартмана съ возраженіями противъ индивидуализма, получитъ убѣжденіе, что защищаемый мною индивидуализмъ нисколько не можетъ быть поколебленъ нападками Гартмана на Банзена, и слѣдовательно можетъ существовать съ полнымъ правомъ, и что распространеніе индивидуаціи за предѣлы явленія должно быть необходимо принято въ томъ случаѣ, если мы желаемъ по крайней мѣрѣ приблизительно понять развитіе, усовершенствованіе и цѣль міра.

Реализація непознаваемой естественной воли въ области чувственнаго міра съ цѣлью безконечнаго совершенствованія—понятна и легко можетъ быть принята; что она должна совершиться такимъ путемъ, который уродуетъ развитіе, какъ это необходимо слѣдуетъ изъ преждевременнаго уничтоженія индивидуаціи,—это уже невѣроятно; но что человѣческое явленіе должно быть непосредственнымъ и послѣднимъ продуктомъ всеединаго, и что страданіями природныхъ существъ должно быть куплено спокойствіе всеединаго—это и непонятно и недопустипо. Шопенгауэръ вслѣдствіе своего идеалистическаго направленія долженъ былъ прійти къ такому

пессимистическому возрѣнію, но Гартманъ, представитель трансцендентальнаго реализма, могъ бы безъ вреда для существенныхъ основъ своей философіи принять такого рода индивидуализмъ, который примиряетъ человѣка съ природой и даетъ ему возможность отдаться съ полныхъ самоотверженіемъ задачѣ своего и чужого развитія. Мы еще возвратимся къ правамъ оптимизма, необходимо увеличивающимся съ принятіемъ моего индивидуализма, вслѣдствіе чего еще яснѣе обрисуется, насколько мое воззрѣніе противоположно Гартмановскому и насколько легче оно можетъ быть принято.

Впрочемъ изъ его новѣйшихъ изданій я вижу какъ близко мое воззрѣніе къ его собственному. Въ примѣчаніяхъ ко второму изданію своего сочиненія «Das Unbewusste vom Standpunkte der Physiologie und Descendenztheorie» Гартманъ говоритъ (стр. 290): «Нигдѣ въ природѣ отвлеченное бытіе не составляетъ предмета конкурренціи, но всегда лишь опредѣленное свойство этого бытія, т. е. бытіе въ извѣстной формѣ или на опредѣленной ступени индивидуаціи». Опредѣляя это ближе, Гартманъ оканчиваетъ примѣчаніе такими словами: «И такъ мы далеки отъ того, чтобы утверждать, что бытіе есть основа и цѣль развитія, скорѣе борьба за существованіе есть лишь телеологическое средство для борьбы духа съ цѣлью преодолѣнія бытія». Отсюда только начинается разногласіе.

Какое бытіе должно быть преодолѣно? Думаетъ ли Гартманъ, что—абстрактное всеобщее бытіе; тогда намъ представятся два большія затрудненія: во первыхъ, возможно ли это вообще, и во вторыхъ, мыслимо ли это со стадіи человѣческой индивидуаціи. Въ отношеніи къ первому вопросу у насъ нѣтъ точки опоры, по отношенію ко второму—все говоритъ противное. Все-таки это различіе во мнѣніяхъ не мѣшаетъ мнѣ принять всю

аргументацію Гартмана; въ борьбѣ же за существованіе видѣть «лишь телеологическое средство для борьбы духа съ цѣлью преодолѣнія *человѣческаго* бытія». Другое, лучше организованное бытіе, какъ внѣ, такъ и внутри человѣческой формы бытія, не представляетъ невозможности. А разъ тутъ нѣтъ невозможности, то что же принуждаетъ меня тогда обрывать нить прежде, чѣмъ она приведетъ меня къ разумной цѣли? Отчего долженъ я отрицать у понятія индивидуальной жизни теллурическое продолженіе, когда я не въ состояніи даже оспаривать возможность космическего?

Я не могу найти основаній для признанія въ мірѣ столь ужасающей безцѣльности, ибо существованіе, не имѣющее другой цѣли, кромѣ того, чтобы страшною борьбою въ развитіи отдѣлаться отъ существованія, тѣмъ самымъ не имѣетъ цѣли, такъ какъ самое начало его уже лишено цѣли.—Я полагаю, что разумный индивидуализмъ могъ бы съ большимъ правомъ потребовать доказательствъ этому отъ своего противника.

VII.

Индивидуалистическія системы.

Самый вѣрный путь, которымъ испытывается достоинство данныго міросозерцанія, состоитъ безъ всякаго сомнѣнія въ сравненіи его съ дѣйствительностью, т. е. опытомъ, ибо этимъ выясняется, на сколько найденный ключъ пригоденъ къ раскрытію окружающей насъ загадки.

Но между предметами природнаго міра человѣкъ представляетъ такого рода объектъ, который открываетъ нашему обсужденію сторону, неоткрывающуюся у другихъ предметовъ; это его внутренній міръ, доступный такъ называемому внутреннему опыту. Мы можемъ наблюдать и разлагать человѣка, какъ всякое другое тѣло, но о внутреннихъ явленіяхъ въ глубинѣ другаго существа мы не можемъ произнести никакого сужденія; мы руководствуемся тутъ въ качествѣ масштаба нашими собственными ощущеніями. Отсюда очевидно, что, особенно въ разборѣ индивидуалистическихъ системъ, ихъ отношеніе къ человѣку есть лучшій пробный камень, которымъ мы предпочтительно и будемъ пользоваться.

При разборѣ выводовъ біологіи мы оставили открытымъ вопросъ о томъ, достаточно-ли для происхожденія той неизвѣстной величины (души, *xy*), которая вызываетъ органическую жизнь, извѣстное вещественное со-

единіе; въ дальнѣйшемъ же ходѣ нашихъ разсужденій мы пришли къ тому, что лишь при предположеніи непрерывности существованія этого *xy* возможно вообще развитіе бѣлковаго тѣла въ многоклѣточный физіологическій индивидъ.

Точно также мы не настаивали на необходимости исключенія «безсознательнаго» или «воли» изъ этой величины, но при всемъ томъ нашли, что ограниченіе индивидуальной функціи предѣлами существующихъ природныхъ организмовъ, и признаніе всеединаго міроваго принципа выражающимся только въ теперешнихъ явленіяхъ (каковыми мы ихъ знаемъ) не имѣютъ за собою никакого оправданія и вообще едва ли могутъ быть приняты.

Въ подобномъ же положеніи находимся мы относительно индивидуалистическихъ системъ. Здѣсь у насъ также нѣтъ основаній къ исключенію изъ этой величины особаго индивидуальнаго фактора, хотя онъ и не необходимъ; въ этомъ смыслѣ ложность существующихъ индивидуалистическихъ ученій въ ихъ конечныхъ выводахъ и ихъ отношеніи къ природѣ обнаружится для насъ съ совершенною очевидностью.

Такъ какъ мы намѣрены заняться лишь современною философіею, то индивидуализмъ Лейбница естественно лежитъ внѣ предѣловъ нашей задачи; впрочемъ мы можемъ, не выступая изъ нашей программы, посвятить нѣсколько словъ и его философіи, и это тѣмъ болѣе, что сравнительно съ ученіемъ Лейбница современный индивидуализмъ является чуть ли не шагомъ назадъ, чего однако быть не должно бы.

Лейбницъ исходитъ изъ той точки зрѣнія, что во всей природѣ должны существовать простыя субстанціи, потому что безъ нихъ не могло бы быть сложныхъ субстанцій. Съ этимъ безъ сомнѣнія можно согласиться, но отсюда однако нельзя выводить, что вслѣдствіе этого и

дѣятельности свойственныя однимъ сложнымъ тѣламъ должны быть произведеніемъ простой субстанціи. На вопросъ—какъ изъ простаго можетъ образоваться сложное, напримѣръ органическое тѣло,—отвѣтъ «посредствомъ простаго» столь же мало убѣдителенъ, какъ и отвѣтъ: посредствомъ «безсознательнаго» или «углерода».

Лейбницъ разъясняетъ (въ Nouv. ess. II, chap. I) относительно человѣческой души, что она всегда мыслитъ, и совершенно вѣрно замѣчаетъ, что мы не всегда сознательно представляемъ, что однако должно было бы привести его къ тому, что наше сознательное представленіе есть нѣчто совершенно другое, чѣмъ мышленіе души.

Наше представленіе и все наше сознаніе есть лишь рефлексъ мозговыхъ процессовъ, который хотя и можетъ стоять въ связи съ душевною дѣятельностью, но не можетъ быть мышленіемъ души нашей вообще; то, что мы называемъ сознательнымъ представленіемъ, могло бы быть въ крайнемъ случаѣ мыслимо какъ подобная сновидѣнію модификація мышленія души.

Лейбницъ непремѣнно хочетъ сохранить простоту души: «она не имѣетъ оконъ, она не воскъ, она не матеріальна» (Nouv. ess., тамъ же). Въ его глазахъ это важно конечно для того, чтобы обезпечить вѣчность ея существованія. Однако, въ предѣлахъ человѣческаго явленія организмъ представляетъ именно такое «окно» души, въ которое и изъ котораго она смотритъ; наоборотъ, внѣ организма душа, какова она по Лейбницу, можетъ или совсѣмъ не имѣть окна, или имѣть другое. Если она совсѣмъ его не имѣетъ, тогда понятіе мышленія, представленія, сознанія, усовершенствованія и т. д. не имѣютъ къ ней никакого отношенія, никакого смысла; если же наоборотъ существуетъ нѣчто, ему подобное или аналогичное, тогда опять является затрудненіе со сто-

роны простоты и безтѣлесности, потому что съ этими понятіями все это примирено быть не можетъ. Представленіе или мышленіе безъ нѣкотораго органа или мозга точно такъ же, какъ усовершенствованіе простаго существа—для насъ непонятныя вещи.

Совершенно другой видъ принимаетъ дѣло, если разсматривать функціи человѣческой организаціи, какъ опредѣленную форму функціи не простой души, и искать постепеннаго усовершенствованія въ организаціи самой души; а это необходимо повлечетъ за собою прохожденіе этой индивидуальной функціи черезъ многія органическія формы, и излишность спеціальной монады обнаружится сама собою.

Границы, полагаемыя Лейбницемъ между человѣкомъ и животною монадою въ томъ, что душа животнаго не можетъ отъ ощущеній дойти до знанія (не говоря уже о томъ, что разницу можно искать единственно въ организаціи), не могутъ быть обозначены такъ просто и рѣзко. Существуютъ столь высоко-развитыя животныя, у которыхъ не легко отрицать нѣкоторый родъ знанія, далеко выходящаго изъ предѣловъ простаго ощущенія; и существуютъ столь мало развитые люди, что о знаніи у нихъ едва ли можетъ быть и рѣчь.

Познавательная способность человѣка во всякомъ случаѣ есть плодъ организаціи, и потому совершенно безразлично, участвуетъ ли въ созиданіи этой способности нѣкоторое неизвѣстное или нѣтъ; поэтому-то и человѣческое мышленіе прекращается съ уничтоженіемъ человѣческой организаціи. Отъ того вовсе нѣтъ никакой нужды въ различеніи человѣческой души отъ животной для объясненія фактической разницы между человѣкомъ и животнымъ—разницы, которая во всякомъ случаѣ можетъ заключаться только въ степени; послѣднее впрочемъ нельзя утверждать съ рѣшительностью, потому что мы не

можемъ ни у одного изъ болѣе умныхъ животныхъ въ историческомъ времени отмѣтить прогрессъ, рѣшающій этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ. Всѣ наши домашнія животныя до сихъ поръ стоятъ на прежней ступени развитія, и можно съ полнымъ правомъ поставить вопросъ: если нашимъ предкамъ удалось преобразоваться изъ животнаго, то почему же еще ни разу не находили у животныхъ какого-либо намека на существованіе у нихъ этой склонности? Конечно можно опять отдѣлаться указаніемъ на краткость времени, оттого-то этотъ вопросъ и есть открытый и нерѣшенный.

Лейбница конечно нельзя считать отвѣтственнымъ за то, что происхожденіе и природа его монадъ до сихъ поръ остаются темнымъ и неразъясненнымъ пунктомъ, ибо ко всѣмъ мы должны относится одинаково! Но на что можно было бы потребовать у него разъясненія, такъ это на нѣкоторые другіе вопросы, именно на тѣ, которые касаются дѣятельности его монадъ; напримѣръ, совершается ли ихъ воплощеніе только одинъ разъ, возможенъ ли переходъ отъ низшаго къ высшему и т. д., объ этомъ Лейбницъ говоритъ не ясно. Относительно человѣческой монады онъ, правда, предполагаетъ, что со смертью человѣка она можетъ перейти въ генія (ближайшая ступень), но это въ сущности противорѣчитъ данному имъ понятію монады. Индивидуализмъ Лейбница слишкомъ ясно обнаруживаетъ стремленіе съ одной стороны приноровиться къ тогдашнимъ возрѣніямъ на Бога, человѣка и т. д., съ другой—къ доказанному сочетанію всего существующаго изъ атомовъ; обратимся поэтому къ современнымъ индивидуалистическимъ системамъ, которыя не находятся болѣе подъ давленіемъ теоріи о Богѣ и безсмертіи, но наоборотъ должны поднимать знамя атеизма, матеріализма и пессимизма, чтобы вообще обратить на себя какое либо вниманіе. Тотъ же, кто рѣшается

потрясти хоть бы одинъ изъ этихъ столбовъ современнаго міросозерцанія, осуждается безъ выслушиванія.

I.

Іоганнъ Гербартъ и Максимилліанъ Дроссбахъ.

Гербартъ представляетъ себѣ весь міръ составленнымъ изъ простыхъ реальныхъ существъ; къ числу ихъ онъ причисляетъ и душу, относительно которой предполагаетъ, что она проста, не состоитъ изъ частей и вообще «безъ какой либо множественности въ своемъ качествѣ». Она ни находится «гдѣ либо», ни существуетъ «когда либо», она не имѣетъ «склонностей и способностей ни воспринимать что либо, ни производить» (а слѣдовательно также и организма?). «Она не имѣетъ первоначально ни представленій, ни чувствъ, ни влеченій; она не знаетъ ничего ни о себѣ самой, ни о другихъ вещахъ; въ ней нѣтъ формъ воспріятія и мышленія, законовъ воли и дѣятельности, ни даже отдаленныхъ намековъ на все это (Lehrsätze aus Metaphysik und Naturphilosophie, §§ 150—153, томъ V Гартенштейновскаго изданія «Schriften zur Psychologie»).

Хотя самъ Гербартъ говоритъ, что простая сущность души совершенно неизвѣстна и навсегда останется таковою, и что она не можетъ быть предметомъ ни умозрительной, ни эмпирической психологіи, — и хотя далѣе онъ очень опредѣленно утверждаетъ, что душа не есть tabula rasa, открытая для всякихъ чуждыхъ ей впечатлѣній, но онъ все-таки признаетъ связь между простыми существами, сравниваемую имъ съ взаимными давленіями, изъ которыхъ возникаютъ самосохраненія, каковыя самосохраненія души въ свою очередь должны перейти въ представленія.

Еслибы это было такъ, тогда должно бы это простое реальное существо, душа, искони находящееся во взаимоотношенiи съ другими реальными существами, реагировать на ихъ дѣйствiя, и черезъ такiя самосохраненiя получать представленiя. Примемъ къ свѣдѣнiю это, чтобы перейти къ 18 главѣ его энциклопедiи, въ которой индивидуалистическое воззрѣнiе Гербарта, насколько оно входитъ въ наше разсмотрѣнiе, получило самое ясное свое выраженiе.

Глава начинается слѣдующими словами: «Идеализму присуще, вмѣсто души, говорить о «я», какъ будто-бы въ немъ познается истинная природа нашего духа. Это совершенно ложно. Сумасшедшiй, принимающiй себя за короля, или прямо за Бога, доказываетъ достаточно ясно, что на «я» нельзя смотрѣть, какъ на нѣчто устойчивое и менѣе всего какъ на реальное. И здоровый человѣкъ, теряя разсудительность, находится внѣ себя; это значитъ внѣ своего «я». Еслибы люди хорошенько поразмыслили, что собственно значитъ ихъ «я», то они замѣтили бы, что его значенiе слишкомъ разнообразно и неустойчиво, чтобы его можно было считать постояннымъ субстратомъ духовнаго бытiя... Душа же есть нѣчто постоянное и неизмѣнно-остающееся, есть основа человѣка какъ здороваго, такъ и сумасшедшаго и выздоравливающаго. Съ тѣлесною массою рукъ и ногъ, которую можно ампутировать,—крови, которую можно выпустить изъ жилъ и снова прiобрѣсти съ постепеннымъ питанiемъ, со всѣмъ этимъ, что приходитъ и уходитъ, нельзя отождествлять душу, которая постоянна; она совершенно отлична отъ всего этого, точно такъ же отлична, какъ отъ волосъ, которыя мы отрѣзываемъ, и отъ зубовъ, которые мы выдергиваемъ, нисколько тѣмъ не касаясь нашей личности».

Гербартъ отрицаетъ у души, что она представляетъ

собою «жизнь»: она есть лишь «мѣсто и основа» ея, но не сама по себѣ, а лишь при «данныхъ условіяхъ». Приписывая душу также и животнымъ и предостерегая отъ смѣшенія «души» и «я», онъ говоритъ: «душа животныхъ существуетъ также необходимо, такъ-же самостоятельно, какъ и душа людей, еще болѣе—съ тою же психическою необходимостью, какъ и у человѣка, въ каждой животной душѣ остаются представленія, если только это также не есть дѣло божественнаго вмѣшательства, цѣль котораго никто не возьметъ на себя объяснить. Ибо сами собою внутреннія состоянія какихъ бы то ни было существъ прекратиться не могутъ».

Но если душа есть реальное существо, а не продуктъ организаціи, тогда состояніе ея до привходящихъ условій, до организаціи, могло бы быть или со способностью представленія или безъ нея. Если это состояніе лишено представленій и если именно привходящія условія—и между ними конечно организація—дѣлаютъ возможной функцію представленія, въ такомъ случаѣ какъ можетъ быть сохранена непрерывность этихъ представленій, когда организація уничтожена? Какъ былъ бы возможенъ тотъ фактъ, что разстройство нашихъ органовъ достаточно сильно для того, чтобы совершенно или отчасти обезсилить нашу представительную способность?

Наоборотъ, если состояніе души до извѣстной намъ организаціи не лишено представленій, то опять таки въ виду того, что мы ничего не знаемъ объ этомъ состояніи, непрерывность нашихъ представленій является немыслимой. Здѣсь возможна лишь непрерывность прежняго состоянія, хотя бы и нѣсколько модифицированнаго. Наше человѣческое бытіе не можетъ быть разсматриваемо, какъ внутреннее состояніе, но только какъ состояніе связи души и тѣла, которое (состояніе) такъ относится къ внутреннему состоянію души, какъ сновидѣніе къ дѣйствитель-

ности, театральная сцена къ настоящему міру, сознательное дѣйствіе къ опьяненію отъ опіума. Гербартъ дѣлаетъ здѣсь ту же самую ошибку, которую онъ видитъ у другихъ, именно ошибку смѣшенія души съ «я». Онъ держится того мнѣнія, «что именно эти внутреннія состоянія всякаго болѣе развитаго существа даютъ ему возможность навсегда избавиться отъ тѣхъ несоотвѣтствующихъ соединеній, отъ которыхъ онъ желалъ быть свободнымъ по смерти своего тѣла, и сохранить себѣ чисто духовное бытіе, если только что нибудь болѣе высокое и нашему умозрѣнію недоступное не рѣшено и не предопредѣлено для этого. Оттого-то человѣческая душа безъ сомнѣнія остережется отъ перехода въ животное или растеніе; она не соотвѣтствуетъ даже тѣлу ребенка — она, которая уже раньше достигла болѣе высокой стадіи духовнаго состоянія. Въ загробную область душа человѣческая уноситъ свое развитое «я», душа животнаго— свои неразвитыя представленія».

Еслибы реальныя существа Гербарта имѣли власть освободиться отъ несоотвѣтствующихъ соединеній, тогда развитіе человѣческаго зародыша съ помощью такого реальнаго существа было бы уже непонятно; если же это развитіе есть актъ принудительной и телеологической необходимости, то что станетъ тогда поддерживать возобновленіе этихъ соединеній? Конечно, едвали кто будетъ утверждать, что человѣческая душа можетъ «переселиться» въ слона или въ липовое дерево; но какимъ вообще метаморфозамъ она можетъ, хочетъ или должна подвергнуться съ цѣлью развитія, этого мы тоже не знаемъ; опытъ говоритъ лишь намъ, что въ человѣческомъ явленіи обнаруживаются какъ самыя возвышенныя, такъ и самыя низменныя наклонности и что между людьми существуютъ какъ ангелы, такъ и злодѣи и глупцы, и все это при условіяхъ, которыя, кажется,

вовсе не приспособлены къ произведенію подобнаго рода крайностей. Это громадное различіе указывало бы на таковую же разнородность реальныхъ существъ, которая опять таки мыслима лишь съ помощью нѣкотораго процесса развитія.

Взглядъ, что люди и животныя уносятъ съ собою по смерти—первые свое развитое «я», а вторыя свои неразвитыя представленія, этотъ взглядъ едвали даже стоитъ опроверженія, такъ что никоимъ образомъ нельзя удивляться, что Фохту, Бюхнеру и т. д. столь дешево обходится побѣда надъ ихъ противниками. «Я» человѣческаго сознанія есть лишь вызванный организмомъ фантомъ, точно такъ же какъ и всѣ представленія; съ уничтоженіемъ организма всѣ разнообразнѣйшія соединенія и состоянія могутъ пожалуй и остаться; лишь одно навѣрно не останется, это «я» сознанія со всѣми его представленіями, «я», которое могло-бы быть замѣнено лишь совершенно другимъ «я» съ очень измѣненными представленіями.

Гербартъ дѣлаетъ вслѣдствіе этого непослѣдовательность, въ которой не погрѣшаютъ доселѣ упомянутыя воззрѣнія, ни даже преемникъ его Дроссбахъ. Матеріалистъ полагаетъ прежде и послѣ организаціи — ничто; онъ ограничивается веществомъ или атомами съ ихъ физическими качествами; Гартманъ непосредственно полагаетъ свое «безсознательное»; Шопенгауеръ свою «волю» до и послѣ человѣка. Когда же мы имѣемъ дѣло съ индивидуальнымъ реальнымъ существомъ какого бы то ни было рода, то оно должно быть до и послѣ извѣстной намъ организаціи или безсознательнымъ, какъ предполагаетъ Дроссбахъ, или сознательнымъ. По моему воззрѣнію, непрерывность сознанія могла бы быть почти таковою же, какъ это бываетъ у насъ при пробужденіи послѣ проведенной въ сновидѣніяхъ ночи;

но безъ сомнѣнія это было бы невозможно при предположеніи не имѣющей оконъ монады. Мое же воззрѣніе возможно, видимъ ли мы перваначально въ душѣ (въ *xy*) одну вещественную комбинацію, или дѣятельность нѣкотораго принципа (X), или монады (x).

Но во всякомъ случаѣ невозможно то, что предполагаетъ Гербартъ, это безсознательное состояніе раньше организаціи (вопреки взаимоотношенію и самосохраненію относительно другихъ реальныхъ существъ), и непрерывность нашихъ представленій послѣ нея. Мы поэтому сдѣлаемъ лучше, если прямо перейдемъ къ его послѣдователю, представляющему по крайней мѣрѣ въ этомъ пунктѣ исправленное изданіе этой системы.

Дроссбахъ представляетъ себѣ міръ какъ совокупность единичныхъ существъ, которыхъ онъ называетъ «самообразующими свои образованія».

Онъ говоритъ (Harmonie der Ergebnisse der Naturforschung, стр. 101): «Если земля притягиваетъ и держитъ на себѣ окружающія ее и находящіяся на поверхности ея вещи, то она дѣлаетъ это своею собственною силой, а не силою внѣ ея лежащаго существа. Если цвѣтокъ растетъ и цвѣтетъ, это такъ же происходитъ его собственною силой, точнѣе силою его собственныхъ атомовъ, а не силою внѣ его лежащаго высшаго существа; впрочемъ при этомъ вовсе нѣтъ необходимости отрицать тотъ фактъ, что множество внѣшнихъ силъ и даже дѣйствіе центральнаго существа производятъ на нихъ извѣстное вліяніе. Когда, наконецъ, образуется сложный человѣческій организмъ, когда центральное существо въ немъ, доселѣ лишенное сознанія, начинаетъ сознавать фактъ своего существованія, то и это совершается въ немъ его же собственною силою, которая создаетъ организмъ, чтобы съ помощью его достичь самосознанія; и это не смотря на то, что неисчислимое количество другихъ су-

ществъ воздѣйствуетъ и должно воздѣйствовать на него, чтобы образованіе могло возникнуть и соотвѣтствовать высшей цѣли природы».

Дроссбахъ разсматриваетъ человѣка какъ произведеніе дѣйствующаго существа. Онъ говоритъ (Harm. d. E. d. N. стр. 111): «Разсматривая человѣка, мы не находимъ въ немъ существованія многихъ самосознаній, но въ каждомъ человѣческомъ образованіи мы находимъ лишь одно «я», слѣдовательно лишь одну развившуюся до самосознанія силу, какъ мы нашли въ немъ лишь одну силу образующую и организующую; мы находимъ обѣ силы господствующими въ организаціи, обѣ исходящими изъ одного пункта и дѣйствующими для одной цѣли, обѣ какъ силы дѣйствующаго существа, къ которому относимъ всѣ органы тѣла, и которое составляетъ средоточный пунктъ, душу человѣка. Оттого существуетъ въ одномъ организмѣ только одно существо, стремящееся къ возможно-большему развитію своихъ силъ, а не многія». Его ученіе основывается на фактѣ существованія множественности основныхъ элементовъ—атомовъ, которые представляются ему не лишенными пространства и силы частицами матеріи, но живыми существами, возбуждающими представленія и необходимо заключающими въ себѣ все то, что видимъ мы въ природныхъ образованіяхъ. Такъ какъ душа, по его воззрѣнію, есть атомъ, то она развиваетъ физическія качества, и такъ какъ, наоборотъ, атомъ есть душа, то онъ развиваетъ духовныя силы.

Изъ множества единичныхъ существъ, образующихъ организмъ, одно, получивъ господство, достигаетъ, по Дроссбаху, съ помощью другихъ сознанія, чтобы снова потерять его до тѣхъ поръ, пока оно снова не пробудится въ немъ чрезъ его вступленіе въ жизнь при содѣйствіи высшаго существа. (Genesis des Bewusstseins,

ст. 182). Это воззрѣніе Дроссбаха не выдерживаетъ критики.

Безъ сомнѣнія все, существующее въ организмѣ какъ цѣлое, напримѣръ сознаніе, и ненарушимо сохраняющее свое единство, не можетъ и уничтожиться; но если «я», которое стремится спасти Дроссбахъ, есть результатъ соединеній отдѣльныхъ существъ, то оно должно исчезнуть съ уничтоженіемъ этихъ соединеній. Разъ эти соединенія производятся лишь совокупною дѣятельностью атомовъ или дѣйствующихъ существъ, именно тогда-то ничего и не останется; напротивъ, разъ существуетъ нѣчто, объединяющее отдѣльныя существа или данныя ихъ соединенія, тогда останется само объединяющее начало, а никакъ не «я» и его сознаніе. Изъ этого лабиринта нельзя выйти иначе, какъ при взглядѣ на организацію, какъ на средство, которымъ «нѣчто» пріобрѣтаетъ способность къ созерцанію окружающаго подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія и къ развитію качественно-опредѣленнаго сознанія.

Дроссбахъ говоритъ (Harm. d. E. d, N., стр. 205): «Реальность сознательныхъ существъ есть фактъ столь же неопровержимый, какъ и тотъ, что есть существа съ физическими и химическими качествами. Какъ у атома не можетъ быть отнята его химическая сила, у атома кислорода его сродство съ каліемъ, такъ не можетъ быть отнята у него и способность становиться сознательнымъ». Первый, не рѣшенный Дроссбахомъ вопросъ, былъ бы тогда: всякій ли атомъ или только опредѣленную категорію атомовъ должно считать способной къ сознанію?

Извѣстное намъ сознаніе есть лишь плодъ сочетанія, а вовсе не состояніе отдѣльнаго атома; съ уничтоженіемъ этого сочетанія уничтожается и сознаніе. Нельзя ни предположить, что каждый атомъ во мнѣ обладаетъ

всѣмъ моимъ сознаніемъ, ни того, что онъ обладаетъ своимъ особымъ сознаніемъ безъ помощи другихъ атомовъ; сочетаніе атомовъ въ организмѣ именно и есть средство, черезъ ихъ взаимныя отношенія, образовать опредѣленное сознаніе. И Дроссбахъ признаетъ, что безъ тѣла сознаніе невозможно; но тогда онъ долженъ былъ бы послѣдовательно согласиться, что при другомъ тѣлѣ возможно лишь другое сознаніе.

«При рожденіи человѣка духъ человѣческій переходитъ изъ безсознательнаго состоянія въ сознательное, при смерти—изъ сознательнаго въ безсознательное» (H. d. E. d. N. стр. 208). Однако при рожденіи мы еще не имѣемъ сознанія: оно является лишь съ помощью опыта; какое состояніе дѣйствующаго существа или духа предшествуетъ нашему сознанію до рожденія, объ этомъ мы ничего не знаемъ. Но если этотъ духъ существуетъ, то послѣ смерти онъ можетъ также точно погрузиться въ состояніе совершенно инаго сознанія, а вовсе не въ состояніе безсознательности. Куритель опіума представляетъ аналогію этой возможности; онъ освобождается отъ своего сознанія, чтобы обманывать себя въ другомъ; мы освобождаемся отъ сознанія, чтобы уснуть, но часто мы только грезимъ во снѣ.

Дѣйствующее существо Дроссбаха, долженствующее быть носителемъ человѣческаго явленія, могло бы столь же мало исчезнуть изъ міра, какъ и другія необходимо дѣйствующія съ нимъ существа; условія для сознанія были бы поэтому всегда на лицо; только для человѣческаго сознанія, само собой разумѣется, они теряли бы всякую силу внѣ человѣческой организаціи. Именно потому и не надеженъ выводъ о необходимо безсознательномъ состояніи существа, вызывающаго жизнь. Подобно тому, какъ употребленіе телескопа лишь до тѣхъ поръ лишаетъ меня употребленія моего свободнаго глаза

и моей воспринимающей способности, пока я смотрю въ стекла,—точно такъ же и органическая форма нисколько не есть необходимое условіе дѣятельности и способности организующаго существа; несомнѣнно только одно, что человѣческое сознаніе, извѣстное мнѣ «я», перестаетъ существовать.

Все высказанное Дроссбахомъ о происхожденіи сознанія у отдѣльныхъ составныхъ частей или отдѣльныхъ существъ, образующихъ органическія формы, является, можетъ быть, лишь результатомъ неяснаго способа выраженія, тѣмъ болѣе, что въ другихъ мѣстахъ онъ совершенно ясно говоритъ, что сумма лицъ еще не составляетъ лица, что существуетъ только личность отдѣльныхъ существъ, а не множественности, ибо самосознаніе есть именно сознаніе единства (Harm. d. E. d. N., стр. 220): «сумма самосознаній никогда не можетъ соединиться въ одно самосознаніе; никогда нѣсколько самосознательныхъ или способныхъ къ самосознанію существъ не могутъ быть смѣшаны такимъ образомъ, чтобы изъ ихъ смѣси вышло единое существо, ибо это значило бы уничтожить самую суть самосознанія. Лишь единичное существо можетъ обладать сознаніемъ или самосознаніемъ, а не множественность ихъ. Но само по себѣ, изолированно, оно не можетъ достигнуть самосознанія, которое возможно лишь при содѣйствіи другихъ, въ извѣстномъ соединеніи съ другими; только тогда оно въ состояніи созерцать само себя, когда оно имѣетъ необходимыя орудія, органы, когда оно находится въ такомъ обществѣ, члены котораго сосредоточиваютъ свою совокупную дѣятельность на развитіи, расширеніи и освѣщеніи его сознанія. Общество есть лишь средство, которымъ существо достигаетъ сознанія, но само оно (общество) не имѣетъ сознанія». Что общество представляетъ собою средство, при помощи котораго существо достигаетъ

опредѣленнаго, соотвѣтствующаго обществу, сознанія, это несомнѣнно; тѣмъ не менѣе Дроссбахъ едва ли сталъ бы утверждать, что это существо внѣ видимой для насъ организаціи находится безъ всякаго общества; еще менѣе, что въ другомъ обществѣ оно обладаетъ тѣмъ же самымъ сознаніемъ.

Сравнительно съ другими индивидуалистическими системами индивидуализмъ Дроссбаха имѣетъ во всякомъ случаѣ то преимущество, что онъ признаетъ, хотя и въ неудачной формѣ, палингенезисъ—это неизбѣжное слѣдствіе всякаго индивидуализма (H. d. E. d. N., стр. 176): «столъ накрытъ для всѣхъ, отъ насъ зависитъ — подойти и угощаться. Явства, предлагаемыя міромъ, столь многочисленны и разнообразны, что всѣхъ ихъ нельзя отвѣдать въ одномъ жизненномъ актѣ; они безконечно многочисленны и разнообразны, и потому, чтобы вкусить отъ каждаго изъ нихъ, необходимо безконечно много жизненныхъ актовъ...»

По воззрѣнію Дроссбаха (H. d. E. d. N., стр. 209—210), мы никогда не можемъ знать, есть ли между отдѣльными, образующими неорганическія вещи, существами, такія, которыя способны къ сознанію, но дремлютъ до тѣхъ поръ, пока не попадутъ въ общество, чтобы въ немъ придти къ сознанію. Послушаемъ, какъ Дроссбахъ представляетъ себѣ это душескитаніе (ст. 217): «Разумное существо напримѣръ, проявляющее теперь свое самосознаніе въ моемъ организмѣ, за милліоны лѣтъ тому назадъ помогало образованію неорганическихъ массъ земли, потомъ—образованію растительныхъ и животныхъ организмовъ, или само представляло временно средоточіе органическаго образованія. Мои родители приняли въ свой организмъ, между прочими, и это существо, и такъ образовался, путемъ воспроизведенія, тотъ самый организмъ, который привелъ къ развитію индивидуальное са-

мосознаніе этого разумнаго существа, т. е. моего «я...» Мы должны предположить, что если мои родители должны были какимъ либо образомъ вдохнуть или принять въ пищѣ меня, т. е. существо, образующее мое «я», то отдѣльные способные къ сознанію атомы должны заключаться въ нашихъ съѣстныхъ припасахъ или воздухѣ въ такомъ большомъ количествѣ, что каждый, способный къ воспроизведенію человѣкъ, всегда имѣетъ ихъ достаточно въ запасѣ. Какимъ же образомъ совершается тогда выборъ изъ многихъ качественно-опредѣленныхъ существъ, которыхъ необходимо долженъ пріютить въ себѣ мой организмъ?—Къ чему мы придемъ тутъ?!

Соотвѣтственно этому душескитанію и безсмертіе души, которому Дроссбахъ придаетъ столь важное значеніе, является у него совершенно своеобразнымъ. Онъ выходитъ изъ той точки зрѣнія, что каждое способное къ сознанію дѣйствующее существо можетъ нѣсколько разъ достигать сознанія, такъ какъ однажды оно уже дошло до него, и что оно должно обладать этою способностью, потому что опытъ показываетъ, что онъ обладаетъ ею.

Однако опытъ показываетъ только, что общество опредѣленно-сгруппированныхъ существъ производитъ опредѣленное сознаніе. Что это опредѣленное сознаніе, по прекращеніи связи, точно также должно прекратиться, этого отрицать нельзя даже въ томъ случаѣ, если оно есть продуктъ только одного дѣйствующаго существа, ибо образуется оно все-таки съ помощью другихъ единичныхъ существъ, и поэтому не можетъ быть снова возстановлено, ибо та же самая группировка не можетъ повториться.

Дроссбахъ предполагаетъ, что дѣйствующее существо, возвратившись въ безсознательное состояніе, черезъ милліоны лѣтъ, можетъ быть, снова примется за развитіе сознанія. Послушаемъ, какъ Дроссбахъ представляетъ

себѣ это (H. d. d. N., стр. 257): «Предположимъ, что всѣ атомы земли, способные къ человѣческому сознанію, развились бы или достигли бы самосознанія, и что живущіе теперь люди были бы произведеніемъ послѣднихъ, способныхъ къ самосознанію атомовъ земли,—что должно было бы необходимо произойти тогда? — Люди должны были бы для своего питанія и воспроизведенія принимать въ свой организмъ такого рода атомы, которые уже разъ были сознательны. Они должны бы были поэтому, во время оплодотворенія, выдѣлять въ своемъ сѣмени такого рода атомы, которые уже разъ обладали человѣческимъ сознаніемъ, и происшедшія отъ этого оплодотворенія дѣти должны были бы быть людьми, которыхъ «я» когда-то уже сознавало самого себя, и теперь вторично пришло къ этому самосознанію. Эти вторично рожденные люди опять принимаютъ атомы и произрождаютъ изъ нихъ дѣтей, уже однажды имѣвшихъ сознаніе; и такимъ образомъ всѣ способные къ сознанію атомы вторично приступаютъ къ своей очереди образованія сознанія; когда далѣе существующее количество ихъ снова исчерпывается, тогда въ третій разъ они приступаютъ къ тому же дѣлу, и въ то время, какъ человѣкъ этимъ путемъ рождается, умираетъ, снова рождается и т. д. въ безконечность, вѣчная жизнь его открывается въ безконечной смѣнѣ и переходѣ изъ одного состоянія въ другое, въ вѣчномъ преобразованіи его формъ и соединеній...»

Громадное пространство времени, предполагаемое для всего этого, въ сущности есть лишь мгновеніе, ибо мы имѣемъ дѣло тутъ съ безсознательнымъ состояніемъ. А что ни одинъ человѣкъ не можетъ помнить свое безсознательное состояніе—это понятно; ибо о сознательномъ онъ не вспоминаетъ потому, «что до сихъ поръ не рождался ни одинъ человѣкъ, уже обладавшій

прежде сознаніемъ», а это происходитъ отъ того, «что количество готовыхъ зародышей еще не исчерпалось». «Возьмемъ», говоритъ Дроссбахъ,—«для очевидности каплю морской воды и дадимъ ей испариться, чтобы заключающіяся въ ней соли кристаллизовались. Бросимъ кристаллъ въ волны и подумаемъ теперь, что же должны бы мы были сдѣлать, чтобы снова получить тѣ атомы соли, которые мы бросили (конечно при предположеніи, что они имѣютъ знакъ, по которому мы могли бы узнать, что они—тѣ же самые, которые мы имѣли въ рукахъ). Мы должны сознаться, что для этого необходимы милліоны лѣтъ, если только не предположить счастливаго случая, который въ болѣе короткое время дастъ намъ въ руки брошенные нами атомы. Подобное же отношеніе существуетъ между способными къ самосознанію атомами и всею поверхностью земли съ воздушнымъ моремъ, заключающимъ въ себѣ эти атомы.

Что удерживаетъ или препятствуетъ человѣческому атому стать человѣкомъ, — этого мы не узнаемъ. Я же думаю, что въ этомъ случаѣ понятнѣе и, безъ сомнѣнія, вѣроятнѣе, что вообще способное къ сознанію существо никогда не дойдетъ до своей очереди, чѣмъ то, что это можетъ произойти лишь тогда, когда весь рядъ данныхъ существъ достигнетъ перваго и единственнаго развитія сознанія. Кто или что должно регулировать тогда это допущеніе?—Случай, что такое дѣйствующее существо между билліонами существъ вторично приходитъ къ сознанію, долженъ былъ бы уже представиться.

Взгляды Дроссбаха на смерть, безсмертіе и сознаніе похожи, по моему, на картину, на которой свѣтъ сталъ тѣнью и тѣнь стала свѣтомъ. Онъ говоритъ (стр. 273): «Полное ужаса представленіе несчастія и смерти, которымъ обладаемъ мы теперь, которое подавляетъ насъ и

приводитъ въ отчаянiе, не существуетъ для того, кто вторично вступаетъ въ сознательную жизнь, ибо онъ видитъ, что смерть не была уничтоженiемъ его «я», но лишь временнымъ затемнѣнiемъ, совершенно неощутительнымъ и похожимъ на мгновенiе; ибо онъ видитъ, что его скорбную жизнь смѣнила лучшая, что тяжелыя ощущенiя, вызванныя тогда несчастiемъ, происходили лишь отъ того заблужденiя, что будто бы это его несчастiе составляетъ для него дѣйствительную и существенную потерю».

Смерть, безъ сомнѣнiя, есть уничтоженiе того «я», которое образовалось посредствомъ организацiи и опыта, и если существуетъ безсмертiе для организующаго субъекта, то, какъ разъ наоборотъ, именно наше представленiе является временнымъ затемнѣнiемъ, сномъ этого, глубже лежащаго существа, переходящаго, быть можетъ, въ это состоянiе подобно тому, какъ, напримѣръ, мы переходимъ изъ воздуха въ воду или отъ дневной дѣятельности къ ночному покою. Дроссбахъ, кажется, смѣшиваетъ здѣсь понятiе организующаго существа или субъекта явленiя съ «я» нашего сознанiя,—что представляетъ очевидную ошибку, ибо это послѣднее является послѣ организацiи; оно есть фантомъ, который исчезаетъ даже ранѣе, чѣмъ жизнь въ организмѣ.

Жизнь вовсе нельзя сравнивать съ «огонькомъ во мракѣ», скорѣе она похожа на свѣтъ, затемненный тусклымъ стекломъ. Если сознанiе есть огонекъ во мракѣ, то оно сгоритъ, какъ восковая свѣча, и послѣ него останется одна темнота; но разъ существуетъ нѣчто созерцающее, а наше «я» есть лишь стекло, въ которое оно созерцаетъ, тогда и только тогда еще мыслимо безсмертiе въ извѣстномъ смыслѣ. Дроссбахъ видитъ въ нашемъ сознанiи день и полагаетъ внѣ его ночь безсознательности. Я поступаю наоборотъ и вижу въ нашемъ

сознанiи сонъ, а день — внѣ человѣческой организацiи. Дроссбахъ называетъ свое безсмертiе внутри-мiровымъ, въ отличiе отъ христiанскаго, какъ внѣ-мiроваго. Но вѣдь этого внѣ-мiроваго безсмертiя совсѣмъ не существуетъ, а его внутри-мiровое отличается отъ матерiалистическаго безсмертiя атомовъ лишь приписываемою имъ отдѣльнымъ атомамъ способностью, чрезъ громадный перiодъ времени достигать нѣкотораго эфемернаго сознанiя. Это его безсмертiе не имѣетъ поэтому никакой нравственной цѣны, и все, въ чемъ Дроссбахъ упрекаетъ въ этомъ отношенiи матерiализмъ, относится и къ нему самому. То утѣшенiе, что мы будемъ имѣть этому доказательство, если по прошествiи миллiоновъ лѣтъ такое единичное существо снова достигнетъ сознанiя, — является очень слабымъ, даже вовсе не утѣшенiемъ; ибо это столь проблематическое сознанiе будетъ тогда совершенно другимъ. Такой вексель, взятый на неопредѣленную будущность безъ обозначенiя срока платежа, не можетъ имѣть кредита. Непрiятное впечатлѣнiе производитъ также и то, что на помощь своему воззрѣнiю Дроссбахъ призываетъ даже полицiю, указывая на монархическiй принципъ своего ученiя и на государственный интересъ, говорящiй въ пользу его.

Мiръ, безъ сомнѣнiя, представляется намъ хаосомъ индивидуальныхъ существъ или атомовъ.

Наша солнечная система и, въ частности, наша планета были прежде разсѣяннымъ хаосомъ; теперь же они представляютъ очень концентрированный хаосъ, въ которомъ мы наблюдаемъ сравнительно очень малую часть не хаотической дѣятельности, и это есть органическая жизнь, состоящая въ цѣлесообразномъ сочетанiи атомовъ, сочетанiи, которое тѣмъ болѣе бросается въ глаза, чѣмъ болѣе развитъ организмъ. Оттого во всякомъ случаѣ было бы ошибкой представлять такой

болѣе развитой организмъ вышедшимъ прямо изъ хаоса, вмѣсто того, чтобы видѣть въ немъ преходящее явленіе организующаго и въ извѣстномъ смыслѣ организованнаго существа. Если, напримѣръ, человѣческое явленіе непосредственно вышло изъ атомистическаго хаоса или «безсознательнаго», то несомнѣнно оно и возвратится туда, въ индивидуальный хаосъ или въ безсознательное, и возведенная на такомъ индивидуализмѣ теорія безсмертія и т. д. очевидно является совершеннымъ заблужденіемъ. Наоборотъ, если человѣческое явленіе выходитъ изъ этого индивидуальнаго хаоса или безсознательнаго не непосредственно, если между этимъ X и x и органическими образованіями существуетъ нѣчто, нѣкоторое xy, какъ *относительная индивидуальность*, проходящая сквозь извѣстныя намъ чувственныя формы, тогда біологическая загадка находитъ свое разрѣшеніе, наши нравственныя требованія примиряются съ природой, и только остается открытымъ вопросъ, когда и какъ начинается индивидуальная функція этого xy—вопросъ, о рѣшеніи котораго многое говоритъ pro и contra, но ничего окончательно рѣшающаго приведено быть не можетъ, и который мы безъ вреда для нашихъ человѣческихъ интересовъ можемъ—а можетъ быть и должны—оставить неразрѣшеннымъ.

Воспоминаніе о нашей жизни, сопровождающее, по Дроссбаху, наше вторичное пробужденіе, совершенно несогласимо съ его индивидуализмомъ, потому что его единичное существо само по себѣ безсознательно, а организмъ, по его собственному воззрѣнію, есть необходимое орудіе воспоминанія (g. d. B. 178), такъ что это существо, чтобы быть отчасти способнымъ къ воспоминанію, должно отчасти сохранить и орудіе его. Мы ничего не можемъ помнить о нашемъ внутреннемъ существѣ, но только о впечатлѣніяхъ нашего «я»; разъ

аппаратъ испортился, тоже самое необходимо постигаетъ и воспоминаніе; разъ онъ совершенно разрушился, должно разрушиться и воспоминаніе, и становится просто непонятнымъ, какимъ образомъ Дроссбахъ можетъ такъ смѣшивать разницу между «я» нашего сознанія и мыслимымъ «я» существа, столь удачно названнаго Кантомъ «лицемъ» или «субъектомъ», что выставляетъ такого рода положеніе (стр. 165 G. d. B.): «всякій разъ, когда я перехожу изъ своего безсознательнаго состоянія въ сознательное, я ощущаю себя всегда тѣмъ же самымъ «я»,—и дѣлаетъ изъ этого заключенія относительно организующаго существа. Когда я просыпаюсь утромъ, я нахожу тотъ же аппаратъ моихъ представленій; но это не можетъ имѣть мѣста при вторичномъ пробужденіи основнаго существа. «Я» есть результатъ опытовъ, обусловленныхъ и ограниченныхъ нашей организаціей; только въ томъ случаѣ, если существо, какъ простое, не нуждается въ аппаратѣ для сознанія (что Дроссбахъ самъ считаетъ невозможнымъ) или постоянно имѣетъ таковой, проходящій черезъ всѣ метаморфозы и сплоченія, лишь въ такомъ случаѣ еще можетъ быть рѣчь о воспоминаніи, да и то для насъ неизвѣстномъ и непонятномъ, ибо какъ міръ, такъ и событія въ немъ для другой организаціи являются необходимо въ другой формѣ; и какъ прогрессъ возможенъ только съ помощью различенія, опыта и воспоминанія, такъ и усовершенствованіе мыслимо только при такого рода палингенезисѣ.

Я не могу согласиться, что организмъ распадается на послѣдніе атомы, и что организующее и дѣйствующее начало необходимо должно погрузиться не въ другое сознательное состояніе, а въ безсознательное; но если бы я даже и согласился съ этимъ, въ такомъ случаѣ я несомнѣнно склонился бы къ «волѣ» Шопенгауэра и «безсознательному» Гартмана, а не къ безсознательному

атому Дроссбаха. Въ этомъ отношеніи Гартманъ говорить справедливо, что его предположеніе проще.

II.

Д-ръ Юліусъ Банзенъ и Филиппъ Майнлендеръ.

Философія Шопенгауэра вызвала, по моему мнѣнію, два направленія, именно: Банзена и Майнлендера. Банзенъ, несомнѣнно болѣе выдающійся, собственно не написалъ философіи; её нужно отыскивать въ его характерологіи и другихъ сочиненіяхъ—работа, требующая очень много терпѣнія, и я признаюсь, что съ трудомъ могу разобраться въ его вводныхъ предложеніяхъ. Я тѣмъ болѣе могу уклониться отъ этой работы, что Гартманъ уже подвергъ справедливой критикѣ его воззрѣнія. Если я не нахожу возможнымъ признать непосредственно въ основѣ извѣстныхъ намъ органическихъ формъ явленій метафизическое начало въ смыслѣ Шопенгауэра и Гартмана, то ясно, что я еще менѣе могу принять непосредственную метафизическую индивидуальность; при этомъ совершенно безразлично, основывается ли такой индивидуализмъ на способности представленія или на характерѣ, какъ у Банзена. Характеръ естъ нѣчто пріобрѣтенное,—умопостигаемый точно также, какъ и эмпирическій. Я считаю неудачными различенія и названія «эмпирическій» и «умопостигаемый», потому что вѣдь и эмпирическій характеръ собственно тоже лишь умопостигаемъ, а умопостигаемый въ извѣстномъ смыслѣ эмпириченъ; такъ каждый судья принимаетъ во вниманіе воспитаніе и окружающія обстоятельства для заключенія объ отвѣтственности подсудимаго и отсюда, при помощи опыта, дѣлаетъ заключеніе объ умопостигаемомъ характерѣ его.

Свойство души (умопостигаемый характеръ) производитъ, разумѣется, вліяніе на развитіе и дѣятельность организма (эмпирическій характеръ); все-таки свойство души, по моему убѣжденію, есть также плодъ развитія, и я могу въ утѣшеніе предоставить Банзену—заняться послѣдними метафизическими основами этого развитія; если же бы я занялся этимъ, я пришелъ бы къ метафизическому монизму, а не къ индивидуализму. Практическій педагогъ пусть возьметъ сочиненія Банзена; но тотъ, кто думаетъ найти въ нихъ философскую систему, пусть оставитъ ихъ въ сторонѣ и прочтетъ критику на нихъ Гартмана (Neukantianismus), который даже идеализируетъ философію Банзена, насколько это возможно.

Майнлендеръ причисляетъ себя въ своей «Philosophie der Erlösung» тоже къ приверженцамъ Шопенгауэра, коего «Волю» онъ также принимаетъ своей исходной точкой, но считаетъ ее погибшей и распавшейся на множественность индивидуальныхъ волей. Онъ говоритъ (стр. 29): «не забудемъ и станемъ твердо держаться того, что это загадочное простое единство со своею трансцендентною областью погибло, и болѣе не существуетъ. Примемъ спокойно это положеніе и съ бодрымъ духомъ обратимся къ той области, которая еще продолжаетъ существовать». Между этимъ воззрѣніемъ и матеріализмомъ собственно нѣтъ глубокой разницы, ибо предшествуетъ ли атому единичная воля или нѣтъ, это для насъ безразлично.

На вопросъ, какъ произошелъ первый организмъ, Майнлендеръ отвѣчаетъ, что онъ возникъ изъ соединенія простыхъ химическихъ «идей» или изъ совокупности такихъ уже готовыхъ соединеній (стр. 337); но что не смотря на то теперешнія химическія соединенія безсильны образовать органическую жизнь, ибо «эти идеи или соединенія должны находиться для этого въ совершенно опредѣ-

ленномъ состоянiи, а это состоянiе могло явиться на нашей землѣ лишь одинъ разъ,—въ развитiи всеобщей космической жизни. Поэтому generatio aequivoca могла лишь однажды имѣть мѣсто на нашей планетѣ; ибо въ дальнѣйшемъ ходѣ космической жизни болѣе уже не повторялся такой моментъ, когда химическiя идеи находились бы въ томъ состоянiи, которое необходимо для побужденiя ихъ къ сочетанiю въ организмы».

Майнлендеръ не объясняетъ, откуда ему извѣстно это и почему оно должно быть именно такъ, а не иначе. Индивидуализмъ и пессимизмъ въ томъ видѣ, какъ они являются у Майнлендера, во всякомъ случаѣ представляютъ плохое изданiе обоихъ, но по счастiю его философiя спасенiя заключаетъ въ себѣ столько очевидныхъ противорѣчiй, что она нескоро найдетъ приверженцевъ. Майнлендеръ говоритъ (стр. 349): «Кто пессимистъ? Кто долженъ быть пессимистомъ?—Тотъ, кто созрѣлъ для смерти. Онъ можетъ столь же мало любить жизнь, какъ мало оптимистъ можетъ отказаться отъ жизни. Если онъ не познаетъ, что будетъ жить въ своихъ дѣтяхъ,—вслѣдствiе чего произрожденiе теряетъ свой жестокiй характеръ,—онъ подобно Гумбольдту долженъ будетъ прiйти въ ужасъ передъ той мыслью, что нѣсколько минутъ наслажденiя должны быть куплены страданiями, которыя другое существо будетъ испытывать можетъ быть въ продолженiи 80 лѣтъ, и по справедливости сочтетъ дѣторожденiе преступленiемъ. «Майнлендеръ отнимаетъ у живаго организма «живую высшую силу»: когда онъ разрушается, умираетъ и она. Это будто-бы есть «свидѣтельство природы, другаго она не даетъ, потому что не можетъ дать; это есть свидѣтельство величайшей важности, которое можетъ исказить лишь затемненный духъ. Со смертью организма, связанныя въ немъ силы снова дѣлаются свободны безъ

малѣйшей потери, но сила, управлявшая во время жизни химическими силами, умираетъ. Должна ли она еще жить отдѣльно отъ нихъ? Куда дѣлся разрушенный сѣрнистый водородъ? Куда дѣлась высшая сила сожженнаго растенія или убитаго животнаго? Носятся ли они между небомъ и землей? Не улетѣли ли они на звѣзду млечнаго пути?.. Природа, единственный источникъ истины, одна можетъ дать намъ свѣдѣніе, а природа говоритъ: они мертвы. Поскольку невозможно для насъ мыслить происхожденіе изъ ничего, настолько легко можемъ мы представить себѣ всѣ организмы и всѣ химическія соединенія уничтоженными навсегда».

Если связанныя въ организмѣ силы управляются впродолженіи жизни его нѣкоторою высшею силой, то эта послѣдняя должна или раньше здѣсь существовать и тогда она не могла бы прекратиться, или возникнуть изъ ничего, что однако отрицаетъ и самъ Майнлендеръ. Если она есть продуктъ связанныхъ силъ, тогда она уже не есть господствующая сила, не есть человѣческая индивидуальная воля, а лишь результатъ многихъ другихъ силъ, и потому совершенно излишня; тогда мы имѣемъ только атомы, ее образующіе, и стоимъ такимъ образомъ лицомъ къ лицу съ голымъ матеріализмомъ. Между прочимъ должны мы замѣтить, что тогда было бы совершенно непонятно, какимъ образомъ человѣческая воля должна войти въ жизнь уже какъ характеръ съ извѣстными волевыми особенностями (стр. 58). Метафизика Майнлендера также отличается совершенной своеобразностью. Индивидуальная имманентная воля, происшедшая изъ распавшагося единства и (стр. 33) умирающая съ разрушеніемъ организма, продолжаетъ жить (стр. 213) въ дѣтяхъ,—«въ нихъ празднуешь ты свое возрожденіе»—и что случится съ ними, то случится въ нихъ съ тобою. Если бы всѣ явленія были явленіями

одной только воли, въ смыслѣ Шопенгауэра, тогда еще можно было бы говорить объ этомъ; но какимъ образомъ индивидуальныя воли могутъ жить въ двухъ и трехъ поколѣніяхъ и во многихъ экземплярахъ, или какимъ образомъ двѣ воли родителей могутъ соединиться въ ихъ ребенкѣ—это непонятно.

Совершенно послѣдовательно вытекаетъ изъ воззрѣній Майнлендера цѣломудріе, дѣвственность, то, что спасаетъ индивидуума (но никакъ, значитъ, не человѣчество!). Но мысль Майнлендера, чтобы человѣчество съ подобнымъ же настроеніемъ, съ какимъ оно отдавалось идеѣ во время крестовыхъ походовъ, стало противодѣйствовать своему концу, своему вымиранію,—эта мысль совершенно безполезна:изъ животной жизни могли бы, даже должны бы были постепенно образоваться новыя, болѣе развитыя млекопитающіяся животныя. И если бы мы захотѣли спасти и нашихъ безсловесныхъ братьевъ, животныхъ; если бы мы могли разложить самый океанъ на его составныя части и внезапно побудить ихъ къ возсоединенію въ воду, и всю органическую жизнь взорвать на воздухъ, то и тогда дѣло началось бы съизнова. Выставленное Майнлендеромъ положеніе (стр. 343), что «природа не допуститъ образованія новыхъ человѣкоподобныхъ существъ изъ оставшихся животныхъ», потому что она чрезъ человѣка вполнѣ достигаетъ своей цѣли—именно «ничего»—это положеніе ничѣмъ не мотивировано. Отчего должна природа теперь поступать иначе, чѣмъ она поступала милліоны лѣтъ тому назадъ? Если природа вообще имѣетъ цѣль, то это есть развитіе, прогрессъ, вовсе не полагающій въ человѣкѣ своего послѣдняго звена.

По Майнлендеру неорганическая природа есть слѣпая индивидуальная воля; растеніе умираетъ, однако лишь относительною смертью, ибо оно произрождаетъ. То же относится и къ животному, которое впрочемъ

представляетъ уже сочетаніе воли и духа. Что такое разумѣетъ Майнлендеръ подъ духомъ—я не могъ уяснить себѣ. Онъ говоритъ далѣе: человѣкъ обладаетъ размышляющимъ разумомъ, который «наконецъ въ нравственномъ одушевленіи схватываетъ *лучшее* средство для своей конечной цѣли», и это есть—дѣвственность!—Въ сорокъ или пятьдесятъ лѣтъ можетъ конечно явиться убѣжденіе, что дѣвственность или хоть бездѣтность имѣютъ свои прелести, но въ двадцать лѣтъ Майнлендеръ не найдетъ раздѣляющихъ такое мнѣніе. Такая суровая судьба можетъ постичь лишь слишкомъ разборчивыхъ или всѣми пренебреженныхъ дѣвушекъ, да и то въ большинствѣ случаевъ противъ ихъ воли, безъ всякаго подвига, совершенно пассивнымъ путемъ.

Что же касается *преступленія*, то несомнѣнно что для *пессимистическаго* воззрѣнія дѣторожденіе было бы преступленіемъ, если бы, во-первыхъ, это убѣжденіе пессимизма не возникало впослѣдствіи, когда уже обыкновенно бываетъ поздно, да и намъ, вслѣдствіе нашего невѣдѣнія, что это есть преступленіе, ничего нельзя ставить въ упрекъ или обвиненіе; и если бы, во вторыхъ, мы не были раздѣлены на два различные пола. Если женщина не имѣетъ отъ меня дѣтей, то, можетъ быть, она имѣла бы ихъ отъ другаго, такъ что возникалъ бы только вопросъ, чей продуктъ лучше. Стало быть юноши и дѣвицы должны въ ранней юности ознакомиться съ философіей Майнлендера, чтобы заранѣе видѣть въ дѣторожденіи преступленіе.

Я совершенно согласенъ съ Майнлендеромъ, что въ смыслѣ ученія великой Кармы (Будды) индивидуальная судьба есть исключительно дѣло самого индивидуума, обладающаго реальной силой, не *управляемой* случаемъ, но лишь *ограничиваемой* имъ; однако это возможно только въ моемъ индивидуализмѣ, гдѣ случай является лишь средствомъ для развитія и усовершенствованія; усовер-

шенствованіе же никогда нельзя понимать въ томъ смыслѣ, что дескать «мудрецъ твердо и радостно смотритъ въ глаза абсолютному «ничто» (стр. 358). Мудрецъ конечно и сдѣлаетъ это, если не будетъ другаго выбора, потому что вѣдь мудрецъ вообще долженъ обладать нѣкоторымъ спокойствіемъ даже передъ висѣлицей. Это «ничто», это спасеніе человѣческаго рода въ цѣломъ можетъ осуществиться лишь тогда, когда органическая жизнь на нашей планетѣ станетъ невозможной,—что и безъ того должно будетъ произойти. Отдѣльное лицо можетъ конечно освободиться отъ своей формы бытія, но тѣмъ самымъ оно далеко еще не достигаетъ «ничтожества».

Я не могу не привести здѣсь послѣдней половины предпослѣдней главы, представляющей въ своемъ родѣ перлъ твердости убѣжденія,—тѣмъ болѣе что въ ней открывается источникъ всей философіи спасенія. «Принципъ этотъ долженъ быть истиннымъ, если изъ него такъ легко и непринужденно вытекаетъ разрѣшеніе величайшей философской проблеммы, отъ которой безнадежно отказывались геніальнѣйшіе люди всѣхъ временъ, испробовавъ на ней всю силу своей мысли. Когда Кантъ полагалъ, что онъ разрѣшилъ совмѣстность свободы и необходимости посредствомъ различенія умопостигаемаго и эмпирическаго характера, онъ не могъ не замѣтить, что представленное здѣсь разрѣшеніе затрудненій заключаетъ въ себѣ много невыясненнаго и едва ли поддается ясному изложенію. Но развѣ всякій другой изъ существующихъ взглядовъ легче или понятнѣе? Всѣ должны были заблуждаться, потому что никто не могъ создать чисто трансцендентной и чисто имманентной области. Пантеисты должны были заблуждаться, потому что они сводили данное міровое движеніе на единую въ мірѣ сущность; Будда долженъ былъ заблуждаться, такъ какъ онъ отъ существующаго преимуще-

ственно въ индивидуумѣ чувства полной отвѣтственности за всѣ свои дѣла ошибочно заключалъ къ полному самовластію индивидуума въ мірѣ; Кантъ долженъ былъ ошибаться, потому что онъ хотѣлъ въ чисто имманентной области соединить свободу съ необходимостью».

Эту увѣренность я могу объяснить себѣ только такимъ образомъ: Майнлендеръ очевидно думаетъ, что онъ высказываетъ счастливую и великую мысль, когда причисляетъ единую «Волю» Шопенгауэра къ числу мертвецовъ и освобождаетъ этимъ его философію отъ непонятнаго метафизическаго принципа, пользуясь имъ какъ первымъ членомъ причиннаго ряда и потомъ устраняя его. Справедливо, конечно, что тогда природа является дѣйствительно свободной отъ содѣйствія трансцендентныхъ причинъ; но также справедливо и то, что и самъ Майнлендеръ становится вмѣстѣ съ тѣмъ на точку зрѣнія матеріалистовъ, утверждая существованіе дѣйствій, не исходящихъ изъ достаточныхъ причинъ. Имѣетъ ли Шопенгауэръ право полагать органическую природу какъ непосредственное дѣйствіе метафизической воли— это другой вопросъ; но онъ доказываетъ своей теоріей, что вообще ищетъ причины для органической дѣятельности, что его не удовлетворяетъ химическое сродство углерода и т. д. А назовемъ ли мы атомы индивидуальными волями и поставимъ надъ ними трансцендентнаго мертваго бога, это нисколько дѣла не измѣняетъ, и не исправляетъ ни одного изъ различныхъ воззрѣній: ни Шопенгауэрова, ни матеріалистическаго.

Мысль — спасти міръ дѣвственностью, — неудачная мысль, потому что, во-первыхъ, она не можетъ быть осуществлена всѣми; во-вторыхъ, если бы она и могла быть осуществлена, то міровое развитіе не могло бы остановиться. Предположимъ даже случай, что вслѣдствіе избытка населенія, каждая мать, если она не хочетъ

или не можетъ доставить своему ребенку необходимыя для него пищу и воспитаніе, получитъ право рождать въ общественныхъ учрежденіяхъ и отдавать своего ребенка на попеченіе общества, которое, смотря по необходимости, можетъ его или воспитывать или прекратить его жизнь хлороформомъ. Думаетъ ли Майнлендеръ, что міръ могъ бы быть спасенъ тогда рѣшеніемъ большинства?

Майнлендеръ упустилъ изъ виду, что индивидуальная функція метафизическаго принципа можетъ или существовать вѣчно, или возвратиться въ свой первоисточникъ; погибнуть, умертвить себя она вообще не можетъ, а предлагаемая для этого дѣвственность практически неосуществима и не могла бы дать инаго результата, кромѣ замедленія развитія.

Философія Майнлендера представляетъ совершенно неудачный варіантъ Шопенгауэровой философіи.

III.

И. Г. Фихте.

Фихте отвергаетъ дуалистическій принципъ спиритуализма, какъ неспособный объяснить связь между душою и тѣломъ и, слѣдовательно, дѣйствительное человѣческое явленіе. Противъ матеріалистическихъ воззрѣній Фихте возражаетъ указаніемъ на природу нашего сознанія. Разсматривать душу единственно какъ слѣдствіе мозговой дѣятельности было бы невозможно вслѣдствіе самоощущенія и единства ея, т. е. самосознанія. Видѣть въ душѣ результатъ смѣшенія веществъ—значило бы дѣйствіе называть причиной. Единство, происходящее изъ химическаго соединенія, есть мертвый продуктъ исчезающаго вмѣстѣ съ нимъ процесса; этотъ же послѣдній,

развѣ только съ пренебреженіемъ всѣхъ законовъ мышленія, можетъ быть сравниваемъ съ «жизнью», какъ съ непрерывно возобновляющимся процессомъ, «съ круговоротомъ постоянно себя предполагающаго и въ то же время производящаго единства.»

О пантеистическомъ монизмѣ, по крайней мѣрѣ поскольку онъ принимается въ качествѣ непосредственной основы человѣческаго явленія, Фихте говоритъ совершенно справедливо (Anthropologie, стр. 126): «Если бы, не смотря на то, этотъ индивидуализмъ былъ призракомъ и ложью, то мы имѣли бы право потребовать отъ психологіи, выставляющей такого рода утвержденіе, объясненія того замѣчательнаго факта, что мы никогда не чувствуемъ себя въ своемъ непосредственномъ сознаніи какъ всеобщее существо,—что, наоборотъ, каждый актъ познанія, чувства и воли, вся исторія нашего самосознанія свидѣтельствуетъ о раздѣльности индивидовъ, слѣдовательно о реальности индивидуализма; но если бы даже это происходило совершенно обратно, все-таки на это нельзя было бы смотрѣть какъ на нѣчто понятное само собою, но слѣдовало бы объяснить точнымъ психологическимъ путемъ, каковое объясненіе однако навсегда является невозможнымъ какъ для гегелевской, такъ и для всякой другой пантеистической психологіи.»

Въ отношеніи къ понятію души Фихте присоединяется къ Гербарту, полагая въ основѣ ея реальный субстратъ, «коего самосохраненія становятся представленіями и представленія сливаются наконецъ въ «я». Душа есть реальное существо, и всѣ условія существованія, имѣющія мѣсто у другихъ реальныхъ существъ, могутъ быть примѣнены также и къ ней.»

Фихте не можетъ ни приписывать душѣ подобнаго міру явленій бытія въ пространствѣ и времени, ни ста-

вить ее совершенно внѣ пространства и времени; точно такъ же и за тѣломъ не можетъ онъ признать чисто матеріальнаго бытія вслѣдствіе обнаруживающейся въ немъ «органической силы».

«Органическая сила носитъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ печать внутренней цѣлесообразности и совершенной разумности. Производимое ею ничѣмъ не хуже того, какъ если бы это избралъ, послѣ свободнаго размышленія, высокоразвитый разумъ и исполнилъ съ художественнымъ совершенствомъ.» Но далѣе Фихте говоритъ: «Между тѣмъ ничего подобнаго не бываетъ; всѣ эти органическія явленія совершенно безсознательны; они безсознательно разумны, духоподобны, но не духовны». Это странное сопоставленіе безсознательности съ размышленіемъ и свободнымъ выборомъ я могу объяснить себѣ только тѣмъ, что Фихте тутъ тоже погрѣшаетъ смѣшеніемъ «души» съ «я», смѣшеніемъ, противъ котораго самъ ратуетъ. Такъ какъ «я» не принимаетъ активнаго участія въ органическомъ развитіи и образуется лишь послѣ, вслѣдствіе чего это развитіе является для него совершенно невѣдомымъ, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что душа безсознательно можетъ производить явленія, носящія на себѣ печать высокосовершенной разумности и свободнаго выбора.

Тотъ, кто признаетъ, подобно Фихте въ его психологіи, относительность нашихъ представленій о физическихъ взаимноотношеніяхъ, тотъ долженъ согласиться, что, напримѣръ, механическіе и химическіе процессы для насъ, сообразно съ нашей организаціей, являются въ такой-то формѣ, тогда какъ для другой, отличной отъ нашей, организаціи тѣ же самые процессы могутъ обнаруживаться въ своей дѣятельности иначе и разностороннѣе. Какъ именно душа, въ смыслѣ Гербарта или Фихте, должна относиться къ извѣстной намъ матеріи, этого

мы не знаемъ; но во всякомъ случаѣ это должно происходить совершенно не такъ, какъ относится къ ней нашъ человѣческій организмъ; и поэтому вполнѣ мыслимо, объяснимо, даже необходимо, чтобы образуемая и одушевляемая такимъ реальнымъ существомъ вещественная комбинація вещественныхъ элементовъ, каковою мы считаемъ человѣческій организмъ, отличалась въ своей органической функціи отъ такъ называемой мертвой матеріи точно такъ же, какъ и отъ реальнаго существа, — если оно полагается внѣ организаціи,—и чтобы мы видѣли въ организмахъ силы, дѣйствующія такимъ путемъ, который мы должны признать отличнымъ отъ обыкновеннаго механическаго и химическаго движенія въ неорганической природѣ, и потому считали эти силы органическими.

Итакъ, если видѣть въ строеніи организма, въ дѣятельности органическихъ силъ «высокій разумъ, свободный выборъ средствъ и художественное совершенство въ выполненіи», то можно было бы думать, что эти качества должны составлять принадлежность гипотетическаго реальнаго существа, лежащаго въ основѣ человѣческаго явленія, если не принимать еще болѣе отдаленнаго всемогущаго Строителя или метафизическаго принципа, на который можно, конечно, ссылаться вездѣ и всегда. Оттого-то просто непонятно, какимъ образомъ эта съ глубокимъ пониманіемъ, съ свободнымъ выборомъ и художественнымъ мастерствомъ производимая работа, каковою представляется намъ организмъ, можетъ быть исполнена реальнымъ, но безсознательнымъ существомъ.

Несомнѣнно, что это качественно-опредѣленное дѣйствіе совершается безсознательно для нашего «я»; но имѣетъ ли это мѣсто для лежащаго въ основѣ явленій реальнаго существа, на это съ трудомъ можно было бы

отвѣтить, потому что мы едва ли можемъ составить себѣ какое либо понятіе о природѣ и свойствахъ этого существа. Причина, почему Фихте выставляетъ такого рода утвержденіе, лежитъ, вѣроятно, въ отвращеніи его отъ слѣдствій, необходимо вытекающихъ изъ противоположнаго предположенія.

Если я вижу гдѣ нибудь дѣйствующими разумъ, выборъ средствъ и художественное мастерство, я, признавая фактъ существованія этихъ дѣйствующихъ причинъ, долженъ предположить нѣкотораго носителя этихъ свойствъ, нѣкоторую силу или совокупность силъ. Если же я не хочу сдѣлать изъ этого носителя ни Бога ни «волю», ни метафизическое «безсознательное», а предпочитаю остаться на точкѣ зрѣнія индивидуализма, то, съ одной стороны, я долженъ приписать «реальному существу» бытіе раньше человѣка, а, съ другой, свести человѣческое сознаніе, «я» на степень фантома или сна; наконецъ, въ-третьихъ, признать возможность частаго повторенія этой метаморфозы. Вотъ то, чего можетъ быть Фихте не хочетъ и почему болѣе склоненъ вѣрить въ разумный интеллигентный выборъ необходимыхъ средствъ для художественнаго выполненія.

Фихте оканчиваетъ первую книгу своей антропологіи (стр. 188) указаніемъ на то, что нужно бы было попытаться «объяснить органическія отправленія изъ безсознательно остающейся душевной дѣятельности.» Если поставить передъ «безсознательно» слово «для насъ», тогда это положеніе совершенно ясно, между тѣмъ какъ безъ этого слова находишься въ недоумѣніи, къ чему относится слово «безсознательно»; если оно относится къ душѣ, къ реальному существу, лежащему въ основѣ человѣческаго явленія, то было бы столь же трудно представить себѣ органическое возникновеніе и развитіе посредствомъ безсознательнаго

акта реальнаго существа, какъ вообще что либо говорить о сознательныхъ или безсознательныхъ состоянiяхъ этого существа.

Если, какъ пытается доказать Фихте въ своей спекулятивной философiи, весь мiръ дѣйствительно есть лишь система вселенiй высшаго въ нисшее, то едва ли можно было бы согласиться, что немощное человѣческое сознанiе должно быть первымъ сознательнымъ состоянiемъ. Этотъ взглядъ тѣмъ болѣе непонятенъ, что Фихте нельзя считать защитникомъ простоты души. Въ третьей книгѣ своей антропологiи Фихте (стр. 347) приводитъ слова Шлейермахера: «нельзя имѣть представленiя духовной жизни конечнаго существа безъ представленiя органическаго тѣла, такъ что, собственно говоря, о безсмертiи души не могло бы быть и рѣчи безъ тѣлесной жизни.»

Тѣмъ не менѣе Фихте нападаетъ на воззрѣнiя Фр. фонъ-Мейера, Шуберта, Эшенмайера объ эѳирномъ тѣлѣ, въ которое будто бы облечется душа послѣ смерти, говоря на 348 страницѣ, что «всюду дающее о себѣ знать опытное понятiе постоянной связи категорически требуетъ, а всѣ опытныя аналогiи подтверждаютъ, что не только въ будущей жизни будемъ имѣть мы такой эѳирный организмъ, но что мы обладаемъ имъ, какъ истинной субстанцiей нашего внѣшняго тѣла уже въ настоящей жизни, и должны развивать его въ себѣ; такъ что смерть, уничтожая внѣшнее тѣло, которое, какъ покажутъ дальнѣйшiя аналогiи, оказываетъ затемняющее влiянiе на сознанiе, можетъ имѣть только тотъ всеобщiй результатъ, что совершенно освободитъ для сознанiя «внутреннее тѣло».

На страницѣ 363 Фихте говоритъ: «душа есть изнутри образующее, формующее начало ея внѣшняго тѣла. Въ этомъ отношенiи ей должно приписать хотя и

безсознательную, но потому именно и болѣе энергичную дѣятельность, такъ какъ она обладаетъ и дѣятельно сохраняетъ пространственную схему своего тѣла, на которой точно обозначены всѣ количественныя отношенія его частей и которую стремятся наполнить «органическія клѣточки», долженствующія составлять реальное содержаніе тѣла». Можно было бы думать, что обратное заключеніе отъ этого воззрѣнія къ аналогичному предсуществованію и сознающей способности души было бы не трудно.

Доказательства, находимыя Фихте въ анормальныхъ, такъ называемыхъ мистическихъ явленіяхъ, точно также скорѣе говорятъ въ мою пользу (въ пользу возможной сознательной дѣятельности), чѣмъ въ его. Онъ приводитъ (стр. 405) случай съ магнетизированнымъ мальчикомъ, который, вслѣдствіе частнаго загноенія мозга, совершенно утратилъ память и былъ близокъ къ состоянію идіотизма; но во время сомнамбулическаго сна къ нему не только снова возвращалась память, но онъ даже былъ въ состояніи силою ума, далеко превосходящею высоту дѣтскаго сознанія, вызывать предъ собою все свое прошедшее и даже бросать пророческій взглядъ въ будущее. Этотъ фактъ, даже если онъ единственный въ своемъ родѣ, имѣетъ рѣшающее значеніе. Онъ показываетъ, что въ данномъ случаѣ аппаратъ сознанія не могъ лежать въ мозгу, что душа, охваченная смѣняющейся дѣйствительностью жизни, отъ обыкновеннаго состоянія болѣзненности и идіотизма спасалась въ другой области, которая должна была лежать позади ея больнаго сознанія, такъ какъ результатомъ этого перехода ея была болѣе высокая степень воспоминанія прошлаго. «Эта исторія доказываетъ на основаніи опыта» — какъ выражается объ этомъ превосходный изслѣдователь Пассаванъ — что природа нашего духа не зависитъ отъ его продуктовъ, что разстройство органа,

въ которомъ обнаруживается дѣятельность нашей души, можетъ уничтожить лишь проявленіе духовной способности въ мірѣ явленій, но не самую эту способность; она доказываетъ, что и безъ этихъ органовъ душа можетъ обнаруживать еще болѣе свободную дѣятельность, и въ тѣхъ случаяхъ, когда она менѣе зависитъ отъ продуктовъ своихъ, можетъ развиваться другимъ своеобразнымъ путемъ».

Развѣ такого рода случай не говоритъ противъ безсознательной дѣятельности души? — Не говоритъ ли Фихте самъ (стр. 417), что, такъ какъ духъ въ продолженіи этого (сомнамбулическаго) состоянія обнаруживаетъ сознательную дѣятельность, то онъ вообще способенъ къ сознанію и безъ тѣла и нервнаго аппарата?—Такъ ли это въ дѣйствительности, этого я здѣсь не стану разсматривать; однако несомнѣнно то, что онъ не нуждается именно въ нашемъ аппаратѣ для образованія вообще какого нибудь сознанія, только, конечно, не нашего, человѣческаго. Другаго возможнаго для души аппарата мы не знаемъ; мы никоимъ образомъ не можемъ составить себѣ представленіе о характерѣ возможнаго ея сознанія; но что будто бы все это совершаетъ она безсознательно, за это не говоритъ ни одинъ фактъ, ни одно разумное основаніе. Наоборотъ, именно безсознательная дѣятельность разума представляетъ не мало затрудненій, и Фихте самъ сознается, что онъ выставляетъ ее лишь какъ «метафизическую проблему», на что, конечно, должно смотрѣть какъ на крайнее средство съ его стороны, ибо этимъ уничтожается возможность дальнѣйшихъ доказательствъ.

Если въ основѣ человѣческаго явленія лежитъ реальное существо, то я считаю положительно невозможнымъ возникновеніе этого существа при воспроизведеніи и все, что Фихте говоритъ—и притомъ очень неясно—

о «внутреннемъ дѣленіи родовой души» и объ «индивидуальныхъ душахъ», можетъ лишь подкрѣпить мое воззрѣніе. Воспроизведеніе даетъ лишь зародышъ, матеріалъ: если бы этотъ зародышъ могъ самъ собою столь разумно скомбинироваться въ человѣческое явленіе, тогда, конечно, онъ не нуждался бы въ образующей душѣ; тогда не было бы мѣста для реальнаго организующаго существа; тогда существовала бы лишь, хотя и непонятная, эфемерная комбинація бѣлковыхъ соединеній, отъ которой опять-таки нельзя ожидать образованія единаго сознанія. Но если необходимо для этого особое реальное существо, то оно не можетъ быть рождено, но должно уже существовать раньше, продолжаться долѣе и повторять свое вступленіе въ извѣстный намъ біологическій процессъ.

Я долженъ предоставить читателю самому уяснить себѣ третью главу третьей книги; въ этихъ областяхъ я не могу слѣдовать за Фихте. О вещахъ въ родѣ «акта произрожденія, отдѣленія души отъ родовой души, или раздѣленія замкнутаго духовнаго пола» нельзя спорить. Несомнѣнно только одно, что если индивидуальность этой души, по Фихте, должна сохраниться и за сферою ея воплощенія, то это же должно было бы быть и до воплощенія, и если она обладаетъ еще тѣломъ другаго рода, «эѳирнымъ тѣломъ», образующимъ «схему», которая лишь «наполняется», тогда безсознательность какъ до, такъ и п о с л ѣ воплощенія является предположеніемъ совершенно излишнимъ.

Въ Психологіи Фихте встрѣчаются мысли, стоящія гораздо ближе къ моему міровоззрѣнію, чѣмъ въ Антропологіи, отъ которой первая, особенно въ вопросѣ о сознательныхъ и безсознательныхъ состояніяхъ, нѣсколько отклоняется. Такъ, человѣка Фихте называетъ «чужимъ въ этомъ чувственномъ мірѣ» (10-я страница предисло-

вія) и говоритъ (11-я страница предисловія): «все наше земное бытіе есть лишь одна изъ возможныхъ формъ сознанія, исчезающая при бездѣйствіи органическихъ условій, съ помощью которыхъ она возникаетъ». Онъ высказывается далѣе за «сохраненіе силы въ смѣнѣ способовъ ея проявленія». Онъ говоритъ (стр. 34), что невидимый міръ есть міръ единственно реальный и существующій, который образуетъ прочную основу феноменальнаго чувственнаго міра. Вотъ положенія, которыя не позволяютъ заключать къ безсознательному состоянію души до воплощенія. Тѣмъ не менѣе Фихте ставитъ вопросъ: «Имѣетъ ли индивидуальность одно феноменальное, или же и реальное значеніе?»

Отсюда наши дороги расходятся, во-первыхъ, потому, что Фихте вообще пытается дать отвѣтъ на этотъ вопросъ. «Я» человѣческаго сознанія феноменально; такова ли и душа или не такова—этого мы знать не можемъ; для насъ она во всякомъ случаѣ реальное существо, но такова ли она сама по себѣ — это вопросъ. Точно также и мы, т. е. «я» нашего сознанія сравнительно съ тѣмъ, которое мы видимъ во снѣ, есть реальное существо, и однако сравнительно съ производящими причинами, съ душою или волей, оно феноменально. И такъ стремленіе Фихте сдѣлать изъ души духовную монаду отдѣляетъ меня отъ него прежде всего; для меня индивидуальность есть нѣчто относительное, а не абсолютное. Во-вторыхъ, я отклоняюсь отъ Фихте въ томъ, что я дѣлаю изъ индивидуальнаго воззрѣнія такого рода выводы, какихъ Фихте, какъ мы видѣли, не считаетъ нужнымъ дѣлать, не смотря на то, что они неизбѣжны, какъ, напримѣръ, палингенезисъ.

Всѣ доводы, приводимые Фихте въ пользу индивидуализма, доказываютъ не болѣе, какъ необходимость полагать въ основѣ человѣческой индивидуальности нѣ-

которую другую, т. е. необходимость продленія индивидуальной функціи и съ начала и съ конца; но они нисколько не доказываютъ абсолютной индивидуальности, т. е. безконечнаго продолженія въ обѣ стороны.

Фактъ неоспоримый, что развитіе философіи идетъ медленнымъ шагомъ, и что уже большая заслуга заключается въ томъ, если кто нибудь трудами своими похоронитъ хоть бы одно изъ затрудненій или ложныъ воззрѣній. Работы Гербарта и Фихте имѣютъ своею цѣлью— и настолько онѣ, конечно, всегда будутъ имѣть цѣну— установить основою человѣческаго явленія нѣчто другое, кромѣ одного химическаго сродства. Оба они различными способами доказали невозможность и несовмѣстимость состояній нашего сознанія съ такъ называемой грубой матеріалистической теоріей; они правы, утверждая, что соединеніе и движеніе атомовъ не могутъ вызвать единства сознанія. Но необходимыхъ выводовъ изъ признанія нѣкотораго реальнаго существа въ эфемерной человѣческой организаціи они не хотятъ дѣлать. Если реальный субъектъ существуетъ и организуетъ, то онъ дѣлаетъ и будетъ дѣлать это всегда; тогда «я» нашего теперешняго сознанія обращается въ иллюзію, въ сновидѣніе, обусловленное присущими намъ формами пространства и времени; и этотъ сонъ въ такомъ случаѣ необходимо будетъ часто повторяться.

Если мы теперь соединимъ воедино выводы индивидуалистическихъ системъ, то мы найдемъ, что ни простота души, ни безконечное продолженіе индивидуальной функціи въ обѣ стороны не могутъ быть доказаны, и потому все, что строится на этомъ, оказывается построеннымъ на пескѣ; все-таки сравнительно съ матеріалистическими и біологическими индивидуалистическія теоріи имѣютъ то преимущество, что онѣ признаютъ нѣкоторый—хотя бы и не вполнѣ истинный—факторъ, какъ

основу психологическаго построенія; оттого именно индивидуалисты и дали самыя лучшія работы по психологіи.

Мнѣ кажется, что я оправдалъ выставленное въ началѣ главы утвержденіе, что хотя индивидуальный факторъ (x какъ вѣчное единичное существо въ xy) не можетъ быть отвергнутъ, какъ нѣчто немыслимое, но что такое предположеніе столь же бездоказательно, какъ и излишне. Что же касается построенныхъ на этомъ предположеніи философскихъ системъ, то ни одна изъ нихъ не дала себѣ яснаго отчета объ относительности понятія индивидуальности. Если это x дѣйствуетъ въ организмѣ, то оно дѣйствуетъ во всякомъ случаѣ съ самаго начала біологическаго процесса на нашей планетѣ; оно связано поэтому съ той самой эпохи съ обществомъ другихъ простыхъ существъ, и съ ихъ помощью оно организуетъ. Абсолютный индивидуализмъ, проведенный безъ предвзятыхъ мыслей и послѣдовательно, приводитъ насъ какъ разъ къ тому, куда привела насъ вещественная комбинація (xy) или индивидуальная функція великаго всеединаго міроваго принципа (x).

Мы должны отказаться отъ рѣшенія вопроса о томъ, что собственно дѣйствуетъ въ xy, и можемъ и должны удовольствоваться для этой неизвѣстной величины обыкновеннымъ выраженіемъ «душа»; для продолжительности же индивидуальной функціи этого xy мы должны взять по крайней мѣрѣ продолжительность біологическаго процесса, если хотимъ разрѣшить загадку біологическаго развитія организмовъ, понять гармонію разныхъ функцій и согласить величіе природы съ ея кажущеюся жестокостью.

Ближайшая глава имѣетъ своею задачею еоединить disjecta membra моего индивидуализма, оправдать и показать въ болѣе ясномъ свѣтѣ его выводы.

VIII.

Индивидуализмъ въ свѣтѣ философіи.

Такъ какъ мое пониманіе индивидуализма отчасти уже выяснилось въ предъидущихъ главахъ, то здѣсь я хочу въ краткихъ чертахъ воспроизвести весь образъ защищаемаго мною ученія.

Мы не знаемъ, какъ возникла жизнь даже на самыхъ низшихъ стадіяхъ развитія, и должны удовлетвориться знаніемъ лишь того, что органическая жизнь—хотя бы и на базисѣ естественныхъ законовъ—все-таки представляетъ собою только комбинацію извѣстныхъ и неизвѣстныхъ элементовъ, дѣлающихъ возможной структуру и, посредствомъ нея, извѣстныя намъ органическія отправленія. Но какъ образуется эта структура, этого мы у біологовъ не узнали; ибо борьба за существованіе и приспособленіе обусловливаютъ лишь позднѣйшее развитіе отдѣльныхъ органовъ; живая же атомная комбинація является по отношенію къ нимъ уже раньше ихъ существующимъ фактомъ, а въ ней-то вѣдь и заключается вся загадка.

Конечно, нельзя отрицать, что половой подборъ производитъ извѣстное вліяніе и что выходящіе изъ тѣла родителей зародыши заключаютъ въ себѣ способныя къ наслѣдственности предрасположенія; однако образованіе

этихъ зародышей, коихъ цѣлесообразный характеръ очевиденъ, продолжаетъ оставаться неразрѣшимой тайной. Опредѣленныя клѣточки сами по себѣ столь же мало могутъ располагать собою, какъ и клѣточныя кучи; а что для этого недостаточна такъ называемая полярность, дѣятельность, имѣющая мѣсто въ образованіи кристалловъ,—это мы тоже видѣли.

Мои читатели, вѣроятно, помнятъ, что Спенсеръ, вопреки этой полярности, долженъ былъ обратиться къ нѣкоторому присущему органическимъ единицамъ стремленію, находящемуся въ нихъ въ «скрытомъ состояніи». Физіологическія единицы или морфологическія клѣточки, какъ бы ихъ ни называли, оказались лишь необходимымъ строевымъ матеріаломъ, и всѣ попытки сдѣлать изъ нихъ строителя индивидуумовъ высшаго порядка должно разсматривать какъ совершенно неудачныя; точно также никогда не удастся доказать, что безчисленныя единицы могутъ образовать единый въ мысли, чувствѣ и самосознаніи организмъ безъ помощи нѣкотораго агента.

Рядомъ съ этимъ должна быть признана несостоятельной и попытка Геккеля, что будто бы органическое развитіе можетъ быть объяснено изъ одного химическаго сродства при существованіи мнимо-безструктурныхъ организмовъ и однородности элементовъ внутри и внѣ организмовъ. Попытка несостоятельна, потому что прежде всего мы не имѣемъ гарантій въ томъ, что каждая структура и каждый элементъ доступны нашему воспріятію; но если бы даже и такъ, то все-таки тайна организаціи продолжала бы существовать, такъ какъ она вѣдь заключается не въ составныхъ частяхъ ея, а въ ихъ сочетаніи. Химическія свойства обусловливаютъ, правда, возможность органическихъ сочетаній; но послѣднія предустановленно вовсе въ нихъ не заключаются. При-

чина, почему многіе склоняются къ такому мнѣнію, лежитъ въ зависимости организмовъ отъ химическаго сродства. Безъ сомнѣнія это послѣднее необходимо, какъ предварительное условіе органической дѣятельности, такъ что если бы существовали другія физическія отношенія, мы имѣли бы другую органическую дѣятельность, и если бы совсѣмъ не существовало физическихъ силъ, могущихъ прійти въ сочетаніе, то не возникла бы и самая органическая дѣятельность. Но и замѣчательнѣйшіе естествоиспытатели никогда не колебались утверждать, что они не знаютъ, почему и какъ происходитъ группировка опредѣленнаго числа атомовъ въ опредѣленныя организованныя образованія. Самъ Геккель сознается, что мы обладаемъ лишь знаніемъ морфологическихъ фактовъ (М. 2 т. стр. 16), но не познаніемъ ихъ физико-химическихъ причинъ. Точно также ему не удалось оспорить у органической жизни и цѣлесообразную дѣятельность.

Фактъ существованія цѣлесообразныхъ поступковъ заставляетъ насъ полагать въ чемъ либо начало постановки цѣлей, и мы никоимъ образомъ не имѣемъ права, приписывая человѣку телеологическую дѣятельность, отнимать её у природы, производящей человѣка; признавать её въ нашихъ сравнительно немощныхъ произведеніяхъ и отрицать у чудесъ природы. Измѣняемость и разнообразіе видовъ путемъ приспособленія, даже самое понятіе «органъ» были бы невозможны безъ цѣлесообразной дѣятельности въ органическомъ развитіи. При критикѣ выводовъ естествознанія мы пришли къ убѣжденію, что біологи обыкновенно придаютъ слишкомъ большое значеніе своимъ выводамъ, ибо они условія дѣйствія принимаютъ за самое дѣйствіе. Результаты біологическихъ изслѣдованій не исключаютъ такимъ образомъ предположенія о существованіи содѣйствующей

организаціи, хотя бы при всемъ томъ и неизвѣстной величины; эта послѣдняя не только не излишня,—она даже необходима, а это и есть то, что мы хотѣли доказать.

Не смотря на то, біологи совершенно правы, когда они считаютъ единственно надежной точкой исхода такъ называемыя вещественныя соединенія и присущія имъ силы. Такъ какъ всякій способъ объясненія долженъ признать необходимость атомныхъ соединеній, то эти послѣднія должны обратить на себя особенное, полное вниманіе. То же обстоятельство, что послѣдніе элементы этихъ соединеній недоступны нашимъ чувствамъ и суть только мыслимые математическіе центры силъ, на которые никогда не распадается нашъ организмъ—дѣлаетъ возможнымъ, не колеблясь, признать, что обусловливающая или вызывающая жизнь вещественная комбинація, что̀ бы въ ней ни заключалось и ни дѣйствовало, обладаетъ болѣе продолжительной индивидуальной функціей, чѣмъ жизнь организма; вслѣдствіе чего и положеніе—исторія зародыша есть ничто иное, какъ повтореніе исторіи племени—получаетъ особенное, болѣе глубокое значеніе.

Такого рода индивидуализмъ находится, конечно, въ значительномъ разногласіи съ другими индивидуалистическими системами. Если въ основѣ организма лежитъ нѣкоторое реальное существо, то ясно, что оно не обязано своимъ существованіемъ воспроизведенію, какъ это думаютъ нѣкоторые, но что оно должно было существовать раньше; но тутъ другіе, признавая предсуществованіе этого фактора, не хотятъ однако понять, что неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такого взгляда должно быть болѣе или менѣе частое воплощеніе реальнаго существа въ извѣстныя намъ органическія формы. Старанія индивидуалистовъ спасти въ этомъ случаѣ по крайней мѣрѣ наше «я» являются безуспѣшными, потому что это

«я» представляетъ ничто иное, какъ плодъ преходящей организаціи. Къ тому же съ признаваемой большинствомъ простотою реальныхъ существъ теряется возможность ихъ сознанія, а вмѣстѣ съ нею всякое нравственное значеніе этихъ теорій.

Міръ несомнѣнно есть хаосъ индивидуальныхъ существъ, каковой хаосъ повидимому находится поперемѣнно то въ болѣе разсѣянномъ, то въ болѣе концентрированномъ состояніи и обнаруживаетъ, по крайней мѣрѣ въ органической природѣ, нехаотическую, опредѣленную дѣятельность. Если реальное существо индивидуалистовъ должно войти, какъ простая метафизическая сущность, изъ хаоса въ органическое явленіе, тогда построенное на этомъ предположеніи безсмертіе является иллюзіей, и всякое практическое различіе между индивидуалистами и матеріалистами совершенно исчезаетъ. Индивидуалистическія системы существовавшія доселѣ бездоказательны въ своихъ основахъ, непонятны въ своемъ приложеніи и выводахъ.

Что же касается монистическихъ системъ, которыя безъ сомнѣнія имѣютъ болѣе всего права на признаніе, и подъ которыми я разумѣю философію Шопенгауэра и Гартмана, то мы видѣли, что, съ одной стороны, нѣтъ нудящей необходимости полагать начало индивидуальной функціи съ момента воспроизведенія или рожденія, тогда какъ, съ другой стороны, преждевременное прекращеніе ея является только помѣхой для усовершенствованія и развитія. Мы видѣли далѣе, что и разумная цѣль жизни и удовлетворительная мораль теряютъ всякое значеніе въ міровоззрѣніи Шопенгауэра и Гартмана, что однако вовсе не является необходимымъ слѣдствіемъ изъ основоначалъ ихъ философіи, но лишь изъ преждевременнаго уничтоженія индивидуальной функціи. Если мы соединимъ воедино общіе всѣмъ системамъ

выводы, то мы получимъ слѣдующія неоспариваемыя ни одною изъ нихъ положенія.

Въ одномъ пунктѣ всѣ согласны, именно, что сознаніе есть иллюзія, обусловленная организмомъ и зависимая отъ него.

Ближайшимъ, хотя и недостаточно оцѣненнымъ нѣкоторыми системами, слѣдствіемъ этой истины является очевидная необъяснимость процесса образованія этой иллюзіи, ибо условія, дѣлающія возможной иллюзію сознанія представляютъ неизбѣжное препятствіе для изученія собственно процесса возникновенія сознанія—и одно въ извѣстной степени уничтожаетъ другое. Требовать этого, по моему, тоже самое, что желаніе видѣть фейерверкъ при дневномъ свѣтѣ: человѣческое сознаніе, иллюзію нашего «я» душа въ состояніи представлять себѣ то же лишь... въ своей ночи.

Когда я грежу во снѣ, тогда дѣйствительность перестаетъ для меня существовать, и наоборотъ. Что какая нибудь система не можетъ удовлетворительно объяснить органическую жизнь—этого нельзя ставить ей въ упрекъ, ибо этотъ послѣдній можетъ быть обращенъ только къ тѣмъ, кто воображаетъ себѣ, что онъ объяснилъ ее. Можно, конечно, установить извѣстныя границы, въ которыхъ происходитъ процессъ, но истинное пониманіе необходимо связано съ разрушеніемъ иллюзіи, а это разрушеніе равняется смерти человѣческаго сознанія.

Дальнѣйшимъ слѣдствіемъ иллюзіонной природы нашего сознанія является относительность понятія объ индивидуальности, относительность, которую никогда нельзя выпускать изъ виду.

Впрочемъ существуютъ еще другія точки соприкосновенія между тремя взаимно противоположными воззрѣніями. Если біологъ въ концѣ концовъ все-таки при-

нужденъ призвать на помощь «непознаваемое», «агентъ», потому что вещество и химія его удовлетворить не могутъ, то съ другой стороны, и философъ—будь онъ монистомъ или индивидуалистомъ—не можетъ обойтись безъ вещественнаго соединенія. Поэтому ни одна изъ трехъ партій не можетъ совершенно отказаться отъ своей точки зрѣнія, каждая изъ нихъ имѣетъ въ своемъ ученіи вѣрныя и неоспоримыя положенія.

Защищаемый мною индивидуализмъ обладаетъ тѣмъ рѣшительнымъ преимуществомъ, что онъ, вслѣдствіе своей относительности, въ случаѣ нужды можетъ быть поставленъ на каждое изъ этихъ трехъ основаній, хотя, конечно, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что монистическое есть его естественное основаніе. Организующая душа есть, по моему глубокому убѣжденію и на основаніи многихъ опытовъ, во всякомъ случаѣ нѣчто постепенно образовавшееся, и каждый можетъ объяснять первоначальное происхожденіе ея по своимъ познаніямъ, чувствамъ и мыслямъ, только пусть избавятъ меня отъ утвержденія, что будто бы организующая дѣятельномъ зародыша имѣетъ свою вполнѣ достаточную основу въ непосредственной и въ неопосредствованной дѣятельности извѣстныхъ атомовъ, или неизвѣстныхъ монадъ, или нѣкотораго метафизическаго принципа; этимъ мы нисколько не выиграли бы въ пониманіи дѣла, а лишь должны бы были признать окружающій насъ міръ необъяснимымъ, неразумнымъ и безнравственнымъ.

Прежде чѣмъ приступить къ построенію индивидуализма, мы должны посмотрѣть, какія формы индивидуальности знаемъ мы до сихъ поръ.

На какую бы точку зрѣнія мы ни становились, съ однимъ должны мы безусловно согласиться, что вся природа представляется намъ какъ совокупность атомовъ-

индивидуумовъ или единичныхъ существъ, потому что мы можемъ все разложить на нихъ; и сколько бы ни было единичныхъ существъ, которыхъ мы не знаемъ, и какія бы силы ни принимали мы для различныхъ сочетаній, отъ небесныхъ тѣлъ до клѣточки или водяной капли: существованіе атомовъ-индивидовъ стоитъ непоколебимо. Лишь объединеніе и взаимное сближеніе этихъ невидимыхъ нами единичныхъ существъ даютъ начало тѣмъ дѣйствіямъ на насъ и въ насъ, изъ которыхъ создаются въ нашемъ сознаніи представленія вещества и матеріи. Не смотря на то, что мы никогда не видѣли и не ощущали отдѣльнаго атома, однако косвеннымъ путемъ мы пріобрѣли достовѣрность его бытія. Откуда беретъ онъ свое существованіе, это для насъ необъяснимо и по счастью совершенно безразлично; можетъ быть, онъ обязанъ своимъ существованіемъ «Безсознательному», Творцу или «Волѣ», можетъ быть онъ отъ вѣчности существуетъ изъ и чрезъ самого себя, но пока не исчезнетъ міръ, также несомнѣнно не исчезнетъ и онъ, какъ на солнцѣ, такъ и на поверхности и въ глубинѣ земли.

Кажущаяся пассивность и косность вещества могла вызвать названіе мертвой матеріи въ противоположность живой природѣ, хотя то, что мы разумѣемъ подъ именемъ вещества или мертвой матеріи, есть лишь совокупность таинственныхъ существъ, обличающихъ ложность этого названія; ибо эти существа всегда дѣятельны въ своихъ свойствахъ притяженія, химическаго сродства и т. д. Какова природа этихъ стоящихъ вслѣдствіе притяженія въ вѣчномъ взаимоотношеніи со всею вселенною, невидимыхъ и непонятныхъ существъ, откуда они происходятъ и наконецъ сколько ихъ, этого не можетъ сказать намъ естествознаніе; оно не можетъ отвѣтить

намъ и на то, существуютъ ли кромѣ извѣстныхъ приблизительно 70 элементовъ еще другіе, или можетъ быть ихъ менѣе, потому что нѣкоторые—напримѣръ металлы—можно разсматривать лишь какъ варіаціи нѣсколькихъ элементовъ, а не какъ самобытныя начала. Мы знаемъ лишь, что вообще атомы-индивиды существуютъ и необходимы для продолженія міра.

Кромѣ этой категоріи индивидовъ существуетъ еще другая категорія безчисленныхъ существъ, которыя хотя и представляютъ уже извѣстныя атомныя соединенія, тѣмъ не менѣе также принимаются обыкновенно за индивидовъ; это такъ называемые одноклѣточные организмы. Понятно, что здѣсь можетъ быть рѣчь лишь объ относительной индивидуальности, потому что, во-первыхъ, они представляютъ уже нѣкоторое соединеніе атомовъ, а во-вторыхъ, обладаютъ очень ограниченною продолжительностью функціи; оттого они не могутъ быть сопоставляемы съ атомами въ собственномъ смыслѣ, а только съ соединеніями въ безжизненной природѣ.

Доступная нашимъ чувствамъ индивидуальность этихъ клѣточныхъ существъ состоитъ единственно въ ихъ формальномъ сочетаніи, потому что, разъ разрушимъ мы это послѣднее, вмѣстѣ съ тѣмъ перестанетъ для насъ существовать и индивидуумъ клѣточки, хотя сѣра и останется сѣрой, даже если она будетъ разбита въ куски.

Атомъ органической жизни есть клѣточка, сочетаніемъ которой съ другими клѣточками создаются чудеса органическаго міра. Она есть та единица, изъ которой образуются сложные организмы, хотя сама по себѣ она есть лишь сложное соединеніе атомовъ, въ коемъ эти послѣдніе и присущія имъ силы служатъ цѣлямъ клѣточки.

Что̀ необходимо для объединенія извѣстнаго числа

атомовъ-индивидовъ въ клѣточку или амебу, на это точно также не могла намъ отвѣтить наука; мы узнали лишь нѣкоторыя условія, при которыхъ возможно и обыкновенно происходитъ это объединеніе.

Однако кромѣ этихъ двухъ группъ индивидуумовъ, именно атомовъ и клѣточекъ, имѣемъ мы еще и третью, и это есть категорія многоклѣточныхъ организмовъ; для нихъ уже отдѣльныя клѣточки представляютъ тѣ единицы, изъ которыхъ слагаются высшіе организмы. Эти клѣточки, подобно камнямъ, входятъ въ органическое строеніе, отчего ихъ и называютъ именемъ пластидъ, физіологическихъ или морфологическихъ единицъ и т. д.

Объ этой группѣ индивидуумовъ знаемъ мы еще менѣе, чѣмъ о предъидущихъ; наука указываетъ лишь на отдѣльныя условія и процессы развитія и отправленія и не болѣе. Эти клѣточные комплексы обладаютъ не одною только внѣшнею индивидуальностью, подобно полипу, морулѣ и т. д., но и внутреннею: они имѣютъ болѣе или менѣе развитое самосознаніе.

Мы познакомились съ различными отвѣтами на вопросъ о томъ, вслѣдствіе чего образуется индивидуальная личная функція клѣточнаго комплекса, такъ же, какъ и со слабыми сторонами этихъ отвѣтовъ. Нужно ли намъ аппелировать къ метафизическому принципу, или приписывать эту функцію неизвѣстному единичному существу, или прямо извѣстному углеродному соединенію—это для насъ безразлично, просто потому, что ни одно изъ этихъ предположеній нисколько не объясняетъ и не успокоиваетъ насъ относительно происхожденія, развитія и будущности организмовъ. Что выиграю я въ пониманіи дѣла, если при образованіи каждаго организма я долженъ или прибѣгать къ неизвѣстной монадѣ и

недоказанному всемогуществу атомовъ, или призывать на помощь безсознательное всеединство?

Тѣмъ не менѣе у каждаго изъ этихъ воззрѣній можно кой-чему научиться; совершенно неправымъ не можетъ быть ни одно изъ нихъ, и несомнѣнно должны существовать данныя, обусловливающія возникновеніе этихъ взглядовъ; не мало найдется—въ этомъ также нельзя сомнѣваться—и простыхъ недоразумѣній, такъ какъ различнѣйшіе защитники этихъ теорій все-таки имѣютъ достаточно знанія и ума для того, что бы не считать ихъ воззрѣнія совершенно необоснованными.

Но если эти три воззрѣнія ни неоспоримы, ни совершенно бездоказательны, то тѣмъ болѣе мы въ правѣ сдѣлать попытку объясненія индивидуальной функціи организмовъ въ томъ смыслѣ, который уже отчасти извѣстенъ моимъ читателямъ, такъ какъ въ предъидущихъ главахъ онъ уже достаточно проглядывалъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы считаемъ нужнымъ замѣтить, что, кромѣ указанныхъ нами индивидуальныхъ группъ, могутъ существовать еще многія другія; такъ напримѣръ небесныя тѣла можно также назвать индивидуумами; давъ просторъ фантазіи и положившись на аналогію, можно пожалуй предположить, что организмы одной планеты играютъ роль клѣточекъ въ нѣкоторомъ другомъ индивидуумѣ, что существуютъ дурно и хорошо развившіяся небесныя тѣла и т. д. Мысль сравнивать комбинацію организмъ съ государствомъ—что такъ часто дѣлается—нельзя признать счастливою. Государство имѣетъ своею цѣлью благополучіе своихъ жителей, даже и въ монархіи; у организма же совершенно наоборотъ. Поэтому государство немощно, когда эта цѣль забывается; организмъ же немощенъ, когда клѣточки дѣйствуютъ въ своихъ собственныхъ интересахъ и этимъ какъ бы поднимаютъ революцію;

государство представляетъ клѣточную кучку, а не физiологическiй индивидъ.

Но, какъ клѣточка не можетъ оглядѣть весь нашъ организмъ, такъ и мы не можемъ оглядѣть высоты мiровой организацiи! Одно только можно принять, какъ несомнѣнное, что наша планета если не самая худшая по развитiю, то ужъ конечно и не самая лучшая. Я могу безъ труда представить себѣ лучшую организацiю и общество, гдѣ любовь и солидарность настолько-же обращаютъ въ рай какую нибудь планету, насколько эгоизмъ и разрозненность дѣлаютъ нашу планету адомъ.

Что же можетъ быть принято безусловно и безъ споровъ?

Человѣческiй и всякiй другой организмъ представляютъ несомнѣнно извѣстныя сочетанiя невидимыхъ атомовъ-индивидовъ, которыми именно и обусловливается физическая природа организмовъ; вѣдь сами физики принимаютъ существованiе недоступныхъ воспрiятiю эѳирныхъ атомовъ, съ помощью которыхъ они стараются объяснить нѣкоторыя особенности физическихъ явленiй и существованiе которыхъ должно—или, по крайней мѣрѣ, можно—мыслить повсюду. Наконецъ вполнѣ возможно, что кромѣ этихъ, отчасти доказанныхъ, отчасти предполагаемыхъ, существуютъ еще другiя, можетъ быть необходимыя для органическаго развитiя молекулы, подобно тому, какъ существуютъ такъ называемые атомы вѣсомой матерiи и невѣсомаго эѳира. Во всякомъ случаѣ, имѣемъ ли мы дѣло съ извѣстными или неизвѣстными частицами въ организмахъ, мы должны признать въ органической дѣятельности нѣкоторую неизвѣстную величину. Простая она или сложная, состоитъ ли она изъ извѣстныхъ или изъ неизвѣстныхъ элементовъ,—это въ концѣ концовъ безразлично; во всякомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ нѣкоторымъ вещественнымъ соединенiемъ. Точно также безразлично, составляетъ ли это послѣднее про-

дуктъ «Безсознательнаго», или нѣтъ, какіе элементы въ немъ заключаются, и изъ сколькихъ атомовъ оно состоитъ. Нѣкоторое вещественное соединеніе (*xy*) есть во всякомъ случаѣ первый, извѣстный намъ, источникъ жизни.

Мы говорили уже о допустимости, вѣроятности и слѣдствіяхъ прохожденія чрезъ многіе организмы нѣкотораго вызывающаго жизнь соединенія, и нашли, что, если существуетъ какая нибудь сила или способность или вообще нѣчто, будь оно даже только неизвѣстнымъ соединеніемъ извѣстныхъ частицъ, обусловливающихъ происхожденіе изъ углероднаго сочетанія существа съ видимыми жизненными отправленіями, это нѣчто можетъ существовать какъ до, такъ и послѣ видимой нами жизненной функціи. Это нѣчто, эта неизвѣстная величина вѣроятно мало по малу достигаетъ не только того, что атомы соединяются въ клѣточки, но и того, что клѣточки располагаются въ организмы. Я говорю «вѣроятно», потому что безъ сомнѣнія возможно, что силы или вещественныя соединенія, формирующія клѣточки въ организмы, радикально отличны отъ тѣхъ, которыя объединяютъ атомы въ клѣточки. Это неизвѣстное «нѣчто» представляетъ собою «жизнь», которая можетъ быть какъ теллурическаго, такъ и космическаго характера. Видимое нами сочетаніе въ клѣточный комплексъ есть извѣстная форма проявленія этой «жизни»; между этими понятіями существуетъ то же различіе, что и между «душою» и «я».

Замѣчательное обстоятельство, что всѣ соединенія неорганической природы могутъ быть разрушены лишь внѣшнею силою и воздѣйствіемъ, тогда какъ извѣстныя намъ органическія явленія носятъ исключительно въ себѣ самихъ условія своего разрушенія. Уже одного этого обстоятельства было бы достаточно для обличенія того общераспространеннаго заблужденія, что сущность ор-

ганическаго развитія заключается единственно въ извѣстной намъ видимой формѣ явленій, а не въ обусловливающей её причинѣ, въ организующей душѣ, которая, по всей вѣроятности, не есть нѣчто простое, а сложное, безъ каковой сложности не только не мыслима, но не могла бы даже и существовать органическая дѣятельность. Заблужденіе главнымъ образомъ коренится въ томъ, что человѣка хотятъ привести въ непосредственную связь съ отдаленными отъ него первоначальными причинами, какимъ бы характеромъ онѣ ни отличались.

Человѣкъ, по моему убѣжденію, не обязанъ своимъ существованіемъ ни заключающемуся въ зародышѣ бѣлковому соединенію, т. е. однимъ атомамъ какъ таковымъ, ни нѣкоторому впродолженіи милліоновъ лѣтъ безсознательно дѣйствующему и достигшему сознанія единичному существу, ни, наконецъ, метафизическому принципу въ качествѣ его индивидуальной функціи. Человѣкъ есть сплоченная форма явленія нѣкотораго не простаго, но, по всѣмъ доводамъ разума и вѣроятности, сложнаго существа, развитіемъ котораго обусловливается прогрессъ, цѣль и все то, что мы въ нашемъ самомнѣніи склонны относить къ самимъ себѣ, но чего къ сожалѣнію не находимъ въ нашемъ земномъ бытіи. Hinc illae lacrimae о злѣ въ мірѣ! (Мы потомъ возвратимся къ этому вопросу). Лишь когда мы встанемъ на эту точку зрѣнія, у насъ нѣсколько прояснится пониманіе; впрочемъ надлежащей полноты оно никогда не достигнетъ въ нашемъ сознаніи.

Страданіе и смерть суть необходимыя условія прогресса; шалашъ можно расширить и разукрасить, и все-таки въ концѣ концовъ онъ долженъ уступить мѣсто другому строенію, потому что самыя основанія его уже служатъ препятствіемъ прогрессу. Явленія (люди и

организмы) представляютъ собою не столько цѣль, сколько средство для извѣстныхъ цѣлей, а потому и все наше бытіе, понимаемое въ смыслѣ цѣли, не можетъ быть оправдано, не можетъ быть соединено съ разумною міровою цѣлью. Пессимизмъ является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ для того, кто ставитъ цѣль міра въ связь съ человѣческимъ бытіемъ. Наше человѣческое сознаніе не можетъ быть послѣднею цѣлью въ природѣ, но лишь преходящею цѣлью нашего бытія.

Пессимизмъ по отношенію къ человѣческой жизни столь же старъ, какъ и міръ. Христіане и индійцы, Иннокентій III *) и Шопенгауэръ держатся здѣсь одного мнѣнія, они расходятся лишь во взглядѣ на конечныя цѣли жизни. Для всѣхъ жизнь представляется темницей, изъ которой оптимизмъ христіанской вѣры ведетъ человѣка къ вѣчному блаженству, а пессимизмъ Шопенгауэра и Гартмана видитъ спасеніе лишь во всеобщей смерти. Я не могу присоединиться ни къ тому, ни къ другому мнѣнію; мой индивидуализмъ дѣлаетъ изъ міра процессъ развитія, смотритъ на него какъ на школу, которой нельзя миновать, потому что путь постепеннаго развитія, можетъ быть, безконеченъ, и каждый участвуетъ въ немъ, если не съ равнымъ, то всегда съ зависящимъ отъ самого себя успѣхомъ.

Вопросъ о мыслимой природѣ души и о возможномъ значеніи для нея исчезающаго человѣческаго сознанія я пытался разобрать въ общихъ чертахъ въ другомъ моемъ сочиненіи. Тамъ (Philosophie des gesunden Menschenverstandes) говорится на страницѣ 264:

«Послѣ этихъ безплодныхъ попытокъ читатель пойметъ, какъ легко попасть въ лабиринтъ, если, оставивъ чисто отрицательную точку зрѣнія, мы рѣшимся про-

*) Папа Иннокентій III рисуетъ въ своемъ сочиненіи De contemptu mundi ужасающую картину человѣческаго существованія.

никнуть въ глубину трансцендентной области. Можно сказать съ достовѣрностью лишь одно, что сущность нашего явленія не лежитъ въ нашемъ сознаніи; что извѣстное заключающееся въ отдѣльномъ зародышѣ вещество не можетъ быть организующимъ принципомъ; что наконецъ человѣческое явленіе не можетъ имѣть непосредственной основой «волю» Шопенгауэра или, вообще, соотвѣтствующую ей всеединую природную силу, и потому корни индивидуальности должны переступать предѣлы человѣческаго явленія. Все остальное не болѣе, какъ шаткія спекуляціи.

Если мы изъ трехъ положеній:

1) сознаніе есть лишь рефлексъ намъ неизвѣстныхъ и непонятныхъ мозговыхъ процессовъ;

2) органическое строеніе обнаруживаетъ намѣреніе и разумъ, которыхъ не имѣетъ и не можетъ имѣть извѣстное намъ вещество;

3) корень индивидуальности переходитъ границы человѣческаго явленія—построимъ понятіе души, на достовѣрность котораго въ данномъ случаѣ мы можемъ положиться, то мы получимъ полное основаніе утверждать:

душа, какъ начало организующее, должна обладать разумомъ, намѣреніемъ, волей;

она должна быть въ нѣкоторомъ смыслѣ вещественной, потому что воздѣйствуетъ на вещество и образуетъ изъ него органы;

она должна быть организованною, потому что встрѣчаются признаки воспріятій, позволяющіе заключать, что душа вслѣдствіе своей организаціи находится въ существенно другихъ физическихъ условіяхъ, особенно въ другихъ условіяхъ пространства и времени...

Здѣсь обрывается нить доказаннаго для трансцен-

дентной области и смѣняется рядомъ вѣроятностей, наконецъ только возможностей; все это со временемъ исчезнетъ подобно родословному древу человѣка, образующему пробѣлы уже въ немногихъ генераціяхъ, но желающему во что бы то ни стало дойти до протоплазмы и далѣе!»

Употребленное здѣсь выраженіе «иныя физическія условія» можетъ легко повести къ недоразумѣніямъ и требуетъ разъясненія. Это фактъ, что большинство людей живетъ въ заблужденіи, будто бы могутъ объективно существовать двоякаго рода физическія условія, именно міръ внутри и міръ внѣ законовъ природы; въ этомъ ложномъ представленіи находили пищу противоположенія неба и земли, духа и тѣлеснаго міра, всемогущества и закономѣрности. Къ сожалѣнію, съ другой стороны достовѣрно и то, что обыкновенно всѣмъ, кто не удовлетворяется всемогуществомъ углерода, сейчасъ же дѣлаются открытые или молчаливые упреки въ томъ, что будто бы они живутъ въ подобномъ же заблужденіи—упреки, которые однако основываются по меньшей мѣрѣ на недоразумѣніи.

Метафизики, по моему мнѣнію, быть не можетъ; но можетъ быть—sit venia verbo—мета-организмъ; это значитъ, что другая неизвѣстная намъ организація во всякомъ случаѣ мыслима и возможна; но такъ какъ физическія условія отличаются относительнымъ характеромъ, именно для каждой органической формы они другія, то мы имѣемъ полное право сказать, что могутъ существовать другія физическія условія, какъ напримѣръ говорятъ: рыба живетъ въ другихъ физическихъ условіяхъ, чѣмъ человѣкъ. Даже о современномъ поколѣніи можно сказать, что оно съ открытіемъ паровой машины, телеграфовъ и телефоновъ стало жить въ другихъ физическихъ условіяхъ. Природа конечно не измѣнилась, но наши

органы получили подспорье, вслѣдствіе чего мы очутились въ иныхъ физическихъ условіяхъ. Паровая машина въ громадныхъ размѣрахъ усиливаетъ нашу руку; точно также телескопъ и телефонъ—наши органы зрѣнія и слуха. Мы не знаемъ какія изобрѣтенія и открытія можетъ сдѣлать и сдѣлаетъ еще человѣчество, однако мы не видимъ необходимости аппелировать къ неизвѣстнымъ силамъ природы, когда извѣстныя совершенно достаточны для того, чтобы воспроизвести передъ нами другую картину міра.

Если мы приступимъ къ объясненію явленій производимыхъ свѣтомъ, теплотой, звукомъ или электричествомъ, мы прежде всего натолкнемся на колебанія, быстроту которыхъ измѣряютъ въ 40,000—60,000 миль въ секунду и которыя органами нашихъ чувствъ превращаются въ представленія. Мы сами можемъ посредствомъ зрительныхъ трубъ, зажигательныхъ стеколъ, телефоновъ и телеграфовъ сдѣлать наши органы гораздо болѣе чувствительными къ этимъ колебаніямъ. Правда, мы не въ состояніи построить организмъ или нашъ представляющій аппаратъ, но мы въ состояніи сдѣлать инструменты, которые еще болѣе, чѣмъ нашъ организмъ, восіимчивы къ различнымъ колебаніямъ. Кто могъ бы въ этомъ случаѣ рѣшиться утверждать, что такая сравнительно большая чувствительность къ колебаніямъ была бы невозможной, немыслимой въ организмѣ?

Если же мы предположимъ такое гипотетическое существо, которое гораздо чувствительнѣе ко всѣмъ этимъ колебаніямъ,—настолько чувствительно, что оно не нуждается даже въ телескопѣ, чтобы видѣть планеты въ самомъ близкомъ отъ себя разстояніи, въ проволокѣ, чтобы проводить и ощущать вибрацію,—то развѣ не находилось бы такое существо въ совершенно другихъ физическихъ условіяхъ?—Два такія существа столь же

мало стѣснялись бы въ своихъ сношеніяхъ разстояніемъ подобнымъ лунному, какъ мы въ нашихъ сношеніяхъ съ ближайшей окрестностью.

Различные организмы различно распоряжаются пространствомъ и временемъ, различно реагируютъ на воздѣйствія, такъ что физическія условія, неизмѣнныя сами по себѣ, для различныхъ индивидуальностей всегда совершенно относительны. Когда мы, люди, говоримъ, что солнце отдалено отъ насъ на двадцать милліоновъ миль, то вѣдь это мы высказали такое отношеніе; мѣра, употребляемая нами, лежитъ вѣдь въ нашей же головѣ. Конечно мы не можемъ составить себѣ представленія о существенно другой организаціи, но она все-таки мыслима, т. е. она возможна и допустима; намъ нужно только перенести усовершенствованіе, производимое нами съ проекціями нашихъ органовъ (напримѣръ съ зрительной трубою и электрической проволокой какъ съ проекціями глаза и нервовъ) на самые органы.

Смѣна душою организацій повидимому имѣетъ большое значеніе для ея развитія, ибо въ природѣ все мощно вторгается въ біологическій процессъ. Если бы меня спросили, въ чемъ же заключается это значеніе, то предварительно я могъ бы отвѣтить на этотъ вопросъ только сравненіемъ, набросавъ картину отношеній нашего видимаго бытія къ мыслимому существованію души. По самому существу дѣла мы можемъ выражать наши мысли о такъ называемой трансцендентальной области *) лишь приблизительно, въ чувственныхъ образахъ.

*) Я долженъ, чтобы избѣжать недоразумѣній, разъяснить также и выраженіе «трансцендентальная область». По моему мнѣнію нѣтъ трансцендентальной области въ собственномъ смыслѣ; существуетъ только одинъ міръ и много различныхъ способовъ воззрѣнія, т. е. формъ организаціи; оттого есть вещи, фактически воспринимаемыя извѣстною организаціею, и вещи, доступныя одному только

Подобно тому какъ жизнь человѣка слагается изъ длиннаго ряда прожитыхъ дней и проведенныхъ въ сновидѣніяхъ ночей, причемъ предъидущіе дни оказываютъ свое неизбѣжное вліяніе на послѣдующіе, и подобно тому, какъ сновидѣнія могутъ переносить человѣка въ различнѣйшія, совершенно несходныя съ его образомъ жизни положенія, точно также и организующая дѣятельность души можетъ прерываться хотя и часто, но лишь повидимому; матеріалъ же для развитія находитъ она въ чувственномъ бытіи, какъ во снѣ мы находимъ силы для денной работы. Что извлекаетъ душа изъ этого сна, свободный ли онъ, необходимый ли, полезный ли—этого мы не знаемъ; безцѣльнымъ его ни въ какомъ смыслѣ назвать нельзя, за это ручается намъ прогрессъ организацій и организаціонныхъ стадій. Слабую точку опоры можемъ мы найти въ томъ обстоятельствѣ, что въ жизни нашей люди, достигшіе старости или болѣе высокаго умственнаго уровня, болѣе цѣнятъ духовныя, чѣмъ чувственныя наслажденія. Это дѣлаетъ для насъ вѣроятнымъ, что именно въ интересахъ ощущенія разумъ какъ бы налагаетъ на себя оковы, чтобы пріобрѣсти ощущающую способность милліоновъ клѣточекъ, единственно съ помощью которыхъ можетъ быть образованъ такой аппаратъ ощущенія, который дѣлаетъ возможнымъ сновидѣніе нашей жизни. Мы спимъ такъ, какъ стелемъ, и утѣшаемъ себя послѣ дурнаго сна, и какъ въ послѣдующіе дни пожинаемъ плоды работы дней предъидущихъ, такъ и разница въ способностяхъ и развитіи есть плодъ организаторской дѣятельности души и прошлаго. Исторія зародыша есть повтореніе исторіи племени!

мышленію, какъ, напримѣръ, невидимые эѳирные атомы и даже атомы вѣсомой матеріи. Эта лишь мышленію доступная область не имѣетъ границъ, отсюда и выраженіе «трансцендентальный» совершенно относительно.

Въ послѣдующей главѣ намъ представится случай доказать, что это сравненіе никоимъ образомъ не произвольно, но что оно находитъ свою поддержку въ аналогичномъ развитіи цѣлаго міра. Я хочу раньше указать на нѣкоторыя другія черты, сильно говорящія въ пользу моего относительнаго индивидуализма, тогда какъ для другихъ ученій онѣ представляютъ непреодолимыя затрудненія.

Natura non facit saltus! Если утверждаемая мною смѣна состояній сознанія есть истина, то было бы удивительно, если бы въ нашемъ опытѣ нельзя было найти какого либо слѣда переходныхъ стадій, и, наоборотъ, существованіе ихъ имѣло бы важное значеніе для моего индивидуализма. Неоспоримый фактъ, что нѣкоторыя организаціи обнаруживаютъ по преимуществу въ безсознательномъ состояніи совершенно другаго рода ощущающую способность, превышающую нашу въ отношеніи времени и пространства, способность, которая съ приближеніемъ смерти была наблюдаема даже у индивидуумовъ съ совершенно нормальной организаціей. Бываютъ факты, просто заставляющіе предполагать, что человѣкъ обладаетъ невидимымъ телефономъ или телеграфной машиной, такъ что, если позволительно дѣлать заключенія отъ усиленной способности ощущенія, то мы должны были бы видѣть въ продуктахъ нашего представляющаго аппарата ограниченіе и фальсификацію ощущенія, вѣроятно необходимыя для сновидѣнія жизни.

Эти случаи значительно говорятъ въ пользу той переходной стадіи, которая лежитъ еще по сю сторону человѣческаго явленія; однако трудно игнорировать и другіе факты, свидѣтельствующіе намъ о такой же переходной стадіи по ту сторону человѣческаго явленія; ибо бывали случаи, когда самые почтенные и здравомыслящіе люди въ прошедшемъ такъ же, какъ и въ на-

стоящемъ, непосредственно или вскорѣ послѣ смерти отсутствующихъ друзей своихъ или знакомыхъ, испытывали совершенно неожиданно различнаго рода воздѣйствія, которыя *потомъ никогда* не повторялись. Здѣсь наталкиваемся мы снова на невидимый проводникъ, вовсе впрочемъ не указывающій на существованіе какаго-то другаго міра, но лишь на иное примѣненіе тѣхъ же физическихъ условій. Явленія, на которыя опирается спиритическій лагерь, гдѣ такого рода воздѣйствія произвольно вызываются извѣстными лицами, не въ состояніи уяснить тождества и связи между мнимой и дѣйствительной причиной, хотя бы факты и признавались дѣйствительными; тогда какъ въ вышеупомянутыхъ случаяхъ связь не такъ легко можетъ быть опровергнута. Тѣмъ, что мы можемъ вызвать какимъ либо образомъ явленіе какого либо лица, нельзя доказать ни его существованія, ни тождества; точно также прорицанія этихъ визіонеровъ или сомнамбулъ, какъ бы вѣрны они ни были, представляютъ лишь доказательство того, что вѣрное ясновидѣніе или предсказаніе возможны лишь неизвѣстнымъ для насъ путемъ, или при предположеніи неизвѣстной намъ чувствительности органовъ, но никоимъ образомъ не болѣе этого. Впрочемъ по этому поводу я высказался достаточно въ другихъ мѣстахъ.

То, что дѣйствительно достойно замѣчанія во всемъ, что намъ извѣстно объ этомъ изъ Америки и Англіи— это то обстоятельство, что всѣ эти явленія такъ-же какъ и искусства индійскихъ факировъ—вращаются въ предѣлахъ непонятной и кажущейся дѣятельности мимолетныхъ и несовершенныхъ органическихъ отправленій, чѣмъ они отличаются отъ сказаній древняго міра и средневѣковой мистики. Замѣчательно и то обстоятельство, что подобно тому, какъ безъ зародыша, не можетъ развиться

организмъ, также и безъ извѣстной, способной къ тому личности не могутъ развиться и эти мимолетныя органическія образованія, каковая личность большею частью находится въ безсознательномъ состояніи и иногда въ конвульсіяхъ. Эта красная нить тянется черезъ всѣ греческія и индійскія мистеріи, процессы съ колдуньями и спиритическіе сеансы. Я ограничиваюсь лишь указаніемъ на эти явленія, потому что могу только присоединиться къ мнѣнію Канта и Шопенгауэра, что единственно въ этой области можно было бы найти матеріалъ для трансцендентальныхъ умозрѣній, и отнюдь не принадлежу къ тѣмъ, которые готовы звать полицію противъ распространенія спиритизма или же относятся къ нему съ стоическимъ пренебреженіемъ вмѣсто того, чтобы подвергнуть его объективной критикѣ. Всѣ эти явленія конечно не могутъ нравиться господамъ, преисполненнымъ непомѣрнаго самомнѣнія, привыкшимъ плыть по теченію общественнаго мнѣнія; они чуютъ бѣду, потому что вѣдь истинность одного такого случая изъ тысячей упоминаемыхъ исторіей была бы прямымъ доказательствомъ того, что въ основѣ человѣческой индивидуальности должно полагать нѣчто другое, а не одни только соединенія углерода. Впрочемъ мы особенно и не нуждаемся въ такого рода опорахъ для признанія, что въ основѣ человѣческаго явленія должна лежать нѣкоторая, хотя и ограниченная и относительная, индивидуальность.

Подвергнемъ ли мы разбору данныя естествознанія, станемъ ли мы смотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія различныхъ философскихъ системъ, или спросимъ только человѣческое сердце,—во всякомъ случаѣ должно будетъ признать допустимость и благодѣтельное значеніе большей продолжительности индивидуальной функціи организующихъ силъ или существъ; и если нѣкоторые выдающіеся умы, держащіеся противоположныхъ воззрѣній,

не хотятъ или не могутъ по различнымъ причинамъ перемѣнить разъ поднятое знамя, то у ихъ послѣдователей противорѣчія найдутъ свое синтетическое разрѣшеніе, и это тѣмъ вѣроятнѣе, что этому способствуетъ относительность понятія индивидуальности, а также и то обстоятельство что одни не могутъ отдѣлаться отъ индивидуальныхъ атомовъ и вещественной комбинаціи, тогда какъ другіе ни къ чему не приходятъ съ предположеніемъ одного вещественнаго сочетанія, и вообще ни одно изъ этихъ воззрѣній не исключаетъ другого, ибо каждое изъ нихъ заключаетъ извѣстную долю истины.

Отъ понятія организма нельзя отдѣлять обмѣна веществъ, потому что органическая дѣятельность и есть ничто иное, какъ обмѣнъ веществъ; то же, что я утверждаю, есть также ни что иное, какъ нѣсколько болѣе радикальный обмѣнъ веществъ, подобный тому какъ мы видимъ собственными глазами въ мірѣ насѣкомыхъ.

Я постараюсь теперь дать моему воззрѣнію возможно конкретное выраженіе.

Образованіе организма изъ клѣточекъ имѣетъ въ основѣ своей нѣкоторое функціонирующее начало, которое соотвѣтственно данному матеріалу и даннымъ условіямъ создаетъ шагъ за шагомъ, чрезъ величайшіе періоды времени, мыслящій механизмъ сознанія,—работа, которую никоимъ образомъ нельзя приписать отдѣльнымъ клѣточкамъ. Все, на что до сихъ поръ указывала біологія, не идетъ далѣе извѣстныхъ условій органическаго образованія и поводовъ къ органической дѣятельности. Когда я въ Калькуттѣ одѣваюсь въ полотно, а на Новой Землѣ въ шубу, то данная температура является достаточнымъ побужденіемъ къ производству и употребленію этихъ вещей, но все-таки это немыслимо безъ моего содѣйствія, приспособляющаго ихъ и производящаго. Точно также и въ природѣ должно находиться нѣчто

приспособляющее и заботящееся о сохраненіи, т. е. о наслѣдственности пріобрѣтеннаго. Это нѣчто я называю «душею»; должно ли видѣть въ ней продуктъ нѣкоторой всеобъемлющей сущности, непосредственно вливающейся въ человѣческое явленіе (Шопенгауэръ, Гартманъ), или въ ней должно видѣть воплощеніе индивидуальнаго существа (Гербартъ, Дроссбахъ), или наконецъ нужно признать, что милліоны лѣтъ тому назадъ она развилась изъ бѣлковиннаго соединенія—все это безразлично къ выводимымъ мною заключеніямъ.

Рядомъ съ этимъ, къ признанію такой «души» побуждаютъ насъ образованіе и самая функція организма, какъ аппарата рождающаго, на основаніи воздѣйствій, представленія и восходящаго до сознанія. Болѣе всего опоры находитъ это предположеніе въ самомъ дарвинизмѣ, въ эмбріональномъ развитіи, наконецъ въ критическомъ изслѣдованіи нашей познавательной способности, ведущемъ насъ къ убѣжденію, что въ насъ лежатъ апріорныя, предшествующія всякому опыту формы, которыя именно и дѣлаютъ возможнымъ опытъ. Только при условіи, что мы представляемъ собою чувственную форму нѣкотораго способнаго къ развитію существа, становятся понятными образованіе и функція клѣточнаго комплекса, называемаго нами «человѣкомъ».

А этотъ случай мы имѣемъ право допустить, примемъ ли мы, что первое возникновеніе жизни на низшей ступени организаціи было вызвано вещественной комбинаціей, или безсознательнымъ, или монадой. Какое изъ этихъ побужденій дѣйствительно вызываетъ жизнь, находятся ли за вещественнымъ сочетаніемъ атомы-индивиды или само безсознательное—все это вопросы, которые мы предварительно оставимъ совершенно въ сторонѣ. Но если мы представимъ себѣ всѣ три вышеупомянутыя системы въ ихъ чистѣйшихъ, хотя и не лучшихъ ти-

пахъ (Бюхнеръ, Шопенгауэръ и Гербартъ), тогда то обстоятельство, что прежде всего я долженъ былъ бы въ союзѣ съ Шопенгауэромъ и Гербартомъ бороться противъ Бюхнера, и потомъ въ союзѣ съ однимъ Шопенгауэромъ противъ двухъ остальныхъ, говоритъ въ пользу того, что защищаемый мною ограниченный индивидуализмъ легче всего можетъ быть согласованъ съ монистическими системами Шопенгауэра и Гартмана, потому что онъ отличается отъ нихъ лишь тѣмъ пунктомъ, съ котораго или въ которомъ начинается индивидуальная функція. Въ большинствѣ случаевъ, гдѣ въ наблюденіи человѣческой природы Шопенгауэръ призываетъ «Волю», а Гартманъ «Безсознательное», на ихъ мѣсто, по моему мнѣнію, стоило бы только помѣстить «душу», которая въ свою очередь можетъ конечно и сама корениться въ нѣкоторомъ метафизическомъ принципѣ.

Вопросъ о томъ, какъ возникла жизнь или душа, не имѣетъ значенія для моего индвидуализма; за то этимъ послѣднимъ наилучшимъ образомъ объясняются развитіе и функція, и—чего нельзя не оцѣнить—лишь въ немъ одномъ получаютъ смыслъ міръ и наши страданія. Подобно тому какъ, съ одной стороны, въ біологіи безъ предположенія души или какого нибудь организующаго принципа, возникновеніе, развитіе и функція являются совершенно необъяснимыми, а происхожденіе многоклѣточныхъ существъ и прямо невозможнымъ, тогда какъ лишь съ признаніемъ содѣйствія такой души становятся понятными и эмбріональное развитіе и сохраненіе различныхъ видовъ; точно также, съ другой стороны, монизмъ Шопенгауэра и Гартмана, безъ продолженія индивидуальной функціи, т. е. безъ измѣненія въ смыслѣ нѣкоторой развивающейся и простой души, является безутѣшнымъ и ничѣмъ не оправдываемымъ міросозерцаніемъ. Между тѣмъ, съ предположеніемъ дѣятельной души, болѣе

или менѣе соотвѣтствующей моему воззрѣнію, міръ становится ареной непрерывнаго развитія, гдѣ ничего не теряется; ибо переходъ дѣятельности въ способность противопоставляетъ признанному равновѣсію силъ въ неорганической природѣ аналогичное равновѣсіе ощущеній.

Я страдаю и работаю для моего развитія, и такъ какъ на мою дѣятельность производятъ вліяніе внѣшнія условія, то въ моемъ интересѣ находится, чтобы я страдалъ и работалъ и для чужаго развитія, постоянно воздѣйствующаго на мое собственное. Къ монизму Шопенгауэра и Гартмана можно присоединиться лишь въ томъ, что міръ прежде всего есть мое представленіе и собственно дѣйствующее начало лежитъ въ волѣ и безсознательномъ; преждевременный обрывъ индивидуальной функціи является по меньшей мѣрѣ излишней и во всякомъ случаѣ затрудняющей пониманіе операціей.

Эта глава заключаетъ сущность моего индивидуалистическаго воззрѣнія; мнѣ остается еще выяснить его критикой возраженій, подкрѣпить соотвѣтствіемъ съ законами развитія и, наконецъ, сдѣлать изъ него заключенія въ пользу оптимистическаго взгляда на жизнь.

IX.

Возраженія.

Нѣтъ ничего полезнѣе для выясненія даннаго воззрѣнія, какъ критическій разборъ возраженій, противъ него выставляемыхъ; но разбирать и опровергать свои собственныя возраженія—въ этомъ еще немного пользы. Только тотъ авторъ, чья работа обратитъ на себя дѣйствительное вниманіе, можетъ извлечь всю пользу, вытекающую изъ чужихъ возраженій.

Вѣра въ пребывающую индивидуальность не представляетъ, правда, ничего новаго, наоборотъ, скорѣй она составляетъ догматъ большинства людей; однако въ формѣ душепереселенія (которое тѣмъ не менѣе есть необходимое слѣдствіе большей продолжительности индивидуальной функціи организующаго агента) она наталкивается на многія противорѣчія, и я хочу теперь заняться разборомъ тѣхъ возраженій, которыя сдѣланы были, въ «Magazin für die Literatur des Auslandes» (27 января 1877 г.), противъ моихъ взглядовъ на существованіе и дѣятельность души въ одной, впрочемъ благосклонной, критикѣ моего перваго сочиненія объ этомъ предметѣ; ибо нѣтъ никакого сомнѣнія, что подобныя же возраженія могутъ быть представлены и другими читателями.

Авторъ, пишущій подъ буквами O. S. S., высказывается противъ необходимости организующаго и развивающаго зародышъ принципа, выставляя положеніе: «Мы видимъ, что производимый совокупно обоими родителями зародышъ переноситъ на ближайшихъ потомковъ тѣлесныя и душевныя свойства какъ отца, такъ и матери, а если такъ, то почему онъ не могъ бы, при данныхъ условіяхъ, развить и сложный организмъ?»

Фактъ унаслѣдованія свойствъ родителей нисколько не оправдываетъ заключенія, что будто бы бѣлковыя соединенія, какъ таковыя, уже обладаютъ способностью образованія органовъ. Несомнѣнно, что въ природѣ зародыша заключается въ скрытомъ состояніи маршрутъ для его развитія, я сказалъ бы—нѣкоторый дивно составленный логариѳмъ всего ряда предковъ, полагающій непреодолимыя границы организаторской фантазіи природы; и какъ поваръ или ваятель ничего не могутъ сдѣлать внѣ имѣющихся у нихъ средствъ и матеріаловъ, такъ и въ зародышѣ заключается неискоренимое стремленіе къ такой, а не иной природѣ и формѣ продукта. И хотя матеріалъ зародыша имѣетъ безусловное вліяніе на нашу природу, нашъ темпераментъ и, вмѣстѣ съ этимъ, на черты нашего лица, тѣмъ не менѣе этимъ очевидно еще не дается права на обратное заключеніе, что будто бы зародышъ—и только онъ одинъ—производитъ все, потому-де что развитіе связано съ его природой.

«Понятнымъ» процессъ, конечно, не станетъ, если вмѣсто извѣстныхъ углеродныхъ соединеній мы примемъ другой неизвѣстный «агентъ»; но онъ будетъ относительно понятнѣе—постольку, поскольку совершенно невозможно считать извѣстное углеродное соединеніе яйцевой клѣточки за дѣйствительную причину развитія. Если мы, напримѣръ, въ пустыняхъ Америки найдемъ

развалины какихъ нибудь сооруженій, то для насъ можетъ остаться вѣчной загадкой, кѣмъ и когда были возведены эти каменныя массы, но никто не станетъ отрицать фактъ цѣлесообразнаго дѣйствія и приписывать камнямъ или случаю то, что не могло быть сдѣлано ни камнями, ни случаемъ. Если возразятъ, что вѣроятность, допустимость и постулаты разума еще не суть доказательства, то это конечно справедливо; поэтому и вопросъ о томъ, какимъ характеромъ долженъ отличаться агентъ, надолго останется спорнымъ, потому что при обсужденіи его мы располагаемъ только вышеупомянутыми средствами; но такъ какъ не существуетъ дѣйствія безъ достаточной причины, и такъ какъ углеродъ и его свойства несостоятельны въ качествѣ причины образованія сложнаго организма, то очевидно слѣдуетъ призвать на помощь нѣчто другое.

O. S. S. отнимаетъ у душепереселенія право на всеобщее признаніе, потому что съ нимъ, въ борьбѣ за существованіе, сталкиваются два равноправныхъ соперника— идея однократнаго соединенія души и тѣла и воззрѣніе, видящее въ душѣ и тѣлѣ одно нераздѣльное цѣлое какъ одинъ временной процессъ.

Что касается первой изъ альтернативъ, однократнаго соединенія души и тѣла, то разъ мы признаемъ, что душа существуетъ, образуетъ соединенія и вступаетъ съ ними въ извѣстный намъ біологическій процессъ, тогда нельзя найти основаній, почему бы душа не могла чаще дѣлать то, что она однажды сдѣлала. Если же самостоятельной души нѣтъ, если она есть не болѣе, какъ произведеніе организма, тогда она не составляетъ и основанія и сущности человѣческаго явленія, тогда она и не душа, а, какъ и все другое, лишь продуктъ организма, продуктъ, не могущій безъ послѣдняго ни возникнуть, ни продолжать существовать; и мы снова такимъ

образомъ приходимъ къ углероду. Поэтому то настоящимъ принципіальнымъ «противникомъ» является для насъ въ этомъ вопросѣ только грубый матеріализмъ, пытающійся образовать человѣка посредствомъ находящагося въ зародышѣ углерода; но признать равноправность матеріализма въ данномъ вопросѣ я—какъ и многіе другіе—рѣшительно отказываюсь. Равноправенъ здѣсь только индивидуализмъ же, который ни въ какомъ случаѣ не можетъ избѣгнуть своего необходимаго слѣдствія, теоріи душепереселенія, и еще монизмъ, который опять таки никогда не въ состояніи дать отчета въ томъ, когда и гдѣ начинается и кончается индивидуальная функція.

Что же касается другой альтернативы, то я совершенно согласенъ съ нею въ томъ, что «душа и тѣло представляютъ нераздѣльное цѣлое» (чѣмъ, конечно, вѣчный обмѣнъ веществъ никоимъ образомъ не исключается), или «временной процессъ»; различеніе же ихъ вытекаетъ изъ природы человѣческаго «духа» (я охотнѣе сказалъ бы— сознанія), который «считаетъ необходимымъ различеніе души и тѣла, силы и вещества, но при ближайшемъ разсмотрѣніи обнаруживаетъ скрытое за множественностью недоступное и непонятное человѣку единство».

Здѣсь долженъ я поставить вопросъ: что это за единство? И находится ли оно непосредственно за человѣческимъ явленіемъ?

За единствомъ тѣла и души или—я сказалъ бы—за единствомъ, образуемымъ безчисленнымъ количествомъ клѣточекъ человѣческаго тѣла, скрывается нѣчто,—это справедливо; но должно ли оно быть непосредственно великимъ міровымъ принципомъ?

Г-нъ O. S. S. совершенно правъ, говоря, что матеріализмъ, критицизмъ, реализмъ, идеализмъ, пантеизмъ, мистика и т. д. всегда будутъ существовать другъ около друга; я даже того мнѣнія, что ни одно изъ этихъ воз-

зрѣній не можетъ быть всецѣло отброшено какъ совершенно ложное; каждое ложно лишь въ своихъ крайностяхъ. Душепереселеніе же было бы возможно въ каждомъ изъ этихъ направленій, конечно въ одномъ болѣе, въ другомъ менѣе. Матеріалистъ не можетъ отличить одной протоплазмы отъ другой, ни ощутить дѣйствующее начало въ безструктурныхъ организмахъ, и если бы то, что въ бѣлковомъ соединеніи, напримѣръ въ амебѣ, производитъ жизнь, было также химическимъ продуктомъ, то было бы вполнѣ возможно, даже вѣроятно, что это невидимое химическое соединеніе не разрушится вмѣстѣ съ разрушеніемъ организма и будетъ продолжать свое развитіе во многихъ маточныхъ растворахъ (т. е. въ зародышахъ и въ новыхъ организмахъ); по крайней мѣрѣ противнаго матеріализмъ утверждать не въ состояніи. Для матеріализма душепереселеніе не можетъ являться невозможнымъ потому, что душа, будь она даже матеріальнаго происхожденія, все-таки могла бы проходить чрезъ многіе организмы. Для индивидуализма душепереселеніе представляетъ даже необходимое слѣдствіе изъ его началъ, а для монизма Шопенгауэра оно равняется большей продолжительности индивидуальной функціи.

Г-нъ O. S. S. полагаетъ, что случай есть «непонятая связь», а цѣль есть «чувство лишенія со стремленіемъ помочь этому лишенію», и думаетъ что при наблюденіи окружающей насъ природы міровая загадка не можетъ быть разрѣшена указаніемъ на случай или на цѣль.

Однако, если намъ непонятна глубочайшая связь вещей, и наша скорбная жизнь лишена всякой цѣли, то это какъ разъ способно внушить намъ мысль, что истинный прогрессъ, истинная жизнь лежитъ внѣ чувственныхъ формъ нашего міра.

Г-нъ O. S. S. несправедливъ, обвиняя меня въ непослѣдовательности въ примѣненіи понятія о цѣли: соглашаясь со мною, что нельзя приписывать арктическимъ странамъ цѣль производить моржей и бѣлыхъ медвѣдей, но что, наоборотъ, эти послѣдніе существуютъ оттого, что существуютъ арктическія страны, онъ полагаетъ, что тогда я долженъ былъ бы сдѣлать такого рода заключеніе: глаза существуютъ не для того, чтобы мы видѣли, но мы видимъ потому, что глаза существуютъ. По моему такое заключеніе совсѣмъ не было бы, съ моей стороны, послѣдовательнымъ примѣненіемъ понятія о цѣли, а просто невѣрнымъ утвержденіемъ.

Все, что живетъ и жить хочетъ, должно примѣняться къ существующимъ условіямъ. Арктическія области представляютъ необходимое слѣдствіе извѣстныхъ факторовъ, съ которыми необходимо должно считаться все, тамъ существующее. Въ этомъ смыслѣ сѣверный полюсъ является совершенно пассивнымъ носителемъ различнѣйшихъ дѣятельностей и событій, и нельзя предвидѣть, какое значеніе уже имѣли и будутъ еще имѣть арктическія области въ общемъ домохозяйствѣ природы.

Между тѣмъ какъ глазъ, наоборотъ, есть образованіе, которое ни къ чему другому, кромѣ зрѣнія, не пригодно; онъ можетъ имѣть только эту цѣль и безъ нея онъ никогда и не возникъ бы; вся теорія приспособленія и наслѣдственности и т. п. была бы химерой, если бы глазъ не имѣлъ своею цѣлью видѣть; да онъ и перестаетъ быть глазомъ съ прекращеніемъ жизни, и все живущее ничего не въ состояніи видѣть, когда оно лишено глаза. Итакъ если бы было наивно утверждать, напримѣръ, относительно странника, сѣвшаго на камень или на сломанное дерево, что все это сдѣлала мать-природа для того, чтобы онъ могъ сѣсть, то, съ другой

стороны, никто не станетъ отрицать, что кресло сдѣлано именно для этой цѣли, хотя въ креслѣ цѣль далеко не выражается такъ ясно, какъ въ глазѣ.

Кому прежде всего должна быть приписана цѣлесообразная дѣятельность, это предварительно можетъ остаться открытымъ вопросомъ; но вообще существованіе цѣлесообразной дѣятельности отвергаемо быть не можетъ. Я знаю, благодаря гипотезѣ туманныхъ массъ, какъ образовалась арктическая область и море; я вижу, что они служатъ разнообразнѣйшимъ цѣлямъ; тѣмъ не менѣе они представляютъ лишь дѣйствія извѣстныхъ причинъ, а вовсе не образованія, служащія ясно-опредѣленной цѣли, какъ, напримѣръ, глазъ. Этотъ глазъ былъ необходимо кѣмъ нибудь созданъ. «Я» моего человѣческаго сознанія навѣрное этого не сдѣлало; если бы это было божество, тогда во всякомъ случаѣ не видно цѣли, съ какою оно мучитъ меня и себя самого въ оковахъ здѣшняго бытія; если же это не есть такого рода метафизическій принципъ, но во мнѣ существуетъ нѣчто, проявляющее несознательную для меня, но цѣлесообразную дѣятельность, и способное къ совершенствованію (на что указываетъ возвышающееся совершенство организмовъ), тогда не только возможно, но даже болѣе чѣмъ вѣроятно, что кромѣ сознательныхъ существуютъ безсознательныя цѣли, для которыхъ наше сознаніе является лишь средствомъ и изъ которыхъ одну, можетъ быть единственную, мы, съ нѣкоторымъ правомъ, можемъ видѣть въ совершенствованіи.

Съ этой стороны трудно нападать на мой, хотя бы и относительный, индивидуализмъ, на томъ основаніи, что онъ ведетъ къ душескитанію. Если бы даже для нашего бытія нельзя было найти никакой разумной цѣли, то все-таки никто не сталъ бы долго колебаться въ остаю-

щемся еще выборѣ между необходимостью другаго бытія и неразуміемъ міра.

Я могу только сожалѣть, что до сихъ поръ я не имѣлъ возможности выяснить мое міровоззрѣніе разборомъ противорѣчащихъ ему мнѣній; поэтому я очень благодаренъ господину O. S. S. за то немногое, что я нашелъ въ его критикѣ.

Критика всегда полезна; недостаточность ея можетъ быть при извѣстныхъ обстоятельствахъ даже и прямо вредна, особенно въ томъ случаѣ, когда сочиненія, имѣющія большой кругъ читателей, какъ, напримѣръ, «Der alte und der neue Glaube» Давида Штрауса, не подвергаются основательнымъ и столь же какъ сама книга распространеннымъ возраженіямъ. Ибо множество истинъ, въ этой книгѣ заключающихся, ясный и талантливый способъ изложенія должны увлекать читателей и—по моему мнѣнію—вводить ихъ въ заблужденіе.

Давидъ Штраусъ является собственно тоже моимъ противникомъ, ибо онъ, слѣдуя (какъ и я въ этомъ сочиненіи) за выводами науки, приходитъ къ отчасти противоположнымъ результатамъ, особенно, что касается продолжительности развитія нашихъ способностей и души вообще; я займусь такимъ образомъ и его воззрѣніями, поскольку они противорѣчатъ моему индивидуалистическому ученію. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что «новая вѣра» Штрауса представляетъ собою выраженіе господствующихъ теперь воззрѣній, съ которыми мой индивидуализмъ,—хотя и не метафизическій, а относительный,—находится въ существенномъ противорѣчіи; бороться съ этимъ противорѣчіемъ—дѣло очень трудное, ибо какъ ни безутѣшна новѣйшая вѣра, и какъ ни утѣшительно мое ученіе, страхъ идти противъ моды, отвращеніе къ усвоенію новыхъ воззрѣній имѣютъ еще слишкомъ рѣшительное вліяніе на образъ мыслей большинства.

Совершенно несправедливо утвержденіе Штрауса (стр. 124), что вѣра въ безсмертіе имѣетъ свое происхожденіе въ сновидѣніи; ибо и помимо сновидѣнія безцѣльность жизни приводитъ къ этому наше чувство, а необъяснимость развитія и функціи организмовъ—нашъ разумъ. Сновидѣніе доказываетъ лишь намъ, что можно имѣть «я», забывать его, грезить съ другимъ кажущимся «я» и при пробужденіи находить свое собственное настоящее «я». Принимать извѣстную намъ жизнь за призракъ — это воззрѣніе большинства нашихъ лучшихъ мыслителей; вопросъ о томъ, что ждетъ насъ за предѣлами этого призрака, — вопросъ по меньшей мѣрѣ открытый. Тѣмъ не менѣе это еще не ставитъ насъ въ необходимость придерживаться старыхъ вѣрованій если новыя Штраусовскія насъ не удовлетворяютъ.

Тотъ фактъ, что душа недоступна нашему ощущенію, не можетъ противорѣчить большей продолжительности ея индивидуальной функціи, потому что многое, недоступное нашимъ чувствамъ, мы все-таки принимаемъ за дѣйствительно существующее, чтобы имъ объяснять явленія. Штраусъ говоритъ (стр. 127), что вмѣсто доказательствъ въ пользу большей продолжительности индивидуальной функціи мы можемъ предъявить только «желаніе», чтобы это такъ было, и хотя совершенно справедливо и естественно, что человѣку не только хочется служить звеномъ будущаго развитія, но и извлечь изъ него для себя нѣкоторую пользу, однако тѣмъ не менѣе существуютъ не только желанія, но и основанія въ пользу этого убѣжденія. Прежде же всего человѣкъ имѣетъ право требовать удовлетворительнаго объясненія того, зачѣмъ онъ, будто бы долженъ быть только звеномъ безцѣльнаго и скорбнаго развитія міровой жизни. Для этого требуется собственно прежде всего доказать невозможность или, по крайней мѣрѣ, излишность орга-

низующей и фунгирующей силы, каковое доказательство однако никѣмъ, ни также и Штраусомъ, не было развито съ полною убѣдительностью. Желаніе примиренія никоимъ образомъ не можетъ вытекать изъ эгоизма, какъ предполагаетъ Штраусъ, потому что и самъ онъ, конечно, только бы порадовался, если бы заслуга была признана, угнетенный нашелъ защиту и сильный сталъ безвреднѣе и лучше. Когда я учусь, я ищу въ наукѣ воздаянія за труды мои. Неужели только изъ удовольствія играю ея гаммы, изучаю букварь, или учусь плавать? Развѣ плоды моей работы не могутъ быть полезны мнѣ и другимъ? Навѣрное существуетъ не мало людей не вѣрящихъ въ безсмертіе, которыхъ, между тѣмъ, вовсе нельзя назвать злодѣями, но, съ другой стороны, многіе не стали бы злодѣями, если бы жили этою вѣрой. Только въ томъ случаѣ Штраусъ былъ бы правъ, если бы эгоизмъ и стремленіе къ совершенству были тождественны.

Штраусъ цитируетъ (стр. 128) слова Гёте: «Убѣжденіе въ загробной жизни вытекаетъ для меня изъ понятія дѣятельности; ибо если я до конца моей жизни работаю, то природа обязана дать мнѣ другую форму бытія, если данная моя форма не выдерживаетъ моего духа» — и спрашиваетъ, что хотѣлъ онъ этимъ сказать: «природа обязана», онъ, который такъ хорошо знаетъ, «что природа не имѣетъ обязанностей, но лишь законы». Нѣтъ сомнѣнія, что Гёте не разумѣлъ здѣсь обязательства въ родѣ того, которое связываетъ человѣка, давшаго вексель; но полагалъ: если въ природѣ заключается разумъ и развитіе, то... etc. И почему бы было невозможно, чтобы я, т. е. истинный субъектъ моего существа, не имѣлъ другаго бытія? Гдѣ доказательство этой невозможности?

Штраусъ ссылается на отвращеніе, которое испыты-

валъ Гёте при упоминаніи о смерти, какъ бы въ доказательство того, какъ онъ колебался въ своихъ воззрѣніяхъ на этотъ предметъ. Но вѣдь нельзя же отождествлять смерть съ умираніемъ. Первую я люблю и ожидаю ее съ радостью, а второе ужасаетъ меня; всякій радъ освободиться отъ больнаго зуба, но никто не радъ самой операціи. Умираніе есть болѣзненная и отвратительная процедура, особенно до тѣхъ поръ, пока человѣчество не откажется отъ своего предразсудка и пока искусство человѣческое не сдѣлаетъ смерть отжившихъ организмовъ безболѣзненной.

Однако нельзя не отмѣтить также и того, что даже Гёте, вкусившій отъ всего въ такой мѣрѣ, какъ можетъ быть никто другой, самъ Гёте не удовлетворялся жизнью и выставлялъ безсмертіе какъ постулатъ разума, не безсмертіе «я» нашего сознанія, что невозможно, но безсмертіе «души», которую нельзя смѣшивать съ «я» организма.

Необходимость развитія природныхъ стремленій человѣческаго духа—это, какъ полагаетъ Штраусъ, старинный аргументъ; но «откуда знаемъ мы что нибудь о назначеніи человѣка? Развѣ мы видимъ вообще въ природѣ стремленіе къ тому, чтобы всѣ задатки, всѣ сѣмена достигали развитія?»

Но откуда мы знаемъ противоположное этому назначенію человѣка? — Правда, не всѣ сѣмена достигаютъ развитія, но можетъ быть именно потому, что въ развитіи участвуетъ нѣчто большее чѣмъ сѣмя, представляющее не болѣе какъ матеріалъ для этого «нѣчто»; а для сѣмени находящагося въ развитіи природа дѣлаетъ очень многое, она охраняетъ его, снабжаетъ всѣмъ необходимымъ для самосохраненія, она даетъ рыбѣ желточный мѣшокъ, млекопитающему материнскую любовь. Гибель біонтовъ въ борьбѣ другъ съ дру-

гомъ и со внѣшними обстоятельствами говоритъ также въ мою пользу.

Штраусъ и всякій, стоящій на его точкѣ зрѣнія, не должны бы употреблять понятія «природа» въ этомъ смыслѣ; потому что, когда мы начинаемъ говорить о дѣятельности природы, то вступаемъ тѣмъ самымъ въ область монистической философіи Шопенгауэра или Гартмана. Для Штрауса природа не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ продуктомъ совокупной дѣятельности атомовъ, и когда онъ говоритъ: природа заботится, охраняетъ, снабжаетъ и т. д., онъ долженъ былъ бы, собственно, говорить: кислородъ, азотъ, углеродъ etc. заботятся, снабжаютъ, охраняютъ, и поэтому приписывать имъ телеологическую дѣятельность.

На стр. 131 Штраусъ говоритъ: «Даже про самого Гете должны мы сказать, что онъ, не смотря на всю свою бодрость до конца жизни, уже давно отжилъ со своими 82 годами; Шиллеръ же со своими 45 годами—конечно нѣтъ; онъ умеръ, унеся съ собою массу великихъ плановъ, исполненіе которыхъ обогатило бы литературу цѣлымъ рядомъ высокихъ произведеній. Такимъ образомъ выходило бы, что Шиллеръ въ правѣ требовать продолженія жизни, а Гете не въ правѣ; или, говоря вообще, что только тотъ, кто умираетъ въ возрастѣ еще способномъ къ развитію, можетъ ожидать загробной жизни, но все-таки никоимъ образомъ не безконечной, а лишь до того времени, пока способности его не получатъ полнаго развитія».

Гдѣ могутъ быть границы развитія? Отчего развитіе Гете должно считаться законченнымъ? Первобытные предки чимпанзе могли вполнѣ развиться впродолженіи соотвѣтствующаго ихъ организму промежутка времени и умереть отъ старческой дряхлости, и все-таки отъ нихъ же произошелъ Гете. Развѣ нельзя идти дальше

въ этомъ направленіи, причемъ и на Гете смотрѣть какъ на мимолетное явленіе, какъ на средство, а на произведшую его силу, душу его, какъ на истинно дѣйствующее начало?

«Такое различіе, а также и эта неопредѣленность продолжительности слишкомъ ясно обличаютъ произвольно-мечтательный характеръ этихъ предположеній; оттого они и поддерживаются обыкновенно такого рода утвержденіемъ, что будто бы стремленіе человѣческой души, безконечное и ненасытимое, можетъ удовлетворяться только вѣчностью. Доказать такое утвержденіе конечно нельзя, оно есть не болѣе какъ возвышенная фраза, ложь которой обличается сознаніемъ всякаго скромнаго и честнаго человѣка». Вотъ какъ! Мельчайшіе шаги и величайшіе періоды времени—все это имѣетъ, по вашему же ученію, значеніе для всей органической природы; для человѣческой же души, несуществованія которой вы не доказали, это, будто бы, не должно имѣть значенія: съ человѣкомъ развитіе должно прекратиться? На чьей сторонѣ тутъ гордость? У того-ли, кто разсматриваетъ человѣка какъ только стадію въ развитіи, или у того, кто видитъ въ немъ величайшій и послѣдній продуктъ мірозданія?—(Стр. 132): «Человѣческое тѣло матеріально, пространственно и сложно, слѣдовательно можетъ разрушиться и исчезнуть; душа нематеріальна и проста, слѣдовательно не можетъ разрушиться и исчезнуть». Съ такими положеніями Штраусъ легко можетъ бороться; но въ настоящее время почти уже никто и не возражаетъ противъ этого дуализма, ни одинъ сколько нибудь образованный человѣкъ. «Что такъ тѣсно и неотдѣлимо связано съ тѣломъ, то столь же мало можетъ продолжаться по разрушеніи послѣдняго, какъ центръ существовать съ разрушеніемъ окружности». Странно! Кишки, кожа, волосы и кости сопротивляются разложенію

весьма неодинаково съ разницей даже цѣлыхъ столѣтій, а всѣ они составляли нѣчто общее, и развѣ невозможно, что, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, нѣкоторыя соединенія будутъ имѣть еще большую продолжительность?— (Стр. 133): «Когда дѣло касается существованія живыхъ существъ—болѣе того, цѣлыхъ милліардовъ такихъ существъ—тогда нельзя не спросить о мѣстѣ, гдѣ эти существа—мы говоримъ объ отошедшихъ человѣческихъ душахъ—найдутъ свое пребываніе». Очевидно тамъ, гдѣ они уже прежде были, въ мірѣ.

Вотъ основанія, приводимыя Штраусомъ противъ вѣры въ безсмертіе, основанія, которыя должны будто бы принудить насъ отказаться отъ этой мысли!

Въ послѣдующихъ мѣстахъ своего сочиненія онъ снова возвращается къ этому вопросу и цитируетъ слова Вирхова: «Если душа безъ мозга не можетъ дѣйствовать, если вся ея дѣятельность связана съ измѣненіями мозговыхъ частицъ, то, собственно говоря, нельзя уже утверждать, что сознаніе или что-либо другое представляютъ собою непосредственные аттрибуты самостоятельной души», (чего, конечно, никто утверждать и не станетъ); и далѣе слова Фогта: «принятіе особой душевной субстанціи есть чистая гипотеза; ни одинъ фактъ не говоритъ въ пользу ея существованія; кромѣ того, принятіе этой гипотезы совершенно излишне, такъ какъ она ничего не объясняетъ, ничего не дѣлаетъ понятнѣе».

Дѣйствительно, понятнѣе вслѣдствіе этого дѣло не становится; но что сказать объ объясненіи, что будто бы кислородъ, азотъ и другія вещества въ мозговыхъ клѣточкахъ, сочетавшись сами собою, образовали единый въ себѣ, мыслящій аппаратъ ощущенія? Понятно это что-ли и очевидно?—Мы представляемъ собою протяженныя существа, одаренныя мыслью и превращающія

съ помощью чувствъ и мозга полученныя впечатлѣнія въ представленія, совокупность этихъ послѣднихъ образуетъ наше «я» и окружающій насъ міръ—произведенія, исчезающія вмѣстѣ съ создавшимъ ихъ аппаратомъ и даже раньше его. Съ вышеупомянутыми словами Вирхова можно такимъ образомъ только согласиться. Но что остается послѣ «я» и образующаго его аппарата—это вопросъ открытый и нерѣшенный.

Очевидно однако остается то, что предшествуетъ организаціи, хотя бы и нѣсколько модифицированное. Тотъ, кто отрицаетъ у организма телеологическій характеръ или приписываетъ этотъ послѣдній углероднымъ соединеніямъ, отлагаемымъ (къ тому же непонятнымъ образомъ) организмомъ,—тотъ, конечно, ничего другаго, кромѣ разрушенія, и ожидать не можетъ. Но чѣмъ оправдать такую легкость отношенія къ происхожденію и развитію органической жизни? Утвержденіе Канта, что съ помощью матеріи онъ могъ бы показать образованіе міра, но безсиленъ былъ бы показать возникновеніе червяка—это утвержденіе Штраусъ объясняетъ тѣмъ, что Кантъ не бралъ клѣточку исходнымъ пунктомъ своихъ разсужденій; ибо эта послѣдняя могла де возникнуть изъ неорганическихъ веществъ, и что разъ существуютъ батибій и монеры, то остальное могло бы возникнуть само собою.

Дѣло однако нужно представлять себѣ совершенно наоборотъ. Если даже клѣточка произвольно возникаетъ изъ неорганическихъ веществъ, чего не утверждаетъ даже Дарвинъ, а я вовсе не желаю считать совершенно невозможнымъ, то тѣмъ самымъ червякъ намъ еще вовсе не данъ, хотя бы клѣточка обладала вѣчностью жизни и безконечно приспособлялась къ условіямъ. Уже въ третьей главѣ я старался доказать, что находящіяся во взаимной связи клѣточки могутъ развиться многосторон-

нѣе и иначе, и получить господство надъ другими, но что стремленіе къ образованію половыхъ органовъ не можетъ въ нихъ существовать, ибо телеологическій характеръ этого стремленія не могъ быть вызванъ борьбою за существованіе. Разъ они существуютъ, тогда борьба за существованіе естественно ведетъ къ ихъ развитію и дифференцированію; разъ я имѣю организмъ съ половыми органами, обладающими способностью образованія зародышевыхъ клѣтокъ, которыя, съ своей стороны, при данныхъ благопріятныхъ условіяхъ, обнаруживаютъ способность къ развитію, тогда, конечно, можетъ изъ червяка образоваться человѣкъ. Если я куда нибудь запрячу всѣ предикаты и предположенія, тогда, при нуждѣ, я могу ихъ конечно снова вызвать на свѣтъ.

Только въ томъ случаѣ, если существо клѣточки обладаетъ безконечною жизнью, дарвинизмъ пріобрѣтаетъ полное значеніе. Тогда мыслимо, что нѣкоторыя достигшія большаго развитія клѣточки могли мало по малу получить господствующее значеніе и организовать клѣточную кучку; только тогда стало-бы необходимой истиной и то положеніе, что исторія зародыша есть повтореніе исторіи племени; безъ этой объясняющей причины дарвинизмъ является немыслимымъ, а эмбріональное развитіе—прямымъ чудомъ.

Если даже «во время великихъ земныхъ переворотовъ совершенно необычайныя условія» образовали чудесный процессъ жизни, то вѣдь это предположеніе нисколько не помогаетъ дѣлу: община монеръ все-таки является для насъ необъяснимымъ явленіемъ, хотя бы необычайныя условія стали вполнѣ обыкновенными. Съ этимъ собственно и самъ Штраусъ соглашается, когда онъ говоритъ (стр. 176): «Неужели дальнѣйшее развитіе природы послѣ образованія изъ безжизненнаго вещества несовершенныхъ живыхъ формъ, продолжалось въ томъ

смыслѣ, что изъ той же неорганической матеріи постепенно развивались все высшіе и высшіе организмы? Но вѣдь это приводитъ насъ къ прежнимъ затрудненіямъ, къ вопросу о червякѣ или слонѣ. Единственный исходъ заключается въ предположеніи, что природа, создавъ однажды какой нибудь организмъ, вмѣсто того чтобы снова обращаться къ неорганической матеріи, пользуется своимъ преимуществомъ, придерживается разъ пріобрѣтеннаго, и изъ перваго простаго образованія формируетъ второе болѣе сложное, изъ этого третье и т. д.; потомъ составленное такимъ путемъ образованіе измѣняетъ въ другое, и еще другое, уже инымъ путемъ,—короче сказать исходъ заключается въ предположеніи, что все живое обладаетъ способностью развитія изъ простѣйшихъ началъ разнообразія частью другъ съ другомъ переплетающихся, частью только соприкасающихся формъ».

Опять «природа» является на сцену! Стало быть— «воля», «безсознательное»?—Разъ существуетъ природа, заботящаяся о своей пользѣ, тогда, конечно, все разрѣшается просто, но разъ «природа» есть ничто иное, какъ сумма азота, кислорода и другихъ атомовъ, тогда аргументація очевидно падаетъ, хотя бы разъ возникшая жизнь и не могла прекратиться, и все болѣе и болѣе стремилась къ господству надъ другими, и приступала къ сложнымъ образованіямъ и т. д. (Понятно, что это только предположеніе, что будто бы возникающая жизнь есть ничто иное, какъ случайное движеніе, бѣлковое соединеніе безъ всякой телеологической структуры, которая потому только, что она невидима, еще вовсе не можетъ быть признана несуществующей).

Итакъ, должны ли мы признать агентомъ нѣкоторую силу подъ именемъ «природы» или «воли», или встать на точку зрѣнія моего индивидуализма—это вопросъ, о которомъ стоитъ подумать; но въ защиту такой безсмыс-

лицы, какъ признаніе этой способности за неорганическимъ веществомъ каждаго зародыша, нельзя призывать лучшихъ людей человѣчества въ родѣ Гете или Канта. Собственная цитата Штрауса изъ Гете оставляетъ насъ относительно этого внѣ всякаго сомнѣнія: «Когда я подумаю о разрядѣ грызуновъ, то прихожу къ убѣжденію, что хотя извнутри онъ опредѣленъ и сдерживается въ извѣстныхъ границахъ, но наружу прорывается безъ удержу». Да и что можетъ сдерживать вещественныя соединенія въ яйцевой или сѣменной клѣточкѣ, или въ плодовомъ зернѣ отъ перехода въ самыя странныя образованія? Какимъ образомъ могутъ развиться изъ нихъ опредѣленные для извѣстнаго употребленія органы, если въ нихъ не дѣйствуетъ ничего кромѣ химическаго сродства ихъ составныхъ частей?

Ясное мышленіе безплодно безъ познаній, но и большое количество познаній вовсе не отнимаетъ у человѣка обязанности судить осмотрительно, особенно въ вопросахъ такой важности. Что касается первой части Штраусовой книги, то она имѣетъ дѣйствительную цѣнность и можетъ оказать благотворное вліяніе; относительно ея совершенно справедливо замѣчаніе Майнлендера, «что матеріализмъ подобенъ кислотѣ, которая съѣдаетъ весь соръ вѣковъ, всѣ остатки отжившихъ формъ, всѣ суевѣрія и, дѣлая несчастнымъ сердце человѣка, очищаетъ духъ его». Постольку и работа Штрауса имѣетъ свою цѣну.

До сихъ поръ я не встрѣчалъ столь рѣшительныхъ возраженій, которыя бы дѣлали невозможной и немыслимой душу какъ предшествующее организаціи и продолжающееся по ея разрушеніи существо. Я знаю одно только затрудненіе техническаго характера, съ которымъ мы познакомились въ пятой главѣ и которое равно относится ко всѣмъ системамъ. Эта трудность за-

ключается въ вопросѣ о первыхъ отношеніяхъ между душою и зародышемъ и коренится въ характерѣ нашей познавательной способности (см. стр. 109). Съ другой стороны предоставленныя самимъ себѣ вещества зародыша, метафизическій принципъ или монада, которыя одни могли бы быть поставлены вмѣсто организующей души, еще менѣе облегчаютъ пониманіе. Такимъ образомъ, сопоставивъ возраженія противъ моего воззрѣнія съ тѣмъ, что поддерживаетъ его, мы видимъ, что перевѣсъ очевидно оказывается на сторонѣ предположенія пребывающей индивидуальной функціи, которая одна дѣлаетъ мыслимыми возникновеніе, органическое развитіе и функцію многоклѣточныхъ существъ. Она одна можетъ побѣдить пессимизмъ и гарантировать міру непрерывное развитіе.

X.

Законы развитія.

Если мы путемъ индукціи могли прійти лишь къ относительному индивидуализму, то было бы желательно обосновать его и дедуктивнымъ путемъ, какъ необходимое слѣдствіе законовъ природы или развитія. Разумѣется, сами эти законы должны или существовать уже, или еще быть отысканы, что опять-таки возможно только путемъ индукціи. Сдѣлаемъ же эту попытку.

Бѣдность, горе и заброшенное состояніе большей части человѣчества, несомнѣнно, въ каждомъ изъ насъ возбуждаютъ вопросъ о томъ, откуда зло явилось въ мірѣ и какъ можетъ быть оно одолѣно. Проблема эта побудила меня когда-то заняться изученіемъ народно-экономической и соціально-политической литературы; и когда я потомъ убѣдился, что теоріи народнаго хозяйства, подобно качающемуся маятнику, вѣчно вращаются въ противоположностяхъ и такимъ путемъ достигаютъ развитія; когда Прудонъ въ своихъ «Противорѣчіяхъ національной экономіи» блестящимъ образомъ доказалъ антиномистическій характеръ всѣхъ соціально-экономическихъ категорій, какъ-то: собственности, коммунизма, конкурренціи, монополіи, подати, кредита и т. д.; когда,

наконецъ, фазы развитія стали представляться мнѣ все болѣе и болѣе какъ послѣдовательные ряды,—тогда явилась у меня мысль, что, если антиномія и рядъ составляютъ характеристическій признакъ соціальнаго развитія, то нельзя ли и въ немъ найти что нибудь соотвѣтствующее силлогизму и индукціи, что дѣлало бы законы соціальнаго развитія идентичными законамъ мышленія.

Не требовалось большаго труда, чтобы прійти къ мысли, что движеніе отъ всеобщаго къ частному и наоборотъ имѣетъ мѣсто также и въ соціальномъ развитіи, что, слѣдовательно, законы развитія человѣчества не представляютъ отличія отъ законовъ духовнаго развитія индивидуума. Эта мысль послужила поводомъ къ тому, что въ 1863 году я выпустилъ въ свѣтъ сочиненіе, изъ котораго я хочу перепечатать здѣсь съ нѣкоторыми сокращеніями главу «о законахъ соціальнаго движенія» *). Я считаю себя тѣмъ болѣе въ правѣ сдѣлать

---

*) Изданное подъ этимъ заглавіемъ въ 1864 году сочиненіе не существуетъ болѣе въ продажѣ, и такъ какъ я, вслѣдствіе многихъ его недостатковъ, долженъ бы былъ совершенно его передѣлать, за что я не могу уже болѣе взяться, то оно, согласно моему желанію, болѣе никогда не появится въ продажѣ, точно такъ же какъ я не далъ разрѣшенія и на переводъ его на итальянскій языкъ. Первая глава этой книги посвящена доказательствамъ, что народно-экономическія и соціальныя проблемы лишь въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ поддадутся научному разрѣшенію, потому что первымъ фазисомъ въ развитіи науки является собираніе опытныхъ данныхъ, которыя потомъ подвергаются систематическому дѣленію и обобщенію въ законы, и только тогда является уже настоящая практическая наука, когда она подчиняется математикѣ. Это же станетъ возможнымъ лишь въ томъ случаѣ, если статистика достигнетъ достаточнаго развитія и полноты. Представивъ критическое развитіе теорій Квиснея, Смита, Мальтуса и французскихъ соціалистовъ, я указываю далѣе на вышеупомянутые законы движенія, прилагая ихъ къ рѣшенію различныхъ вопросовъ. Таково приблизительное содержаніе книги. Но когда я изъ моей общественной дѣятельности вынесъ убѣжденіе, что всѣ теоріи неизбѣжно должны разбиться на практикѣ объ эгоизмъ большинства, то я оставилъ

это, что Спенсеръ и другіе часто ставятъ соціальное развитіе рядомъ съ органическимъ и заключаютъ отъ одного къ другому.

Никто не станетъ отрицать, что каждый изъ насъ говорилъ о кульминаціонномъ пунктѣ какой либо идеи, сословія или какого нибудь обычая въ извѣстномъ вѣкѣ.

То же, что кульминируетъ, т. е. доходитъ до высшей точки, должно состоять изъ прибывающаго и убывающаго періодовъ, изъ восходящей и нисходящей фазъ, и эти фазы необходимо должны обладать противоположнымъ движеніемъ, разъ онѣ восходятъ и нисходятъ.

Разъяснимъ себѣ это: если числовой рядъ 1, 2, 3, 4, 5, 4, 3, 2, 1 представляетъ собою такую фазу, то рядъ отъ 1 до 4 слѣдуетъ по восходящему пути и движенію, противоположнымъ нисходящему ряду отъ 4 до 1. Бросивъ взглядъ на природу, мы замѣтимъ множество такихъ фазъ.

Сѣрое утро, преломленные лучи восходящаго солнца, развивающаяся теплота, ея кульминаціонная точка въ полдень и подобныя же явленія, но въ обратномъ порядкѣ, до захода солнца представляютъ картину, всюду повторяющуюся въ природѣ. Весна, лѣто и осень, органическая и даже человѣческая жизнь всегда представляютъ ту же картину восходящей и нисходящей фазы. Музыканты при внимательномъ изученіи пьесъ не только замѣтятъ, что плясовая музыка всѣхъ націй, точно такъ же какъ и всякая пѣсня, состоятъ изъ восьми тактовъ (можетъ быть также изъ 4 и 16), но что и каждая восходящая мысль требуетъ возвратнаго движенія; собственно каждая вторая часть отличается болѣе

всякую дѣятельность въ этомъ направленіи. Ограниченіе эгоизма я считаю первою и существеннѣйшею задачею настоящаго поколѣнія, тогда разрѣшеніе соціальныхъ и экономическихъ вопросовъ придетъ само собою.

или менѣе этимъ характеромъ и въ извѣстной степени зависима отъ первой части.

Если мы въ законахъ логики поищемъ подобнаго же явленія, то мы найдемъ не только рядъ, какъ аналогію такой фазѣ,—мы найдемъ также, что въ двухъ другихъ логическихъ методахъ, именно въ развитіи отъ всеобщаго къ частному и наоборотъ, заключаются два различныя, отчасти другъ другу противоположныя движенія.

Такъ какъ во всякомъ случаѣ даже a priori не невѣроятно, что законы, управляющіе духовнымъ развитіемъ индивида, имѣютъ свое значеніе и для таковаго же развитія совокупности людей, то ничего не можетъ быть удивительнаго (особенно въ виду того, что существованіе одного изъ этихъ законовъ, именно антиноміи, въ социальномъ движеніи такъ блестяще было доказано Прудономъ, въ чемъ каждый можетъ убѣдиться, прочитавъ его «Противорѣчія національной экономіи»), если мы возьмемъ своею исходной точкой предположеніе, что и въ соціальныхъ категоріяхъ или членахъ соціальнаго развитія, какъ бы мы ихъ ни называли, обнаруживается извѣстное въ логикѣ движеніе отъ всеобщаго къ частному и отъ частнаго къ всеобщему. Это мы и докажемъ впослѣдствіи.

Соединеніемъ этихъ двухъ движеній, очевидно, была бы дана картина такого ряда, такой прогрессіи. Эти два движенія отличались бы противоположнымъ другъ другу характеромъ одно въ своемъ направленіи отъ общаго къ частному, другое отъ частнаго къ общему. Это какъ разъ являлось бы соотвѣтствіемъ только что упомянутымъ явленіямъ восходящей и нисходящей фазъ кульминаціи.

Кромѣ того логика говоритъ намъ, что одно изъ этихъ движеній не знаетъ, отчего оно происходитъ, другое не знаетъ, куда оно направляется. Это же самое

свойство находимъ мы и въ соціальномъ движеніи, равно какъ и то, которое открывается намъ во всей природѣ, обусловливаясь самимъ характеромъ кульминаціи и наблюденіемъ,—именно, что между первымъ членомъ восходящей фазы и послѣднимъ нисходящей, точно такъ же какъ между послѣднимъ восходящей и первымъ нисходящей и т. д. заключается извѣстная аналогія или сходство, подобно тому какъ мы сопоставляемъ утро съ вечеромъ, весну съ осенью, подобно тому какъ вообще находимъ мы въ природѣ аналогію этому движенію въ вѣчной смѣнѣ соединенія и разложенія, сжатія и расширенія. Смѣю увѣрить читателя, что такія противоположныя другъ другу движенія существуютъ не только въ природѣ и логикѣ, но характеризуютъ также и соціальное развитіе, въ чемъ читатель убѣдится изъ послѣдующихъ главъ.

Если мы замѣчаемъ въ соціальномъ движеніи нѣкоторую послѣдовательность, будь это движеніемъ отъ общаго къ частному или наоборотъ, и если бы мы могли прослѣдить эту послѣдовательность до ея кульминаціоннаго пункта, то это дало бы намъ возможность опредѣлить (въ томъ случаѣ, если бы гипотеза о тождествѣ хода логическаго и матеріальнаго развитія съ соціальнымъ оказалось истинной) также и элементы нисходящей фазы въ ихъ послѣдовательномъ развитіи; мы тогда не только знали бы, что она приметъ противоположное направленіе, но мы могли бы указать рядовую послѣдовательность и конечный пунктъ нисходящаго движенія, подобно тому какъ часть пути извѣстнаго свѣтила даетъ астроному возможность опредѣлить весь путь его.

Но если бы даже мы не знали кульминаціонной точки—слѣдовательно, ни того, до какого пункта идетъ восходящая фаза, ни того, откуда начинается нисходящая—тѣмъ не

менѣе мы были бы въ состояніи опредѣлить соотвѣтствующій членъ послѣдней. Гете говоритъ:

S'ist ein Gesetz der Teufel und Gespenster,
Wo sie hereingeschlüpft, da müssen sie hinaus,
Das erste steht uns frei, beim zweiten sind wir Knechte.

Далѣе, если справедливо, что движеніе совершается чрезъ противоположенія, взаимно другъ друга уничтожающія, коихъ истина заключается въ ихъ синтезѣ, то въ виду этого, въ опредѣленіи существенныхъ средствъ для ускоренія развитія мы не легко впадемъ въ ошибку; изъ отношенія этихъ противоположеній другъ къ другу мы будемъ въ состояніи заключить о характерѣ движенія, который будетъ имѣть существенное сходство съ природой эллипсиса, коего путь тѣмъ эксцентричнѣе, чѣмъ далѣе отстоятъ другъ отъ друга оба фокуса. Піанисту, обладающему хорошимъ слухомъ и знаніемъ теоріи музыки, извѣстно, что въ музыкѣ существуетъ подобное же явленіе: когда правая рука движется вверхъ, тогда лѣвая понижается—и наоборотъ.

Сдѣлаемъ сами возраженіе, чтобы уяснить дѣло. Мы должны сознаться, что если и безспорно интересно и несомнѣнно полезно знать направленіе и конецъ извѣстнаго движенія въ соціальномъ развитіи, то все-таки для человѣческой дѣятельности было бы очень печально, если бы ходъ этого движенія былъ неизмѣненъ, такъ что человѣчество, лишенное вліянія на соціальное развитіе, являлось бы отданнымъ во власть неотвратимому року.

Тѣмъ не менѣе, во власти человѣчества находится не только замедленіе и ускореніе фазъ, смотря по тому, дѣйствуетъ ли оно согласно съ соціальными требованіями, или расходится съ ними, но оно можетъ еще въ каждой восходящей фазѣ вызвать кульминаціонный пунктъ раньше, и такимъ образомъ принудить движеніе принять противоположное и быстро нисходящее направ-

леніе. Оно въ состояніи это сдѣлать потому, что соціальное развитіе всегда есть результатъ двухъ противоположныхъ движеній, которыя, разъ между ними не является посредника, все далѣе и рѣзче отдаляются другъ отъ друга, вслѣдствіе чего и развитіе становится все эксцентричнѣе и гибельнѣе для человѣчества.

Должно также признать, что кромѣ ускоренія и замедленія движенія фазъ, кромѣ меньшей или большей эксцентричности развитія, человѣчество властно также по произволу отдалять или приближать кульминаціонную точку. Приближеніе противоположностей есть именно то, что ускоряетъ развитіе, смягчаетъ борьбу, что изъ двухъ полукруговъ образуетъ полный законченный кругъ.

Поищемъ этихъ законовъ въ природѣ; можетъ быть они существуютъ и въ ней, можетъ быть мы узнаемъ, какимъ образомъ природа разрѣшаетъ противорѣчія. Когда Ньютонъ увидѣлъ яблоко, падающее съ дерева, онъ сталъ, говорятъ, размышлять, отчего падающее яблоко принимаетъ именно это направленіе, а не другое; онъ зналъ, что земля обладаетъ движеніемъ, что она кругла, и что въ Китаѣ яблоко падаетъ точно также по направленію къ центру земли; что же это за сила, притягивающая предметы всегда къ одному пункту? И онъ нашелъ потомъ формулу этой силы, законы притяженія матеріи.

При наблюденіи растительнаго міра мы находимъ, что растенія обращаются своими вѣтвями и листьями къ свѣту и солнцу, что находящійся въ лѣсной чащѣ дубъ пробивается своею обнаженною вершиною кверху, къ лучамъ солнца, тогда какъ находящійся на открытомъ мѣстѣ по той же самой причинѣ распускаетъ широкія вѣтви.

Но не только листья,—скрытые корни повидимому знаютъ то, что имъ полезно; они находятъ на разстояніи нѣсколькихъ саженей соотвѣтствующую имъ почву

или воду. Это называютъ свойствомъ растительнаго міра, точно такъ же какъ Ньютонъ могъ бы ограничиться наименованіемъ вертикальнаго паденія яблока свойствомъ матеріи. Мы едва ли можемъ считать это свойство, эту силу солнца и стремленіе корней къ пищѣ чѣмъ либо инымъ, какъ силою притяженія. Дѣйствуетъ ли она по извѣстнымъ законамъ и по какимъ именно, это мы пока оставимъ въ сторонѣ (хотя масса и разстояніе и здѣсь тоже играютъ роль).

Животныя, въ стремленіи къ самосохраненію, не только находятъ чудесное руководство къ отысканію себѣ пищи и къ защитѣ, но мы наблюдаемъ у нихъ нѣчто похожее на любовь, привязанность, даже чувство чести, однимъ словомъ извѣстные аффекты, опредѣляющіе ихъ дѣйствія. Это вообще называютъ инстинктомъ; но вѣдь и этимъ еще ничего не объясняется.

Что же руководитъ человѣкомъ? Что другое, какъ не то же, что руководитъ растеніями и животными — влеченія и страсти, хотя бы и облагороженныя въ соединеніи съ другими чувствами. Человѣкъ руководится своими интересами, которые могутъ быть столь же пошлы, какъ и возвышенны; но во всякомъ случаѣ, это — интересы, во всякомъ случаѣ это — извѣстнаго рода тяготѣніе, которому человѣкъ неизбѣжно уступаетъ. Это едва ли можно оспаривать. Мученикъ, приносящій жизнь въ жертву своей вѣрѣ, ищетъ возвышенныхъ интересовъ внѣ этой земли. Я не хочу этимъ умалить его заслуги, я хочу только указать на аналогію въ природѣ, которая по моему неоспорима.

Поэтому мы можемъ съ полнымъ правомъ признать, что все in ultima analysi устроено такимъ образомъ, чтобы соотвѣтствовать своему назначенію, и это тѣмъ болѣе, что все нецѣлесообразное уничтожается само собою, и — что подобно тому какъ въ матеріи, также и въ

растеніяхъ, животныхъ и человѣкѣ—должно признать существованіе нѣкоторой аналогичной притяженію силы, нѣкотораго стремленія *). Остается еще разсмотрѣть, не выражается ли эта сила также аналогичнымъ способомъ, не существуетъ ли также и въ движеніи матеріи эта неизбѣжность двухъ противоположеній, которою характеризуется соціальное развитіе. И дѣйствительно масса, какъ концентрація, а разстояніе, какъ протяженіе, представляютъ именно противоположности, другъ друга уничтожающія; на признаніи этого факта держится зданіе астрономіи.

Точно также и соціальное движеніе слагается всегда изъ двухъ противоположныхъ моментовъ и этимъ сохраняется въ равновѣсіи, согласно съ Гегелемъ, по которому противоположенія суть лишь идеальныя моменты, въ раздѣльности которыхъ нѣтъ истины, и въ соотвѣтствіи съ Прудономъ, доказавшемъ ложность собственности и коммунизма, свободной торговли и покровительственной пошлины, монополіи и конкурренціи.

Примѣнимъ это къ тому, о чемъ мы сейчасъ говорили. Мы нашли, что ни полезность, ни количество производства не служатъ сами по себѣ истиннымъ мѣриломъ цѣнности, но что полезность и мѣновое значеніе лишь въ своей совокупности представляютъ истинную цѣнность продукта. Подобно тому и въ движеніи планетъ мы видимъ дѣйствующими два фактора, массу и разстояніе, взаимно опредѣляющіе другъ друга; отсюда и выраженіе: въ прямомъ отношеніи къ массамъ и въ обратномъ къ разстояніямъ. Поэтому мы можемъ формулировать такое положеніе: что цѣнность предмета прямо пропорціональна его внутренней полезности, и обратно пропорціо-

*) «Воля» Шопенгауэра была мнѣ тогда неизвѣстна.

нальна размѣрамъ производства. Здѣсь полезность, аналогично массѣ, является постояннымъ факторомъ, а размѣръ производства, подобно разстоянію, измѣнчивымъ. Мы говоримъ это не потому, что считаемъ невѣрными формулировки Прудона относительно цѣнности и ея разложенія на мѣновую цѣнность и полезность, наоборотъ, мы вполнѣ признаемъ ихъ вѣрность; но не слѣдуетъ забывать, что Прудонъ писалъ національно-экономическое сочиненіе, а мы ищемъ общіе законы, и хотимъ поэтому такою другой возможною формулировкой указать лишь на существованіе аналогіи и соотвѣтствія. Точно также и о раздѣленіи труда мы можемъ сказать, что оно прямо пропорціонально производительности и обратно—вознагражденію, что однако, какъ уже мы раньше сказали, было бы лишь измѣненіемъ вышеупомянутаго положенія о цѣнности. Чѣмъ болѣе производится товара и чѣмъ менѣе внутренняя цѣнность его, тѣмъ менѣе и вознагражденіе...

Можно было бы привести множество такихъ примѣровъ, въ которыхъ аналогія соціальнаго движенія уподобляется дѣйствію двухъ силъ; это видѣли мы также и въ развитіи наукъ, которое находится въ прямой зависимости отъ количества опытовъ и въ обратной—отъ объема опытной области. Прудонъ, съ свей стороны, говоритъ: «результатъ дѣлимости труда есть продолженіе рабочаго дня, который растетъ обратно пропорціонально приложеннаго къ дѣлу количества умственной работы». Продолжительность рабочаго дня, давленіе тяготѣющее надъ рабочимъ, стоитъ такимъ образомъ въ прямомъ отношеніи къ одному фактору и въ обратномъ къ другому. Раздѣленіе труда и умѣнье, потребность и излишекъ, конкурренція и монополія суть противоположности, обнаруживающія взаимно ограничивающее дѣйтвіе и т. д.

Далѣе, философы говорятъ намъ, что, въ раздѣльности своей, противоположенія не истинны; они хотятъ этимъ сказать, что истину слѣдуетъ искать въ примиреніи двухъ противоположеній третьимъ высшимъ положеніемъ. Подобно этому и астрономія доказываетъ намъ, что движеніе планетъ, слѣдовательно матеріи, есть результатъ двухъ противоположныхъ факторовъ, массъ и разстояній, слѣдовательно, и двухъ другъ другу противоположныхъ понятій, сплоченія и расширенія, массы и разстоянія. Одинъ изъ этихъ факторовъ безъ другаго сдѣлалъ бы движеніе невозможнымъ, ибо если бы планеты притягивали другъ друга единственно въ зависимости отъ своихъ массъ, то онѣ попадали бы другъ на друга, образовавъ одну сплошную массу, и движеніе бы прекратилось. Да и самое образованіе планетъ безъ расширенія и сплоченія было бы немыслимымъ. Такимъ образомъ между матеріальнымъ и духовнымъ развитіемъ существуетъ извѣстная аналогія.

Человѣчество, такъ же, какъ и отдѣльный человѣкъ, обладаетъ двоякой природой, и социальное движеніе, несомнѣнно находится вообще подъ вліяніемъ какъ матеріальнаго такъ и духовнаго развитія. Развѣ отсюда невѣроятно, что оно подлежитъ тѣмъ же законамъ, которые обязательны для нашего разума и для матеріи? Разумъ не можетъ не найти такое допущеніе вѣроятнымъ, или по меньшей мѣрѣ не увидитъ въ немъ внутренняго противорѣчія. Повторимъ же въ концѣ главы наши гипотезы:

1) Социальное движеніе идетъ всегда отъ общаго къ частному.

2) Или наоборотъ.

3) Какъ скоро оно пошло однимъ изъ этихъ путей, то, по достиженіи кульминаціоннаго пункта, оно принимаетъ противоположное направленіе. Между обѣими фа-

зами въ обратномъ порядкѣ существуетъ аналогія, такого рода, что первый членъ фазы развитія снова встрѣчается какъ послѣдній членъ противоположнаго движенія, гдѣ онъ, однако, выражается въ болѣе совершенной и синтетически-развитой формѣ, и относится къ аналогичному члену противоположной фазы почти такъ же, какъ дѣйствіе къ причинѣ.

4) Развитіе совершается постоянно чрезъ противоположенія; и такъ какъ многія такія фазы сами образуютъ собою части въ развитіи другой большей фазы, причемъ ихъ кульминаціонныя и конечныя точки ниспадаютъ на степень отдѣльныхъ членовъ большей фазы, то все вышесказанное относится въ извѣстной степени и къ этой послѣдней...»

Позволяю себѣ привести еще одно мѣсто изъ слѣдующей главы, чтобы посредствомъ примѣра дать картину такой фазы; я полагаю, что примѣръ уяснитъ мои мысли гораздо болѣе, чѣмъ вышеприведенное слабое изложеніе.

«Мы различаемъ слѣдующіе періоды въ организаціи войска: во-первыхъ, грубое всеобщее вооруженіе всего способнаго къ оружію народа; во-вторыхъ—феодальное; въ-третьихъ—вербовку, въ-четвертыхъ—конскрипцію и въ-пятыхъ—опять начало всеобщаго вооруженія, развитіе котораго мы видимъ, напримѣръ, въ Пруссіи; наконецъ—національную гвардію. Это движеніе показываетъ намъ, что обязанность нести военную службу медленно распространялась на отдѣльные слои населенія, что это движеніе отъ всеобщаго къ частному достигаетъ своей кульминаціонной точки въ навербованномъ войскѣ, преданномъ исключительно военному дѣлу, зависимомъ только отъ денегъ и отъ воли монарха, и отсюда снова стремится къ обобщенію; слѣдовательно, возвращается

опять къ своей исходной точкѣ, хотя и въ облагороженной формѣ.

Какъ о характеристической чертѣ этого движенія мы должны еще упомянуть о томъ, что то сословіе, которое въ восходящемъ движеніи несло на себѣ личную повинность, именно дворянство, въ нисходящемъ лично освободилось отъ обязанности идти на войну; что движеніе совершалось отъ всеобщаго обязательства къ частному, именно къ феодализму, отъ частнаго къ отсутствію всякаго обязательства, именно къ вербовкѣ, отсюда опять къ частному, конскрипціи, и наконецъ въ новѣйшее время къ всеобщему обязательству, къ національной гвардіи. Мы видимъ въ этомъ движеніи всѣ признаки законченной фазы...»

«Болѣе намъ нѣтъ надобности останавливаться на этомъ. Скажемъ только, что совершенно безуспѣшно противиться сокращенію времени службы и распространенію воинской повинности,—оба эти постулата составляютъ необходимое слѣдствіе соціальнаго движенія. Это—какъ обыкновенно говорится — духъ времени приноситъ съ собою. Пусть сочтетъ иной читатель мысль мою грезой, но для меня нѣтъ никакого сомнѣнія, что распространеніе этой обязанности въ будущемъ сдѣлаетъ возможными только національныя войны, и что чувство національности, это коллективное чувство чести народной, какъ скоро оно разовьется у всѣхъ націй, сдѣлаетъ невозможнымъ никакое нападеніе вслѣдствіе естественнаго отсутствія нападающаго, никакое вторженіе и завоевательную войну, и принесетъ Европѣ всеобщій миръ,—въ пользу котораго еще особыя гарантіи представляются фактомъ существованія трехъ большихъ группъ народностей раздѣленныхъ, каждая, на отдѣльныя части. Мы сами видѣли, какъ иныя грезы прошедшаго осуществлялись въ наши дни,—отчего бы и этой прекрасной грезѣ когда-нибудь не осуществиться?»

Я избралъ эту картину потому, что начало и почти конецъ этого развитія лежатъ въ исторической и притомъ современной эпохѣ. Въ то время, когда я писалъ это, Пруссія (можетъ быть также и Швейцарія) была единственнымъ государствомъ, которое практически систематизировало всеобщую воинскую повинность и благодаря этому одержала цѣлый рядъ побѣдъ; оттого и было достаточно одного десятилѣтія для ея верховенства надъ другими государствами. Я не считаю однако необходимымъ преслѣдовать далѣе признаки этихъ законовъ въ соціальномъ развитіи, такъ какъ ихъ легко отыщетъ и всякій другой; для этой цѣли достаточно собрать нѣсколько наблюденій изъ исторіи развитія человѣчества и присоединить къ нимъ нѣсколько совершенно общихъ соображеній.

Вслѣдствіе физическаго превосходства сильнѣйшаго надъ слабѣйшимъ, путемъ суровой борьбы за существованіе, изъ первоначальной равноправности мало-по-малу образовалось «l'etat c'est moi» Людовика XIV. Но кто сталъ бы отрицать, что мы, начиная съ того времени, идемъ на встрѣчу все большему и большему распространенію правъ? Кто не замѣтилъ постепеннаго уменьшенія обаянія прежней невѣроятно возвеличенной свѣтской и духовной іерархіи? И все-таки это не значитъ, что бы мы снова погрузились въ дикое состояніе нашихъ предковъ; наоборотъ, мы идемъ къ благородной вызванной противоположностями и чрезвычайно сложной формѣ равноправности. Первоначальная свобода индивидуума все болѣе и болѣе подвергалась ограниченію; теперь мы снова находимся въ обратномъ развитіи, и полная свобода личности снова пріобрѣтаетъ значеніе, но уже ограниченная правомъ другихъ, что и составляетъ истинную задачу государства.

Изъ первоначальнаго отсутствія всякой собственности,

развилось мало-по-малу обладаніе оружіемъ, стадомъ, домомъ и т. д. до современнаго многоразличія и сложности имущественныхъ отношеній. «Итакъ, возразитъ кто нибудь изъ моихъ читателей, мы возвращаемся къ общности имущества и отсутствію собственности?» Въ извѣстномъ смыслѣ конечно такъ, но какую облагороженную и безвредную форму приметъ это обобщеніе собственности! Подати уже теперь налагаются на индивидуума для пользы общественной; общественный интересъ отнимаетъ нынѣ собственностъ лишь въ пользу какого нибудь сооруженія, улицы и т. д. Да и, право, нѣкоторая экспропріація веселаго наслѣдника въ пользу страждущаго человѣчества не будетъ имѣть особенно вредныхъ послѣдствій; она не должна только служить, напримѣръ, министру средствомъ для осуществленія его народно-экономическихъ или военно-научныхъ галлюцинацій; ея цѣль—способствовать на дѣлѣ увеличенію общественной собственности, на средства которой содержатся госпитали, воспитательные дома и т. п. Существенною тягостью, которую уничтожаетъ соціальное развитіе въ цивилизаціи, является бремя государственныхъ долговъ. Цѣлое бездѣятельно; каждый новорожденный является на свѣтъ уже должникомъ вмѣсто того, чтобы обладать извѣстною частью общественнаго имущества, и его работа уже съ самаго начала производится—частію для каприза ничего недѣлающихъ. Изъ этого конечно не слѣдуетъ, что должно стремиться къ уничтоженію частной собственности, которая вѣдь представляетъ главный источникъ культурной жизни; отсюда слѣдуетъ только, что нужно стремиться къ увеличенію общественнаго имущества. Ибо когда минимумъ жизненныхъ потребностей приблизительно достигнутъ и слѣдовательно не бичъ нищеты, а стремленіе къ лучшему существованію стало единственнымъ по-

бужденіемъ къ болѣе облагороженной человѣческой дѣятельности, тогда и имущество индивидуума совмѣстится съ имуществомъ общества. Государственные долги, идущіе на удовлетвореніе дѣйствительныхъ культурныхъ потребностей, правда, нельзя разсматривать какъ бремя, но такого рода источникъ имѣетъ вѣдь только ничтожнѣйшая часть государственныхъ тягостей. Существующее теперь ложное отношеніе, по которому общество должаетъ отдѣльному лицу, а не наоборотъ, должно быть уничтожено, если вообще нужно стремиться къ сносному и соотвѣтствующему человѣческому достоинству существованію. Въ борьбѣ между интересами общества и индивидуума лежитъ также развитіе ближайшаго будущаго.

Взглядъ Спенсера подтверждаетъ мое мнѣніе о внутренней связи соціальнаго развитія со всякимъ другимъ. Спенсеръ говоритъ (Основы философіи, стр. 221): «Если всеобщій законъ преобразованія и равновѣсія имѣетъ значеніе для такъ называемыхъ жизненныхъ или духовныхъ силъ, то онъ долженъ распространяться и на тѣ силы, которыя мы называемъ общественными. Все, что совершается въ обществѣ, есть результатъ органическихъ или неорганическихъ причинъ, или же ихъ сочетанія,—возникаетъ или изъ свободныхъ силъ окружающей природы, или изъ покоренныхъ человѣкомъ естественныхъ силъ, или изъ силъ самого человѣка.

То, что Спенсеръ называетъ «ритмомъ движенія», и что онъ понимаетъ подъ «интеграціей вещества», какъ закономъ развитія, примѣняемомъ имъ также и къ соціальному развитію—совершенно согласуется съ тѣмъ, что для меня двадцать лѣтъ тому назадъ являлось характеристическимъ признакомъ соціальнаго движенія. Только ритмъ движенія требуетъ, чтобы за интеграціей, т. е. за сплоченіемъ, слѣдовало также разширеніе,

какъ мы предполагаемъ это въ исторіи развитія небесныхъ тѣлъ. На эту сторону развитія Спенсеръ обратилъ мало вниманія, и я полагаю, что выставленные мною законы отличаются большею полнотою и болѣе опредѣленнымъ характеромъ, чѣмъ Спенсеровы.

Въ великой фазѣ смѣняющагося развитія, расширенія и сплоченія (которое соотвѣтствуетъ движенію отъ всеобщаго къ частному и наоборотъ), заключается очень много малыхъ рядовъ развитія, и всѣ они образуютъ восходящія и нисходящія фазы, коихъ члены возникаютъ изъ противоположеній, слѣдствіемъ чего и является то колебаніе, которое Спенсеръ называетъ ритмомъ движенія. Такимъ образомъ характеристическіе признаки, рядъ и антиномія, вытекаютъ изъ развитія и сопровождаютъ его, обусловливаясь всегда движеніемъ отъ всеобщаго къ частному и наоборотъ (аналогично расширенію и сплоченію) и сами обусловливая развитіе. Вѣдь и Спенсеръ указываетъ на этотъ ритмъ движенія тоже только какъ на законъ этого послѣдняго, тогда какъ въ интеграціи онъ видитъ собственно законъ развитія. Мы оба такимъ образомъ замѣтили аналогію между этими законами развитія и движенія; только Спенсеръ называетъ её интеграціей, разсѣяніемъ и ритмомъ движенія, тогда какъ я принялъ обозначенія діалектическія и формулировалъ дѣло такимъ образомъ: законы нашего мышленія, формы логическаго метода—силлогизмъ, индукція, антиномія и рядъ—суть также законы соціальнаго и всякаго другого развитія. Въ настоящее время я выражусь осторожнѣе, и скажу: развитіе совершается во всей природѣ аналогичнымъ путемъ, поэтому признаки и опредѣленія, относящіяся къ развитію нашего мышленія, наблюдаются также во всей природѣ, въ особенности же въ развитіи человѣчества. Впрочемъ, это воззрѣніе получаетъ все большее и большее

распространеніе. Такъ, въ одномъ сочиненіи д-ра Гасса (Optimismus und Pessimismus, 1876, стр. 195) я нашелъ положеніе, что «все болѣе раннее и болѣе позднее держится на одной и той же разумной нити. Регрессъ призраченъ, такъ какъ послѣдующее принимаетъ въ себя правду предъидущаго. Тройственность діалектическаго движенія управляетъ процессомъ и дѣлаетъ конецъ первымъ началомъ». Дальнѣйшее развитіе этого положенія я съ удовольствіемъ представляю любителямъ панлогистическихъ спекуляцій.

Я привелъ эти законы только по двумъ причинамъ; первое—чтобы приложить ихъ къ монизму Шопенгауэра и Гартмана.

Если бы мы хотѣли знать число атомовъ, заключающихся во всѣхъ солнечныхъ системахъ, мы дошли бы до величинъ необъятныхъ; если бы мы хотѣли знать время, необходимое для сплоченія небесныхъ тѣлъ, мы получили бы также величины неизмѣримыя; даже на вопросъ о количествѣ солнечныхъ системъ, и тутъ мы узнали бы, что ихъ безчисленное множество; мы не могли бы даже опредѣленно сказать, сколько разъ небесное тѣло или система переходила съ пути сплоченія на путь расширенія и наоборотъ. Мы знаемъ только, что посредствомъ кругообращенія и отдѣленія большихъ туманныхъ массъ небесныя тѣла распредѣлились по планетнымъ системамъ. Если мы объединимъ всѣ эти фазы развитія въ одну великую фазу и выступимъ за предѣлы атомнаго индивида,—что, впрочемъ, является для насъ совершенно необходимымъ,—то мы легко придемъ къ монизму Шопенгауэра, къ какой нибудь волѣ, къ нѣкоторому «нѣчто», которое проявляется въ жизни, чтобы согласно съ законами развитія снова возвратиться въ свою исходную точку. Въ этой же великой фазѣ, которую мы назовемъ міровымъ процессомъ, заключается такимъ образомъ

развитіе міровъ такъ же потенціально, какъ въ этихъ послѣднихъ развитіе солнечныхъ системъ, которыя въ свою очередь повторяютъ этотъ процессъ чрезъ образованіе планетъ.

Если мы попытаемся примѣнить выставленные здѣсь законы развитія къ гипотезѣ туманныхъ массъ, то мы должны будемъ принять, что если бы посредствомъ процесса сплоченія міръ атомовъ былъ принужденъ къ многократному разрыву своей связи (слѣдовательно къ образованію міровъ, солнцъ, планетъ, спутниковъ), то за этимъ разрывомъ снова послѣдовало бы постепенное объединеніе, что и можетъ быть принято въ дѣйствительности. Но такъ какъ дальнѣйшее отдѣленіе спутниковъ или планетъ въ нашей планетной системѣ едва ли представляется возможнымъ, то развитіе посредствомъ отдѣленія становится такимъ образомъ фактомъ минувшаго, и мы, значитъ, находимся теперь на противоположномъ пути вторичнаго объединенія съ солнцемъ и т. д. Научныя данныя астрономіи даютъ тотъ же самый результатъ, и идея Шопенгауэра является такимъ образомъ совершенно соотвѣтствующей всеобщимъ законамъ развитія.

Величіе этого процесса міроваго развитія открываетъ однако и слабую сторону монистическаго воззрѣнія Шопенгауэра и Гартмана, состоящую въ томъ, что они придаютъ слишкомъ много значенія человѣческому явленію, ставя его послѣднимъ членомъ органическаго развитія, непосредственной индивидуальной функціей и послѣдней цѣлью великаго міроваго принципа, къ чему они, какъ мы видѣли, не имѣютъ достаточнаго основанія. Однако оставимъ въ сторонѣ развитіе міровъ и возвратимся къ органической эволюціи на нашей планетѣ.

Второе основаніе, почему я привелъ эти законы раз-

витія, заключается въ томъ обстоятельствѣ, что «ритмъ движенія», какъ его очень удачно называетъ Гербертъ Спенсеръ, необходимо сопровождаетъ каждое развитіе, и что все совершается въ формѣ восходящей и нисходящей фазы.

Если кругооборотъ жизни человѣка слагается изъ непрерывной смѣны состояній сознательности и безсознательности, бодрствованія и сна, и заключаетъ въ себѣ восходящую и нисходящую фазу развитія, то жизнь организующей души — если весь кругооборотъ жизни снова разсматривать какъ отдѣльный членъ развитія — можетъ и должна развиваться изъ смѣны явленій. Какъ человѣка ритмъ движенія осуждаетъ на бодрствованіе и сонъ, жизнь и грезы, сознаніе и безсознательность, такъ и организующую душу осуждаетъ онъ, въ интересахъ развитія, на смѣну большей и меньшей сплоченности организаціи, на дѣйствительное и призрачное самосознаніе; и если вообще видѣть разумный характеръ въ развитіи міра, то жизнь души должно предполагать длящеюся по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока длится органическое развитіе и біологическій процессъ на нашей планетѣ. Ибо вѣдь внѣ организаціи ни въ одномъ соединеніи не заключается внутренней необходимости разложенія.

Имѣетъ ли жизнь космическій характеръ, можно ли говорить о дѣятельности души и ея способности къ жизни внѣ нашей планеты, и при какихъ обстоятельствахъ это возможно — все это вопросы, на которые мы не призваны отвѣчать уже потому, что не знаемъ, будетъ ли со смертію планеты достигнута разумная цѣль существованія души; судьба нашей планеты не можетъ имѣть серьезнаго вліяніе на развитіе великой фазы міроваго процесса, но уничтоженіе всѣхъ хотя-бы лишь по-

тенціально пріобрѣтенныхъ способностей было-бы напрасною тратой силы, и поэтому оно невѣроятно.

Впрочемъ насъ мало озабочиваетъ вселенная, мы заботимся только о нашей планетѣ, которая во всякомъ случаѣ еще далеко отстоитъ отъ кульминаціоннаго пункта своего развитія, имѣющаго начаться лишь съ паденіемъ всевластія эгоизма и водвореніемъ того царства любви и солидарности человѣчества, которое Христосъ проповѣдалъ 2000 лѣтъ тому назадъ. Мы не можемъ даже предварительно измѣрить ту степень развитія, до которой можетъ дойти наша планета, если дикая анархическая борьба за существованіе, борьба всѣхъ противъ всѣхъ перейдетъ въ облагороженную борьбу за лучшее существованіе, въ борьбу всѣхъ за всѣхъ.

То немногое, что мы знаемъ о законахъ развитія, рѣшительно говоритъ въ пользу моего индивидуализма, который видитъ въ человѣкѣ мимолетное обнаруженіе существа, составляющаго звено нѣкотораго длиннаго ряда развитія. Ибо, какъ звѣздный міръ слагается изъ безчисленнаго количества солнечныхъ системъ, планетъ и спутниковъ, находящихся въ вѣчной смѣнѣ сплоченія и разширенія, которымъ они обязаны также и своимъ происхожденіемъ,—подобно тому, какъ органическій міръ образуется чрезъ соединеніе атомовъ въ клѣточки, и клѣточекъ въ организмы,—точно также и развитіе души можетъ быть мыслимо лишь какъ непрерывная смѣна интеграціи и разсѣянія, сплоченія и разширенія, сложенія и разложенія, находящихъ свою аналогію въ кругооборотѣ человѣческой жизни. Все, что составляетъ существенный признакъ движенія и развитія, говоритъ за, а не противъ моего индивидуализма. Вездѣ находимъ мы большія фазы развитія состоящія изъ малыхъ, и на оборотъ эти послѣднія всегда образуютъ звено въ

развитіи большихъ фазъ. Тоже относится и къ нашей жизни: она слагается изъ небольшихъ эпизодовъ и сама составляетъ членъ нѣкотораго большаго эпизода.

Мы тѣмъ болѣе въ правѣ держаться этого предположенія, что единство силъ, веществъ и законовъ развитія почти заставляетъ насъ приписывать и «жизни» космическій характеръ, «жизни», для которой сплоченныя небесныя тѣла представляютъ лишь эфемерную арену біологической дѣятельности.

XI.

Торжество оптимизма.

Въ борьбѣ между пессимизмомъ и оптимизмомъ мы стоимъ, очевидно, на сторонѣ послѣдняго. Всякая философія, полагающая процессъ развитія единственно въ извѣстныхъ намъ организмахъ, должна придти къ пессимизму; въ него неизбѣжно впадаютъ и должны впасть всѣ тѣ философы и поэты, которые ограничиваютъ развитіе такъ называемыми земными явленіями и не вдохновляются надеждами на продолженіе существованія. Если извѣстная намъ жизнь есть единственная и полная дѣйствительность, а не мимолетный только сонъ, терзающій насъ въ интересахъ развитія, тогда, конечно, нельзя уйти отъ пессимизма; ибо, какъ бы ни было организовано будущее общество, достоинства этой организаціи не перевѣсятъ золъ и страданій прошлаго; да и самая наша планета (или скорѣе солнце) чрезъ уничтоженіе условій необходимыхъ для біологическаго процесса готовитъ конецъ его существованію, чѣмъ совершенно достаточно доказывается безцѣльность этихъ страданій.

Мендельсонъ говоритъ, что «безъ Бога, Провидѣнія

и безсмертія всѣ блага теряютъ свою цѣну и жизнь уподобляется скитальчеству въ бурю и вѣтеръ, безъ утѣшенія найти къ вечеру убѣжище и покой». Такъ далеко я не иду; я довольствуюсь и меньшимъ; я не требую даже и безусловнаго безсмертія; съ меня довольно и относительнаго, которое доступно для нашего ума и совершенно достаточно для того, чтобы съ вѣрою въ него посвятить себя общечеловѣческимъ интересамъ, смѣлѣе переносить превратности жизни и поступать съ своимъ ближнимъ какъ съ дѣйствительно близкимъ человѣкомъ. Кантъ не былъ пессимистомъ, не смотря на то, что понималъ все, что есть нецѣлесообразнаго и бѣдственнаго въ нашемъ существованіи, именно потому, что онъ исходилъ изъ положенія, «что цѣлое есть наилучшее и все хорошо ради цѣлаго». Старый Кантъ во всѣхъ вопросахъ если не склоняется всегда къ худшему результату, то стоитъ очень не далеко отъ него.

Пессимистическія воззрѣнія Шопенгауэра и Гартмана слишкомъ извѣстны, чтобы особенно на нихъ останавливаться. Когда матеріалисты не признаютъ за человѣческимъ бытіемъ никакого высшаго назначенія, и такимъ образомъ осуждаютъ человѣчество на вѣчную темницу,— когда современные пессимисты только въ уничтоженіи міра полагаютъ опредѣленную цѣль существованія и слѣдовательно ведутъ человѣчество изъ темницы къ смерти, то отсюда ясно, что оптимизмъ лишь въ томъ случаѣ получитъ оправданіе, если наше бытіе будетъ признано преходящимъ, а біологическій міръ нѣкоторой школой развитія въ высшемъ смыслѣ. Не понапрасну создала себѣ природа въ радостяхъ любви и мукахъ умиранія гарантію того, что необходимый для развитія матеріалъ не истощится; эта предусмотрительность природы есть точно также доказательство того, что наше

бытіе, какъ таковое, не имѣетъ ни цѣны, ни прелести, и что пессимизмъ вполнѣ правъ въ томъ случаѣ, если человѣкъ есть послѣднее звено развитія.

Часто высказывается ошибочное мнѣніе, что будто бы оптимизмъ возможенъ только при теистическомъ міросозерцаніи . . . . Съ признаніемъ эволюціи за естественную и данную въ опытѣ цѣль міра, страданія человѣчества получаютъ свой смыслъ, ибо только съ помощью борьбы дѣлается возможнымъ его развитіе, и эта борьба становится такимъ образомъ необходимой и невозможной безъ страданій. Если я вслѣдствіе тонкости моихъ ощущеній способенъ къ такимъ наслажденіямъ, которыя недоступны для человѣка съ огрубѣлыми чувствами, то это съ другой стороны невозможно безъ большей же съ моей стороны чувствительности и къ боли. Все многоразличіе способностей и наклонностей, встрѣчающееся въ различныхъ органическихъ стадіяхъ, точно такъ же, какъ и внутри одной стадіи,— ни понятно, ни законно, если оно не вызвано и, въ извѣстной степени, не пріобрѣтено прежнею дѣятельностью.

Все, что я дѣлаю для развитія своего духа, все это идетъ на развитіе моихъ талантовъ и способностей; мои нравственныя побѣды также существенно опредѣляютъ дальнѣйшее развитіе моего характера; наконецъ, мнѣ кажется не невѣроятнымъ, что страданіе и способность къ наслажденію находятся въ подобныхъ же отношеніяхъ. Равновѣсіе и равнозначительность силъ все болѣе и болѣе обнаруживаются опытомъ; нѣтъ основанія не принимать ихъ и въ данномъ случаѣ; вѣдь мы же знаемъ, что даже въ этой жизни сознательная дѣятельность постепенно переходитъ въ безсознательную способность. Человѣческая форма бытія не можетъ быть прожита безъ извѣстной степени зрѣлости, или—что то же самое—безъ извѣстной суммы страданій.

Тотъ, кто не приписываетъ природѣ во всемъ ея величіи никакой другой цѣли кромѣ образованія и поддержки нашей теперешней формы бытія, или хотя бы и улучшеннаго, но все-таки аналогичнаго ей существованія, и кто въ своемъ ближнемъ и въ себѣ самомъ не видитъ, не находитъ или не чувствуетъ ничего инаго, кромѣ комка протоплазмы—такой человѣкъ внушаетъ мнѣ только сожалѣніе, потому что онъ совершенно безцѣльно прошелъ большую часть длиннаго и, къ сожалѣнію, тернистаго пути. Къ счастію я убѣдился изъ опыта, что именно величайшіе крикуны всѣхъ категорій сейчасъ же измѣняютъ своей точкѣ зрѣнія, когда дѣло доходитъ ad fractionem panis, и что кажущаяся увѣренность на словахъ не всегда совпадаетъ съ таковой же увѣренностью на дѣлѣ.

Наоборотъ, кто разсматриваетъ міръ какъ громадный и безконечный процессъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, тотъ найдетъ въ нашемъ міровоззрѣніи не только утѣшеніе въ томъ, что онъ участвуетъ въ общей работѣ, не лишаясь совершенно плодовъ своихъ трудовъ и страданій, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ познаетъ обязанность и пользу въ заботѣ не только о своемъ собственномъ моральномъ и интеллектуальномъ развитіи, но и о поддержаніи чужаго.

Чѣмъ раньше интеллигентная часть общества откажется отъ эгоизма, тѣмъ быстрѣе пойдетъ развитіе; первое, однако, никогда не удастся въ томъ случаѣ, если, вслѣдствіе ограниченія индивидуальной функціи нашимъ бытіемъ, получитъ господство пессимистическое воззрѣніе, и все значеніе будетъ признано за жизнью, представляющей лишь извѣстную форму обнаруженія настоящей жизни. День есть, безспорно, неизбѣжное и важное по своимъ послѣдствіямъ звено въ развитіи жизни человѣка, однако совершенно иначе проживешь его,

когда знаешь, что онъ единственный и послѣдній, нежели когда знаешь, что онъ заключаетъ въ себѣ какъ плоды прошедшаго, такъ и зародыши будущаго. Охота, путешествія, несчастія на морѣ познакомили меня, какъ и другихъ, съ ощущеніями голода, нужды, боли и опасности. Что мнѣ теперь изъ того, что я узналъ ихъ? Я почти радъ тому, что обогатился этими опытами; и все-таки являются дни, которые самымъ рѣшительнымъ образомъ могутъ вліять на мою жизнь. Въ подобномъ же положеніи находится и біологическій процессъ.

Но и наоборотъ, было грубою ошибкою средневѣковой жизни полагать единственною цѣлью—отрѣшеніе отъ міра для снисканія благоволенія Божія; два міра (которые собственно составляютъ одинъ цѣлый) не могутъ быть отдѣлены другъ отъ друга; не покой, но развитіе и работа—вотъ наше назначеніе, въ какой-бы формѣ мы ни существовали.

Впрочемъ, я считаю своею обязанностью напомнить читателю, что здѣсь идетъ рѣчь не непосредственно о «я», объ отраженномъ фантомѣ мозга, ибо въ немъ немногое можетъ подвергнуться измѣненію, но о внутренней цѣнности и о большей способности къ образованію органическихъ формъ, которыя собственно и представляютъ собою выраженіе этой цѣнности. Метафизическая «Воля» или «Безсознательное», при этомъ ничѣмъ неоправдываемомъ ограниченіи индивидуальной функціи, встрѣтили бы несравненно большія препятствія въ развитіи извѣстныхъ намъ чувственныхъ формъ, чѣмъ индивидуализмъ, защищаемый мною, уже не говоря о томъ, что цѣль міра у пессимистовъ не можетъ быть названа ни разумной, ни моральной, ни для насъ утѣшительной.

За окончательную побѣду оптимизма я нисколько не опасаюсь; я и мои единомышленники стремимся къ возможному ускоренію этой побѣды. «Ритмъ движенія»

привелъ насъ къ тому, что мы отъ вѣры въ личнаго, ничѣмъ не связаннаго, Всемогущаго Творца и Промыслителя и отъ надеждъ на вѣчное блаженство погрузились во мракъ полнаго матеріализма, который, въ свою очередь, также проходитъ, смѣняясь разсвѣтомъ. Въ области біологіи за Бюхнеромъ и Фогтомъ слѣдуетъ Геккель и Спенсеръ, за пессимизмомъ Шопенгауэра — пессимизмъ Гартмана и т. д.; а на это во всякомъ случаѣ слѣдуетъ смотрѣть какъ на шагъ впередъ по направленію къ оптимизму. Если изложенное здѣсь ученіе тоже не открываетъ намъ вѣчности и столь же мало можетъ спасти намъ наше любезное «я», сколько мы въ состояніи снова вызвать какой нибудь пріятный сонъ, то распространеніе индивидуальной функціи или сохраненіе вызывающихъ жизнь соединеній за предѣлами явленія отдѣльной формы есть во всякомъ случаѣ дальнѣйшій шагъ въ направленіи къ оптимизму.

Тотъ, кто проповѣдуетъ теорію, отрицающую у всего природнаго міра разумъ и нравственность и отнимающую у человѣка всякую надежду избавиться какимъ либо инымъ путемъ, какъ не уничтоженіемъ, отъ безцѣльныхъ страданій, соединенныхъ съ его жизнью, тотъ несетъ на себѣ большую отвѣтственность и обязанъ серьезно обдумать свое ученіе; ибо заблужденіе оптимизма не можетъ быть причиною тѣхъ бѣдствій, которыя необходимо несетъ за собою пессимизмъ. По самой природѣ законовъ развитія, проповѣдуемое ученіе о небесномъ спасеніи должно было вызвать противоположное стремленіе, которое обнаружилось, въ матеріализмѣ и пессимизмѣ ближайшаго прошлаго, и столь же односторонне, какъ и то ученіе, указывало намъ на наше бытіе, какъ на единственную и самую высокую цѣль жизни. Это противорѣчіе можетъ найти свое разрѣшеніе только въ томъ предположеніи,

что организмъ есть проявленіе нѣкотораго существа, обладающаго большею продолжительностью индивидуальной функціи, и что подъ «жизнью» не должно разумѣть наше сознательное бытіе, но наоборотъ, въ этомъ послѣднемъ видѣть извѣстную форму проявленія «жизни».

Я понимаю, что теорія, утверждающая ничтожность и призрачность человѣческой, обусловленной сознаніемъ, индивидуальности, съ перваго взгляда покажется противорѣчивой очень многимъ—даже тѣмъ, кто вѣритъ въ большую продолжительность индивидуальной функціи; не слѣдуетъ однако забывать, что далеко не въ первый разъ мы поставляемся въ необходимость привыкать къ кажущейся непонятности чего либо, что̀ потомъ мы причисляемъ къ совершенно естественнымъ и необходимымъ явленіямъ. Люди должны же были привыкнуть къ антиподамъ и вращенію земли, хотя обѣ эти истины сначала казались нелѣпостью, и противорѣчили нашимъ чувствамъ. Еще теперь существуютъ люди, не знающіе и не понимающіе, что желтый и красный цвѣтъ извѣстнаго предмета суть произведеніе нашихъ чувствъ, хотя причины ихъ различія и лежатъ внѣ насъ, что въ иначе устроенныхъ глазахъ эти причины произведутъ совершенно иныя представленія и ощущенія, и что наши понятія о пространствѣ точно также зависятъ отъ нашей организаціи. Тоже самое представляетъ и человѣческое явленіе; и здѣсь не легко убѣдиться, что наше «я» есть только форма сознанія нѣкоторой другой, глубже лежащей индивидуальности. Относительно нашего теперешняго «я» пессимизмъ имѣетъ полную силу; онъ имѣлъ бы то же значеніе и для души, если бы въ нашемъ «я» заключалось все содержаніе послѣдней.

Впрочемъ, переходъ отъ все болѣе и болѣе распро-

страняющагося монизма непознаваемаго, абсолютнаго или безсознательнаго біологовъ и философовъ къ моему индивидуализму вовсе не такъ рѣзокъ и ужъ нисколько не рѣзче, чѣмъ переходъ отъ ученія, что солнце есть центръ земной орбиты, къ ученію, что солнце также есть вращающееся свѣтило въ другой обширнѣйшей системѣ; только центръ вращенія переставляется въ бо́льшее неизвѣстное намъ отдаленіе, принципъ же остается тѣмъ же самымъ. Утвержденіе, что индивидуальная функція раньше получаетъ начало и позже приходитъ къ концу, чѣмъ вообще думаютъ—это утвержденіе, право, не представляетъ ничего изъ ряда вонъ выходящаго.

Великіе и рѣшительные моменты въ ходѣ просвѣщенія, важные и неоцѣненные успѣхи его заключались въ побѣдѣ надъ суевѣріемъ и въ откровеніяхъ положительной науки вплоть до развитія матеріализма, потомъ опять въ побѣдѣ этого послѣдняго монизмомъ. Индивидуализмъ, выставленный здѣсь, не есть абсолютный, метафизическій, но относительный; сравнительно съ вышеупомянутыми пріобрѣтеніями, онъ представляетъ лишь небольшой шагъ впередъ, шагъ, которымъ дается человѣку, правда, очень скромное мѣсто, но за то утѣшительное назначеніе.

Сколь мало человѣческая индивидуальность образуется изъ ничего, изъ случайнаго соединенія веществъ, или непосредственно исходитъ изъ великаго всеобъемлющаго принципа, столь же мало должна она возвратиться въ это ничто или безсознательное; это исчезновеніе имѣетъ мѣсто только для «я» (формы сознанія), которое развивается въ дѣтствѣ и существуетъ до гроба, котораго раньше никогда не было и потомъ болѣе не будетъ, относительно котораго пессимизмъ имѣетъ полную силу; но это исчезновеніе никоимъ образомъ не можетъ по-

стигнуть существо, лежащее въ основѣ этой формы сознанія.

Что остается отъ нашего «я» — это вопросъ слишкомъ далеко входящій въ область трансцендентнаго, въ сферу возможности и вѣроятности. Во всякомъ случаѣ это будутъ извѣстнаго рода способности, пріобрѣтенныя душою; ибо, вѣдь, и въ нашей жизни безсознательные процессы переходятъ въ сознательные и сознательные опыты въ безсознательныя способности. О мысленныхъ praedicabilia души мы говорили уже на 200 страницѣ.

XII.

Заключеніе.

Хотя я и полагаю, что устранилъ много возраженій, противопоставляемыхъ моему ученію, и привелъ не мало основаній въ пользу его, тѣмъ не менѣе я знаю очень хорошо, что далеко еще не всѣ возраженія и доказательства исчерпаны, и желаю отъ всей души, чтобы доброе дѣло, защищаемое моими слабыми силами, нашло лучшихъ и многочисленнѣйшихъ защитниковъ!

Слѣдующее однако, полагаю, я доказалъ вполнѣ опредѣленно.

Пребывающая индивидуальная функція организующей души, какъ я ее понимаю:

1) не находится въ противорѣчіи ни съ фактами опыта и общепризнанными біогенетическими законами;

2) ни съ современными индивидуалистическими воззрѣніями, но имѣетъ сравнительно съ ними то преимущество, что чудесное въ организаціи относитъ на счетъ естественнаго развитія, имѣющаго весьма большую продолжительность, а не на счетъ внезапнаго и безцѣльнаго появленія какой-то непостижимой монады, и

наконецъ 3) большая продолжительность индивидуальной функціи души не находится въ противорѣчіи

съ признаніемъ великаго монистическаго принципа, какъ основы міра; наоборотъ, она несравненно достойнѣе его.

Итакъ, я, кажется, доказалъ, что мой индивидуализмъ возможенъ въ каждомъ изъ трехъ міровоззрѣній и кромѣ того представляетъ улучшеніе для каждаго изъ нихъ. Посвятить себя и другихъ цѣлямъ всеобщаго прогресса, не служить удобреніемъ, но войти дѣятелемъ въ развитіе,—это, конечно, имѣетъ больше смысла, чѣмъ безцѣльность нашего бытія, проповѣдуемая пессимизмомъ. Наша культура держится трудами, лишеніями и страданіями предшествовавшихъ поколѣній. Пиѳагоръ былъ правъ въ этомъ отношеніи, какъ впрочемъ и во многихъ другихъ.

Я не ожидалъ, что мое желаніе, чтобы защищаемый мною индивидуализмъ попалъ въ болѣе сильныя руки, чѣмъ мои, такъ скоро осуществится на самомъ дѣлѣ.

14-й листъ этого сочиненія былъ почти уже отпечатанъ, когда въ Лейпцигѣ вышелъ первый томъ «Научныхъ Изслѣдованій» Цѣльнера, и я могу только сожалѣть, что раньше не могъ воспользоваться этою книгою, въ достоинствахъ которой читатель убѣдится и изъ того немногаго, что я приведу здѣсь.

Данныя біологіи и критика философскихъ системъ съ необходимостью привели насъ къ нѣкоторой неизвѣстной величинѣ, представляющей собою организующій, развивающій и фунгирующій элементъ въ біологическомъ процессѣ, тогда какъ извѣстная намъ организація есть лишь преходящее явленіе этой величины. Различныя основанія заставили насъ заключить о необходимости иныхъ физическихъ условій для существованія этого *xy*, особенно о необходимости другихъ пространственныхъ отношеній.

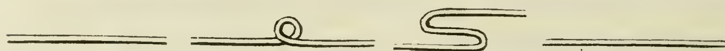
И вотъ профессоръ Цёльнеръ, опираясь на Канта, который во всѣхъ областяхъ науки открывалъ апріорнымъ путемъ истины, находившія потомъ свое полное подтвержденіе, сообщаетъ намъ свои умозрѣнія касательно пространства. Кантъ говорилъ, что форма нашего трехмѣрнаго пространства есть дѣло нашей организаціи, что возможно и даже вѣроятно существованіе пространствъ о четырехъ измѣреніяхъ и болѣе (см. его «Gedanken von der wahren Schätzung der Kräfte»); онъ говоритъ далѣе въ предисловіи, что «наука о всѣхъ возможныхъ родахъ пространства была бы высшей геометріей, какую только могъ бы создать человѣческій разумъ».

Цёльнеръ схватился за эту смѣлую мысль и сдѣлалъ попытку осуществить или, по крайней мѣрѣ, положить основы для осуществленія мечты Канта. Несомнѣнно, что именно Цёльнеръ болѣе всѣхъ призванъ къ этому, потому что съ основательностью и глубокими познаніями въ естественныхъ наукахъ онъ соединяетъ высокоразвитый и сильный умъ, каковыя качества ярко обозначились уже въ первомъ его сочиненіи «Ueber die Natur der Kometen». Прежде же всего дѣлаютъ его способнымъ къ этому основательное знаніе и пониманіе Канта.

Опираясь на Канта и Гаусса, поощряемый мюнхенскимъ математикомъ Клейномъ, онъ сдѣлалъ попытку примѣнить высшую форму пространства къ теоріи завязыванія нитки. Онъ говоритъ (стр. 272): «Представимъ себѣ нитку ab, прямую и потому занимающую одно измѣреніе; сгибая нитку такъ, чтобы ея части находились въ одной плоскости, мы произведемъ это движеніе по второму измѣренію. Мы можемъ дать ниткѣ такого рода видъ ———Ջ———, причемъ всѣ части ея, если онѣ безконечно тонки, будутъ находиться въ одной плоскости, въ двумѣрномъ пространствѣ. Привести

эту гибкую нитку, не разрывая ея, въ ея первоначальное прямое состоянiе, такъ чтобы во время распрямленiя части ея находились въ той-же самой плоскости,— можно только такимъ образомъ, что одинъ конецъ ея будетъ обращенъ по цѣлой окружности въ 360°.

«Для двумѣрныхъ существъ такiя дѣйствiя надъ ниткой были бы тѣмъ же самымъ, что мы, трехмѣрныя существа, называемъ завязыванiемъ и развязыванiемъ узла. Но если бы существо, имѣющее вслѣдствiе своей тѣлесной организацiи только представленiе двумѣрнаго пространства, обладало способностью производить надъ ниткой дѣйствiя, возможныя только въ пространствѣ трехъ измѣренiй, то такое существо гораздо проще развязало бы этотъ двумѣрный узелъ. Ему стоило бы только перегнуть одну часть нитки, такъ чтобы по окончанiи этого движенiя, когда бы всѣ части нитки находились опять въ одной плоскости, нитка послѣдовательно принимала слѣдующiе виды:

«Подобными же дѣйствiями, только въ обратномъ порядкѣ, такое существо могло бы снова завязать нитку, вовсе не прибѣгая къ тому прiему, по которому всѣ части нитки не должны выходить изъ двумѣрнаго пространства.

«Перенося по аналогiи эти соображенiя на трехмѣрный узелъ, легко видѣть, что какъ завязыванiе, такъ и развязыванiе подобнаго узла возможно только посредствомъ такого дѣйствiя, при которомъ части нитки опишутъ линiю двойной кривизны, какъ это видно на фигурѣ:

«Для насъ, какъ существъ трехмѣрныхъ, завязываніе и развязываніе такого узла возможно лишь при полномъ круговомъ оборотѣ (въ 360°) одного конца нитки въ плоскости наклонной къ той, въ которой находится двумѣрная часть узла. Но если бы между нами были существа, могущія по произволу производить движенія матеріальныхъ тѣлъ въ четырехмѣрномъ пространствѣ, они были бы въ состояніи гораздо быстрѣе завязывать и развязывать такіе узлы и притомъ способомъ совершенно анологичнымъ съ тѣмъ, который былъ указанъ при двумѣрномъ узлѣ.

«Вовсе не необходимо, даже невозможно, чтобы подобныя существа имѣли сознательныя представленія объ этихъ актахъ своей воли. Ибо всѣ имѣющіяся у насъ представленія о движеніяхъ другихъ тѣлъ пріобрѣтены нами исключительно путемъ опыта. Мы съ дѣтства наблюдали, что всякое движеніе частей нашего тѣла сопровождалось закономѣрнымъ измѣненіемъ зрительныхъ впечатлѣній, и только поэтому въ состояніи теперь соединять намѣренную перемѣну мѣста нашего или другаго тѣла съ соотвѣтственнымъ представленіемъ о движеніи. Слѣдовательно, эти представленія не могли-бы возникнуть никогда, если-бы въ отдѣльныхъ индивидуумахъ, и то только иногда, воля могла производить движенія, для геометрическаго опредѣленія которыхъ необходима система четырехмѣрныхъ координатъ».

Это было написано нѣсколько мѣсяцевъ раньше того, чѣмъ послѣдовали опыты, о которыхъ говорится ниже. На стр. 726 читаемъ:

«Такимъ образомъ, если оба конца нитки связаны вмѣстѣ и запечатаны, то разумное существо, которое могло-бы произвольно предпринять четырехмѣрныя сгибанія и движенія нитки, должно быть въ состояніи, не

нарушая цѣлости печати, завязать на простой ниткѣ одинъ или нѣсколько узловъ».

«Этотъ опытъ и удался мнѣ, въ теченіи нѣсколькихъ минутъ, при помощи американскаго медіума г. Генри Слэда, въ Лейпцигѣ, 17-го декабря 1877 г. въ 11 часовъ утра... Печать постоянно оставалась лежащею на столѣ, предъ глазами насъ всѣхъ, а находившаяся на столѣ, какъ показано на рисункѣ, часть бичевки была крѣпко прижата къ поверхности стола большими пальцами моихъ обѣихъ рукъ; остальная часть бичевки висѣла, спускаясь на мои колѣни; я желалъ получить одинъ узелъ, а между тѣмъ въ теченіи немногихъ минутъ завязаны были на бичевкѣ четыре узла, совершенно вѣрно изображенные на таблиѣ IV-й...»

«Во время опытовъ я не забывалъ постоянно имѣть въ виду критерій, отличающій субъективную фантазму отъ объективнаго факта. Четыре узла на упомянутой выше бичевкѣ съ неповрежденною печатью еще и теперь лежать передо мною, я могу представить эту бичевку на разсмотрѣніе каждому, я могъ бы послѣдовательно отправить ее ко всѣмъ ученымъ корпораціямъ всего міра, чтобы убѣдить ихъ, что дѣло идетъ здѣсь не о субъективной фантазмѣ, а о такомъ объективномъ дѣйствіи, которое впродолженіи извѣстнаго времени происходило въ реальномъ мірѣ, и которое ни одинъ человѣческій умъ не въ состояніи объяснить съ помощью нашихъ нынѣшнихъ понятій о пространствѣ и силѣ».

«Если, несмотря на все это, захотятъ отвергнуть вѣрность сообщеннаго факта, возможность котораго выведена мною на основаніи расширеннаго понятія о пространствѣ, то остается еще одинъ только способъ объясненія, вытекающій изъ весьма распространенной нынѣ формы нравственныхъ понятій. Способъ этотъ заключается въ допущеніи того, что я и тѣ почтенные

лейпцигскіе граждане, въ присутствіи которыхъ совершилось наложеніе печатей на многія подобныя бичевки, или низкіе обманщики или не находились въ здравомъ умѣ, такъ что не могли увидать, какъ г. Слэдъ, прежде наложенія печатей, завязалъ узлы на всѣхъ бичевкахъ. Обсужденіе такой гипотезы принадлежало бы однакожь уже не къ области науки, а къ области общественныхъ приличій. Если впрочемъ мои коллеги, Гельмгольцъ и Пфаундлеръ, будутъ склонны причислить меня и упомянутыхъ почтенныхъ людей (между ними есть одинъ, имя котораго вписано неизгладимыми чертами и золотыми буквами въ лѣтописи нѣмецкаго естествовѣдѣнія) къ классу «чудотворцевъ» и «вѣрующихъ безъ критики» или прямо къ «благородной сволочи», то я позволю себѣ имъ замѣтить, что, пока я самъ не сдѣлался свидѣтелемъ этихъ явленій, я находился на той же точкѣ зрѣнія, какъ ихъ кліентъ Тиндаль, который говоритъ:

— Я вовсе не былъ абсолютно невѣрящимъ и считалъ напротивъ вѣроятнымъ, что въ основѣ этихъ явленій лежитъ какой-нибудь физическій принципъ, неизвѣстный самимъ спиритамъ».

«Различіе между Тиндалемъ и мною заключалось лишь въ томъ, что я не считалъ свой умъ столь необычайно развитымъ, чтобы одной четверти часа, проведенной за столомъ, мнѣ было достаточно для того, чтобы открыть этотъ физическій принципъ».

«Я же, напротивъ, считалъ мои умственныя силы настолько недостаточными для объясненія этихъ замѣчательныхъ явленій, что, при началѣ моихъ опытовъ со Слэдомъ, имѣлъ лишь слабую надежду быть осчастливленнымъ къ концу постояннаго восьмидневнаго экспериментальнаго изслѣдованія полученіемъ фактическихъ доказательствъ въ вѣрности моей теорія, къ которой я

пришелъ съ помощью «синтетическихъ сужденій а priori.»

Вотъ что говоритъ профессоръ Цёльнеръ. Къ этому я могу только прибавить, что въ январѣ 1878 года, въ Вѣнѣ, я точно также произвелъ вмѣстѣ со Слэдомъ—конечно при другихъ обстоятельствахъ—нѣсколько опытовъ съ завязываніемъ узловъ и видѣлъ много другихъ поразительныхъ явленій *). Я знаю по опыту, что одного упоминанія имени Слэда достаточно для того, чтобы навлечь анаѳему со стороны такъ называемыхъ «людей науки», точно также какъ было совершенно достаточно тѣхъ немногихъ явленій въ ненормальной организаціи, которыя приведены были въ моей «Philosophie des gesunden Menschenverstandes», чтобы австрійская критика произнесла надо мною свое безапелляціонное осужденіе. Тѣмъ не менѣе, все это очень мало меня смущаетъ и менѣе всего заставляетъ отказаться отъ сообщенія выводовъ и соображеній, вытекающихъ изъ моихъ опытовъ, такимъ людямъ, какъ Цёльнеръ, съ тѣмъ чтобы они подтвердили ихъ или отбросили, а можетъ быть, и воспользовались ими.

Выводы, къ которымъ пришли Кантъ и Цёльнеръ на основаніи синтетическихъ сужденій а priori въ связи съ опытами послѣдняго заключаются, какъ мы видѣли, въ томъ,

1. что есть существа, недоступныя нашему ощущенію;

2. что они о четырехъ измѣреніяхъ.

Соглашаясь съ этимъ въ виду своихъ собственныхъ опытовъ, я укажу еще на слѣдующіе результаты, съ необходимостью вытекающіе изъ наблюденій; пусть

---

*) Читатели, интересующіеся, могутъ отчасти познакомиться съ фактами изъ брошюры, «Slade's Aufenthalt in Wien», которую мы ниже и прилагаемъ.

такіе ученые, какъ Цёльнеръ, испытаютъ ихъ вѣрность собственными опытами. Результаты эти состоятъ въ томъ:

3. что эти четырехмѣрныя существа должны—или, по крайней мѣрѣ, могутъ—имѣть познаніе о нашихъ трехмѣрныхъ понятіяхъ и представленіяхъ; и это тѣмъ менѣе удивительно, что оно несомнѣнно;

4. что нѣкоторые люди (къ которымъ Слэдъ однако не принадлежитъ) иногда, въ видѣ исключеній (напр. во снѣ), обнаруживаютъ существованіе въ себѣ многомѣрной природы. Шопенгауэръ едва-ли былъ неправъ, когда у тѣхъ, кто не знаетъ этихъ фактовъ и все-таки отвергаетъ ихъ, онъ отрицалъ всякое образованіе. Изъ этихъ же опытовъ выходитъ:

5. что человѣческое бытіе и развитіе—ничто иное какъ вступленіе существа о многихъ измѣреніяхъ въ трехмѣрную форму представленія;

6. что это вступленіе бываетъ полное, когда ему подлежитъ вещество зародышевой клѣтки, и неполное, когда оно совершается только вслѣдствіе расположенія къ нему извѣстнаго организма, какъ это имѣетъ мѣсто у Слэда и нѣкоторыхъ другихъ;

7. что безъ этого вступленія, которое уподобляется сплоченію, невозможно никакое видимое соприкосновеніе съ этимъ четырехмѣрнымъ существомъ. Только въ минуту смерти для значительнаго числа организмовъ, по-видимому, открывается возможность активно воздѣйствовать или пассивно воспринимать дѣйствія этихъ существъ. Нѣкоторые, мною, правда, неиспытанные случаи, но тѣмъ не менѣе достовѣрные, даютъ право разсматривать это явленіе какъ состояніе переходное (изъ трехмѣрной формы въ четырехмѣрную).

Чтó хотя и не доказывается съ очевидностью моими наблюденіями, но является на основаніи ихъ очень

вѣроятнымъ, — это многократная смѣна пространственныхъ отношеній. Въ этомъ убѣждаетъ насъ ходъ эмбріональнаго и племеннаго развитія и нѣкоторыя другія наблюденія.

Вотъ результаты моихъ опытовъ въ этой области, къ которымъ я пришелъ совершенно независимо отъ Цёльнера и другихъ; при этомъ я долженъ однако замѣтить, что вполнѣ научнымъ и опредѣленнымъ выраженіемъ и различеніемъ трехъ и четырехмѣрныхъ формъ пространства я обязанъ изслѣдованіямъ Цёльнера: въ то время какъ я долженъ былъ приписать душѣ только вообще «иныя физическія, въ особенности же иныя временныя и пространственныя отношенія», эти послѣднія въ талантливомъ сочиненіи Цёльнера получили гораздо болѣе точное опредѣленіе. Я могу только пожелать, чтобы въ другихъ своихъ опытахъ, на которые онъ намекаетъ, Цёльнеръ нашелъ средства подкрѣпить и, по возможности, дополнить свои выводы.

Я знаю, что выставленныя мною положенія вызовутъ не мало нападокъ со стороны господствующаго міросозерцанія, незнающаго или непонимающаго глубокихъ мыслей Канта, которыми частью вызваны, частью поддерживаются эти положенія. Но я счелъ своею обязанностью присоединить ихъ къ изложенному здѣсь индивидуалистическому воззрѣнію, во первыхъ, потому, что Цёльнеръ въ своихъ превосходныхъ научныхъ изслѣдованіяхъ вступилъ въ борьбу съ господствующимъ мнѣніемъ, въ которой я считаю за честь стоять съ нимъ подъ однимъ знаменемъ, и это тѣмъ болѣе, что вѣдь весь вопросъ заключается только въ томъ, обладаемъ-ли мы, подобно другимъ, здоровыми пятью чувствами, чтобы можно было довѣрять нашимъ показаніямъ; что-же касается до фактовъ, то они имѣютъ свою собственную

логику и въ данномъ случаѣ являются нашими союзниками. Второе основаніе заключается въ томъ, что мои praedicabilia души и вообще весь базисъ моего индивидуалистическаго воззрѣнія находятся въ полномъ соотвѣтствіи съ этими фактами и съ талантливымъ изслѣдованіемъ Цёльнера.

Процессъ развитія теоріи пространства отъ Канта до Цёльнера напоминаетъ открытіе «Нептуна». Ньютонъ установилъ законы всемірнаго тяготѣнія, Леверрье, основываясь на нихъ, строилъ свои умозрѣнія, а Галле открылъ Нептуна. Кантъ посредствомъ синтетическихъ сужденій a priori сдѣлалъ заключеніе объ идеальности нашихъ представленій о пространствѣ, и указалъ на возможность и вѣроятность пространства о большемъ числѣ измѣреній; Цёльнеръ, основываясь на этомъ, строилъ свои умозрѣнія, а факты увѣнчали дѣло.

Что же касается до меня, то свои и чужія страданія заставляли меня искать возможной основы человѣческаго явленія, а это стремленіе побудило меня заняться изученіемъ природы и философіи. Слѣдуя совѣту и примѣру Канта и Шопенгауэра, я вступилъ также въ область опыта, и она сослужила мнѣ хорошую службу. Такимъ образомъ, вполнѣ независимо отъ Цёльнера и совершенно другимъ путемъ, я пришелъ къ существенно одинаковымъ результатамъ.

Гг. критикамъ, которые не предпочтутъ обойти все это молчаніемъ, а вздумаютъ употребить или, можетъ быть, злоупотребить типографскими чернилами, я позволю себѣ дать совѣтъ, чтобы они занялись немного чтеніемъ сочиненій и біографій такихъ людей, какъ Пиѳагоръ, Сократъ, Платонъ, также Кеплеръ, Ньютонъ, Кантъ, Шопенгауэръ; можетъ быть, то обстоятельство, что все это разнообразное общество также находится,

въ этомъ отношеніи, въ лагерѣ меньшинства, внушитъ имъ ту степень приличія и безпристрастія, которая необходима во всякой критикѣ и, къ сожалѣнію, такъ часто — особенно въ австрійскихъ журналахъ — забывается многими референтами.

ДВѢ ГЛАВЫ

ИЗЪ

„ЛЮДСКИХЪ ПРЕДУБѢЖДЕНІЙ“

(ТОГО ЖЕ АВТОРА).

I.

Феноменальность нашей личности.

Феноменальность ощущеній, матеріи и представленій о пространствѣ доказана. Невольно является теперь вопросъ: что-же можно сказать относительно насъ самихъ? Вѣдь мы состоимъ изъ матеріи, представляемъ объектъ для нашихъ воспріятій; и мы вращаемся въ предѣлахъ трехмѣрнаго пространства?

Все это несомнѣнно, и читатель съ полнымъ правомъ можетъ сказать: и такъ наша личность отличается феноменальнымъ характеромъ?

Я, съ своей стороны, спѣшу прибавить къ этому еще слѣдующее: если личность феноменальна, то ей долженъ соотвѣтствовать нѣкоторый субъектъ, подобно тому какъ составнымъ частицамъ нашего тѣла и всякой вообще матеріи соотвѣтствуютъ извѣстныя реальности. Разумъ съ помощью внѣшнихъ чувствъ создаетъ лишь различные образы этихъ реальностей.

Представленіе дома или цвѣтка не находится готовымъ въ головѣ ребенка, но получается путемъ развитія; подобнымъ-же образомъ развивается и представленіе нашей личности посредствомъ реакціи на воздѣйствія.

Никто яснѣе Шопенгауэра не сознавалъ феноменальности нашей личности. Онъ понимаетъ что между неизвѣстнымъ (міромъ въ собственномъ смыслѣ) и нашимъ представленіемъ стоитъ нашъ интеллектъ, неотдѣлимый отъ организма; отсюда и все наше представленіе міра со включеніемъ нашего человѣческаго «я» есть нѣчто феноменальное, есть представленіе. Въ этомъ справедливомъ воззрѣніи лежитъ причина той ясности и трезвости мысли, которыя отличаютъ бо̀льшую часть его сочиненій. Ошибка Шопенгауэра заключается только въ его попыткѣ познать такъ называемую «вещь о себѣ», или скорѣе въ томъ, что въ «волѣ», и именно во всеединой метафизической волѣ, онъ хочетъ видѣть непосредственную основу міра явленій.

Это послѣднее воззрѣніе не можетъ быть допущено; ибо, во-первыхъ, оно бездоказательно, во-вторыхъ, оно приводитъ къ совершенно ложнымъ выводамъ. Прежде же всего ему противорѣчатъ факты, указывающіе на существованіе функціи нѣкотораго метаорганизма и не имѣющіе ничего общаго съ вышеупомянутой метафизической волей.

Въ данномъ случаѣ не наше дѣло разсматривать, въ чемъ ошибался этотъ великій мыслитель и почему онъ ошибался; мы заняты здѣсь вопросомъ о феноменальности нашей личности, а Шопенгауэръ вполнѣ раздѣляетъ это воззрѣніе *).

Я попытаюсь доказать эту феноменальность самымъ общепонятнымъ путемъ.

---

*) Шопенгауэръ аргументируетъ приблизительно такимъ образомъ: множественность обусловлена пространствомъ и временемъ и въ нихъ только и мыслима, слѣдовательно пространство и время составляютъ principium individuationis. Внѣ нашего представленія не существуетъ ни пространства, ни времени, отсюда и множественность дана только въ нашемъ представленіи, за которымъ можетъ стоять только общая всему единая воля.

Какъ во многихъ вещахъ, такъ и въ опредѣленіи понятій, безсознательное или инстинктъ часто оставляетъ за собою самый развитой умъ; особенно поразительнымъ образомъ сказывается иногда это въ образованіи словъ. Persona (личность) обозначало собственно маску актера, его театральную роль. И, по истинѣ, наша личность не представляетъ чего либо другаго: мы—актеры въ различныхъ роляхъ, а весь человѣческій міръ, въ сущности, немногимъ отличается отъ подмостокъ, гдѣ трагедія смѣняется драмой, драма комедіей, въ которыхъ мы являемся или дѣйствующими лицами, или зрителями; разница только та, что дѣйствіе вмѣсто нѣсколькихъ часовъ продолжается нѣсколько десятковъ лѣтъ; къ сожалѣнію, эта иллюзія измѣряется не часами!

Ни одинъ предразсудокъ не опутываетъ такъ умъ нашъ, какъ убѣжденіе въ воображаемой реальности нашего «я», что, впрочемъ, и вполнѣ понятно: ибо въ данномъ случаѣ умъ нашъ подавленъ не только традиціями предшествующихъ поколѣній, но и свидѣтельствомъ своихъ собственныхъ чувствъ, образующихъ по отношеніи къ нему внѣшній міръ и утверждающихъ его отличіе отъ этого міра. И все-таки нѣтъ ничего легче, какъ доказать, что наша личность, имѣя подъ собою реальное основаніе, сама есть ф а н т о м ъ, подобно тому, какъ каждое дѣйствительное ощущеніе тоже имѣетъ объективную причину, хотя наше представленіе о ней и феноменально.

Мы знаемъ, что процессъ развитія внѣшнихъ чувствъ начинается съ ощущеній, которыя потомъ вызываютъ различенія, наконецъ представленія; къ каковымъ представленіямъ принадлежитъ также и наше тѣло. Сознаніе нашей личности развивается лишь впослѣдствіи. Дѣти говорятъ о себѣ въ третьемъ лицѣ, под-

ставляя вмѣсто своего «я» какое нибудь имя. И такъ какъ всѣ наши ощущенія по природѣ своей феноменальны, хотя и имѣютъ реальную основу, то отсюда совершенно ясно, что и вся совокупность проявленій этой реальности можетъ быть только феноменальною, что, впрочемъ, вполнѣ подтверждается и со стороны опыта.

Когда мы спимъ, тогда погасаетъ феноменъ сознанія и, вмѣстѣ съ нимъ, наша личность—можетъ быть, для того, чтобы вспыхнуть слабымъ огнемъ въ сновидѣніи. Поводы къ сновидѣніямъ бываютъ различны: то это мысли, живо или непосредственно передъ сномъ насъ занимавшія, то это органическія разстройства, то внѣшнія вліянія; и именно при этихъ двухъ послѣднихъ мы замѣчаемъ, что внѣшнему впечатлѣнію всегда соотвѣтствуетъ во снѣ только нѣчто аналогичное дѣйствительности. У сумасшедшихъ и страдающихъ лихорадкой мы замѣчаемъ полное несоотвѣтствіе между созданіями ихъ воображенія и дѣйствительностью. Но какъ спящій или безумный не вѣрятъ въ феноменальность своего сознанія, точно также и простой здравый смыслъ держится этого предубѣжденія до тѣхъ поръ, пока путемъ размышленія онъ не придетъ къ противоположному взгляду. Всякое безумное представленіе, даже всякое сновидѣніе представляетъ для мыслящаго человѣка доказательство феноменальной природы сознанія.

Вопросъ о томъ, что лежитъ за феноменальностью нашей личности, индивидуальная ли монада или безсознательное и т. д., есть предметъ философіи и сюда не относится: здѣсь мы хотимъ только представить доказательства въ пользу феноменальности нашего сознанія, а слѣдовательно и личности, которая лишь постепенно развивается изъ дѣтскаго сознанія. Я сдѣлаю эту феноменальность для моего читателя столь оче-

видной, что онъ ни минуты не будетъ потомъ въ ней сомнѣваться; для этой цѣли я долженъ обратиться къ сравненію.

Представимъ себѣ комнату, въ которой находятся предметы и двигаются люди; положимъ, что вдоль одной изъ стѣнъ этой комнаты расположено зеркало, которое на своей двумѣрной плоскости отражаетъ всѣ предметы и всѣ измѣненія, могущія произойти въ комнатѣ.

Само собою разумѣется, что въ зеркалѣ отразится не все находящееся въ комнатѣ, а только то, что находится подъ извѣстнымъ угломъ; точно также и на зеркальной плоскости мы не увидимъ ни одного предмета, случайно заслоненнаго какимъ либо другимъ.

Представимъ себѣ теперь человѣка внѣ комнаты, который однако видитъ зеркало, хотя самой комнаты и не видитъ, напримѣръ въ отверстіе, сдѣланное въ двери. Если мы предположимъ, что трехмѣрная комната и все, въ ней находящееся, представляетъ собою міръ, и что зеркало, чрезъ которое мы смотримъ на міръ, есть **организмъ человѣка, то можно бы было двумѣрный образъ на зеркалѣ сравнить съ трехмѣрнымъ образомъ міра въ нашемъ сознаніи.**

Тогда всѣ явленія въ **четырехмѣрномъ** мірѣ отражались бы въ нашемъ сознаніи въ **трехмѣрной** формѣ, точно также какъ явленія въ **трехмѣрной** комнатѣ отражаются въ зеркалѣ въ формѣ двумѣрной.

Субъектъ во мнѣ и всѣ атомы моего тѣла и всего міра вовсе не суть трехмѣрныя образованія, какъ обыкновенно думаютъ объ этомъ, а четырехъ — и вообще x-мѣрныя сущности. Для уясненія себѣ этого обратимся опять къ вышеупомянутому сравненію. Пусть читатель обратитъ особенное вниманіе на нижеслѣдующія параллели. Если эти листки попадутся на глаза женщинѣ, то пусть моя прекрасная читательница не за-

бываетъ той мысли, что стѣнное зеркало и головной мозгъ суть то же самое: оба отражаютъ извѣстные образы; первое—плоскостной образъ трехмѣрныхъ тѣлъ, второй тѣлесный образъ невидимаго для человѣка и потому умопостигаемаго только (четырехмѣрнаго) міра.

Двумѣрный образъ въ зеркалѣ.	*Трехмѣрный образъ въ человѣческомъ сознаніи.*
Ничего не можетъ отразиться въ зеркалѣ, чего нѣтъ въ комнатѣ...	Ничего не можетъ быть въ трехмѣрномъ представленіи человѣческаго сознанія, что не было бы воздѣйствіемъ объекта умопостигаемаго или четырехмѣрнаго міра.
Но многіе предметы могутъ быть въ комнатѣ и мы ихъ не замѣтимъ въ зеркалѣ, если эти предметы не находятся подъ опредѣленнымъ угломъ зрѣнія...	Въ четырехмѣрномъ или умопостигаемомъ мірѣ должно быть многое, не отражающееся въ трехмѣрной формѣ нашего сознанія.
Если бы въ комнатѣ не было зеркала, не образовался бы и двумѣрный образъ того, что происходило въ комнатѣ...	Если бы не было человѣческаго организма, то не возникъ бы въ нашемъ сознаніи и трехмѣрный образъ міра.

Если зеркало выпукло или вогнуто, красно или желто, то и трехмѣрная комната со всѣмъ, въ ней находящемся, отразится въ немъ соотвѣтственно въ различныхъ формахъ и цвѣтахъ...

Если измѣняется организмъ, то измѣняется съ нимъ и наше представленіе о мірѣ.

Если мы хотимъ видѣть себя и комнату въ двумѣрномъ отраженіи, то мы должны пріобрѣсти для этого зеркало...

Если мы, будучи умопостигаемыми или четырехмѣрными существами, хотимъ видѣть себя и весь міръ въ трехмѣрной формѣ, то мы должны пріобрѣсть для этого соотвѣтственный организмъ.

Лишь въ томъ случаѣ можемъ мы имѣть двумѣрный образъ себя и комнаты, если мы наши глаза обратимъ отъ насъ и отъ комнаты къ зеркалу...

Лишь въ томъ случаѣ будемъ мы имѣть трехмѣрный образъ самихъ себя, т. е. предполагаемаго въ насъ субъекта, если мы отвернемся отъ умопостигаемаго или четырехмѣрнаго міра.

Свое собственное лицо можемъ мы видѣть только при помощи зеркала...

Нашъ умопостигаемый характеръ можемъ мы познать только чрезъ наше трехмѣрное «я».

Зеркало раньше или позже разрушится и, вмѣстѣ съ нимъ, двумѣрное отраженіе...

Организмъ рано или поздно разрушится и, вмѣстѣ съ нимъ, трехмѣрный образъ нашего представленія.

Комната и все въ ней находящееся останутся тѣ же, если даже зеркало будетъ разбито...

Умопостигаемый или четырехмѣрный міръ и все въ немъ существующее останутся тѣми же, если даже организмъ разрушится.

Смотрящееся въ зеркало «я» останется, если само зеркало будетъ разбито и съ нимъ исчезнетъ двумѣрное въ немъ отраженіе...

Смотрящійся (умопостигаемый) субъектъ останется, если кефалоскопъ, этотъ волшебный фонарь человѣческій, и вмѣстѣ съ нимъ человѣческое «я» исчезнутъ.

Человѣкъ видитъ въ зеркалѣ не дѣйствительныя вещи, но лишь двумѣрный образъ ихъ...	
	Человѣкъ видитъ посредствомъ своего мозга не дѣйствительныя вещи, но ихъ трехмѣрный образъ.

Мы знаемъ, что въ зеркалѣ мы видимъ только отраженіе нѣкоторой реальности, и только животное или дикарь могли бы разбить зеркало, если бы увидѣли въ немъ угрозу или вообще что-нибудь непріятное. Мы знаемъ, что не изъ зеркала грозитъ намъ опасность; ибо оно даетъ намъ только мертвый образъ. Также и относительно нашего міра хочу я поставить читателя на философско-критическую точку зрѣнія—видѣть въ трехмѣрномъ образѣ міра и нашей личности лишь феноменальное отраженіе нѣкотораго другого субъекта и нѣкотораго другаго міра.

Незабвенный Кантъ признавалъ «вещь о себѣ», какъ необходимую основу явленій, и открыто утверждалъ, что душа и «я» суть одинъ и тотъ-же субъектъ, но не могутъ быть одною и тою-же личностью.

Гауссъ, главный защитникъ четвертаго измѣренія, кажется, ясно не сознавалъ этого различія, если только не видѣть описки въ слѣдующихъ словахъ Сарторія фонъ-Вальтерсгаузена: «Гауссъ—по своему глубокому и часто имъ высказываемому убѣжденію—смотрѣлъ на три измѣренія пространства какъ на специфическое свойство души (?); людей, не могущихъ уразумѣть это, онъ назвалъ однажды въ своемъ юмористическомъ настроеніи беотянами. Мы можемъ, сказалъ онъ, представить себѣ существа способныя мыслить только о двухъ измѣреніяхъ, а другія выше насъ стоящія существа, можетъ быть, подобнымъ-же образомъ

смотрятъ на насъ; потому и онъ—продолжалъ онъ шутя—пересталъ заниматься нѣкоторыми вопросами въ своемъ теперешнемъ состояніи, въ надеждѣ въ высшемъ состояніи заняться ихъ геометрическимъ разрѣшеніемъ». «Душа» не трехмѣрна: такова только форма человѣческаго воззрѣнія; лишь фантомъ нашей личности, наше человѣческое сознаніе имѣетъ трехмѣрную форму воззрѣнія, коренящуюся не въ душѣ, а въ организмѣ. Уже Генрихъ Моръ 200 лѣтъ тому назадъ ясно высказывался въ пользу четырехмѣрной природы души. Можетъ быть опредѣленіе души у Гаусса было иное; такъ напримѣръ и Шопенгауэръ смотрѣлъ на душу какъ на соединеніе воли и интеллекта (νους), изъ каковаго соединенія однако возникаетъ только сознаніе, тогда какъ душа (метаорганизмъ) есть существо, проявляющееся въ клѣточкахъ организма и обусловливающее сознаніе.

Даже Цёльнеръ, коего воззрѣнія болѣе всего подходятъ къ моимъ, иногда высказывается такъ, что могутъ возникнуть недоразумѣнія; напримѣръ, когда онъ говоритъ, «что мы находимся въ мірѣ о трехъ измѣреніяхъ». Нѣтъ, только въ головѣ нашей имѣемъ мы трехмѣрное представленіе міра *). Точно такъ же выраженіе: «нашъ міръ есть проекція четырехмѣрнаго міра» должно понимать съ прибавленіемъ: для нашего сознанія, въ зеркалѣ нашего сознанія. Міръ только одинъ, именно *x*-мѣрный, но можетъ разсматриваться въ стекло о 2, 3, 4 или *n*-измѣреніяхъ. Мы совершенно не увѣрены въ томъ, что наши «возлѣ—, за—, подъ—, надъ—другъ другомъ» не суть на самомъ дѣлѣ «другъ въ другѣ», которое

---

*) Что Цёльнеръ разсматриваетъ трехмѣрную форму воззрѣнія какъ продуктъ мозга, объ этомъ онъ очень ясно высказывался въ своей перепискѣ со мною, такъ что между нами можетъ быть рѣчь только о недоразумѣніи, а не о различіи во мнѣніяхъ.

мы только распредѣляемъ по тремъ измѣреніямъ, но которое весьма хорошо могло бы быть распредѣлено и по другому.

Для того, кто освободился отъ вѣры въ реальность ощущеній, матеріи, пространственныхъ отношеній и своей личности, признавъ и уяснивъ себѣ ихъ феноменальность, для того міръ является въ новомъ, особенномъ освѣщеніи. Такой человѣкъ похожъ на того, кто, имѣя передъ своими глазами двумѣрный образъ, отраженный въ зеркалѣ, знаетъ при этомъ, что этотъ образъ есть рефлексъ трехмѣрныхъ процессовъ и объектовъ, и потому сохраняетъ вѣрное пониманіе того, что происходитъ въ зеркалѣ. Онъ, напримѣръ, не удивится, если какой-нибудь предметъ исчезнетъ въ отраженномъ образѣ, будучи заслоненъ другимъ предметомъ или выступивъ изъ предѣловъ пространства, отраженнаго въ зеркалѣ, и потомъ опять появится, потому что вѣдь онъ знаетъ, что передъ нимъ только двухмѣрный образъ вещей, находящихся въ пространствѣ трехъ измѣреній; онъ многое сочтетъ вполнѣ естественнымъ, чего другой, принимающій отраженіе въ зеркалѣ за нѣчто реальное и не имѣющій никакого представленія о третьемъ измѣреніи, не пойметъ совершенно. Если бы это былъ современный тупой натуралистъ, то онъ можетъ быть и совсѣмъ-бы сталъ отрицать неудобное для него явленіе. Подобно тому какъ мы черезъ зеркало не можемъ ощутить, тепло-ли въ комнатѣ или холодно, дурной или хорошій въ ней воздухъ, такъ существуетъ множество вещей и состояній сверхчувственнаго міра, недоступныхъ для нашей познавательной способности.

Въ то время какъ наша кожа лишь при непосредственномъ соприкосновеніи получаетъ ощущенія (исключая, впрочемъ, ощущенія теплоты),—обоняніе дѣйствуетъ уже на болѣе далекомъ разстояніи; еще далѣе распространяются слуховыя ощущенія, наконецъ зрительныя

ощущенія превосходятъ въ этомъ отношеніи всѣ остальныя. Мы издалека видимъ свѣтъ огня, тогда какъ ощущеніе теплоты получается только нами при значительномъ приближеніи къ нему. Тотъ кто съ помощью большаго телескопа станетъ наблюдать въ созвѣздіи большой медвѣдицы двойную звѣзду Мизара, гдѣ одна звѣзда свѣтитъ голубымъ, а другая зеленымъ свѣтомъ, тотъ не отдѣлается отъ впечатлѣнія, что передъ нимъ необъятныя, страшныя огненныя массы. Понятно, что ощущенія теплоты тутъ и въ поминѣ нѣтъ, но свѣтовое явленіе чрезъ громадныя пространства доходитъ и до насъ. Мы очень хорошо знаемъ, что двадцать милліоновъ и четыре съ половиною билліона миль, опредѣляющія разстояніе солнца и неподвижныхъ звѣздъ, въ сущности ничтожны сравнительно съ дальнѣйшимъ необъятнымъ пространствомъ; но это для насъ не имѣетъ особаго значенія, а несомнѣнно одно, что атомы небесныхъ тѣлъ обнаруживаютъ свое дѣйствіе всюду, хотя отдаленность и воздѣйствіе другихъ атомовъ ослабляютъ или парализуютъ нашу ощущающую способность. Если бы это было не такъ, то было бы совершенно непонятно, какимъ образомъ свѣтовыя колебанія доходятъ вплоть до насъ; если же свалить это на колебанія эфира, то является не яснымъ какимъ образомъ притягательныя силы могутъ дѣйствовать въ извѣстномъ отношеніи къ массамъ. Мы знаемъ, что всѣ силы дѣйствуютъ на насъ обратно пропорціонально квадрату разстояній; благодаря этому возникаетъ образъ нашего трехмѣрнаго міра, который столь-же феноменаленъ, какъ и образъ отраженный въ зеркалѣ.

Вслѣдствіе того, что массы имѣютъ рѣшительное значеніе для притяженія, actio in distans (въ нашемъ представленіи) является несомнѣннымъ фактомъ, но тѣмъ самымъ уничтожается и все чудесное, напр. что явленія

въ Лондонѣ обнаруживаютъ свое дѣйствіе въ Вѣнѣ, потому что иначе и быть не можетъ; чудесное заключалось бы въ способности ощущать таковыя дѣйствія, такъ какъ наши чувства въ этомъ отношеніи безсильны. Впрочемъ факты указываютъ на другой путь воспріятія, помимо внѣшнихъ чувствъ. Наши мысли и волевыя напряженія тоже вѣдь представляютъ собою дѣйствующія силы, и есть люди, обладающія необыкновенною въ этомъ отношеніи силою, точно также какъ и такіе, которые ощущаютъ подобныя воздѣйствія.

Вовсе не удивительно, что каждое колебаніе гдѣ-нибудь даетъ знать о себѣ въ мірѣ; оно должно даже давать знать о себѣ, и чудесное могло бы заключаться только въ томъ, если бы кто-нибудь былъ въ состояніи ощутить эти колебанія. Прозрѣніе будущаго сюда не относится, потому что оно скорѣе похоже на предвидѣніе причинъ и дѣйствій, мотивовъ и поступковъ, чѣмъ на дѣйствіе издалека, хотя всѣ понятія о времени безспорно также феноменальны, такъ какъ мѣра времени находится въ зависимости отъ нашей организаціи. Всѣ утвержденія мистиковъ о сверхестественномъ и чудесномъ характерѣ сомнамбулизма, ясновидѣнія, галлюцинаціи совершенно не выдерживаютъ критики: поскольку явленія дѣйствительны, постольку они имѣютъ подъ собой естественную основу. Чудесное во всѣхъ этихъ случаяхъ заключается точно также только въ способности ощущенія.

Слѣдствіемъ-же отсюда является, что должно существовать нѣчто, способное къ ощущенію, ибо внѣшнія чувства не ощущаютъ, а опредѣляютъ лишь качество ощущенія; клѣточки, какъ составныя части нашихъ органовъ, тоже не могутъ создать это единое, тождественное въ продолженіи всей жизни сознаніе ощущенія, съ чѣмъ впрочемъ соглашаются всѣ честные и интеллигентные натуралисты. Такимъ обра-

зомъ и при изслѣдованіи физическаго процесса образованія нашихъ чувственныхъ воспріятій, такъ же какъ и при объясненіи матеріи и пространства, мы приходимъ къ старому положенію Канта, что душа и «я» сознанія составляютъ, правда, одинъ субъектъ, но не могутъ быть одною и тою же личностью.

II.

Умопостигаемый субъектъ.

Для того, кто убѣдился въ феноменальности ощущеній, матеріи, представленій пространства и нашей личности, является неизбѣжный вопросъ, что же все это есть на самомъ дѣлѣ?

Если весь нашъ эмпирическій міръ, со включеніемъ насъ самихъ, феноменаленъ, то спрашивается, что за міръ лежитъ въ основѣ его?

Очевидно—міръ не-эмпирическій, доступный только нашему разуму, слѣдовательно міръ умопостигаемый. Мы будемъ употреблять это выраженіе, во-первыхъ, потому, что и Кантъ пользовался имъ, называя такъ нашъ характеръ, поскольку этотъ послѣдній коренится въ другомъ не эмпирическомъ мірѣ, а, во-вторыхъ, потому, что выраженія «четырехмѣрный» и «трансцендентальный» въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ кажутся мнѣ не совсѣмъ удобными. Въ первомъ представляетъ неудобства число 4, а что касается понятія «трансцендентальный», то трудно провести границу между нимъ и эмпирическимъ.

Познать чрезъ феноменальную призрачность сущность вещей—составляло искони главное стремленіе философовъ; Лейбницъ, Спиноза, Гербартъ, Шопенгауэръ и др., каж-

дый по своему дѣлали попытки въ этомъ направленіи, и хотя ни одну изъ этихъ попытокъ нельзя назвать безусловно ложной, но и на удовлетворительное рѣшеніе вопроса ни одна изъ нихъ претендовать также не можетъ. Что касается Канта, то онъ былъ въ этомъ отношеніи остороженъ; онъ строго различалъ явленіе и вещь о себѣ и ограничился такого рода положеніемъ: вещь о себѣ можетъ обладать такими формами бытія, которыя для насъ совершенно непостижимы. Другіе, наоборотъ, хотѣли объяснить слишкомъ многое, и ложь ихъ воззрѣній скоро обнаружилось. Qui nimium probat, nihil probat! Мы должны будемъ значительно ограничить вопросъ объ умопостигаемой основѣ нашихъ представленій и понятій, и сообразно съ этимъ отдѣлить «пространство и матерію» отъ нашихъ субъективныхъ «ощущеній» и нашей «личности»; ибо, въ то время какъ умопостигаемая основа матеріи и пространства намъ неизвѣстна, мы, по отношенію къ нашимъ ощущеніямъ и личности, уже имѣемъ нѣкоторыя точки опоры.

Что матерія есть лишь продуктъ взаимодѣйствія силъ, это мы знаемъ; но представляютъ-ли собою эти силы вѣчныя единицы (атомы, центры силъ, энергіи) или онѣ суть лишь проявленія одной силы, этого мы уже не знаемъ, да и знать намъ не нужно; для насъ онѣ являются индивидуальными, мы и должны принимать ихъ за таковыя: для практической жизни и міросозерцанія этого совершенно достаточно. Мы допускаемъ, что всѣ звѣзды вращаются вокругъ одного центральнаго солнца, хотя равновѣсіе ихъ устанавливается быть можетъ и инымъ путемъ—вѣдь принимаемъ же мы что нѣкоторыя двойныя звѣзды вращаются около нѣкоторой идеальной оси; вопросъ о конечности или безконечности матеріи и міроваго пространства былъ долго нерѣшеннымъ вопросомъ, да и теперь воззрѣнія

на него весьма различны; и несмотря на то мы имѣемъ очень удовлетворительную астрономію и довольствуемся тѣмъ, что мы можемъ наблюдать и изслѣдовать.

Тоже самое почти можно сказать и о пространствѣ.

Всякая дѣятельность требуетъ извѣстной арены, слѣдовательно нѣкотораго пространства; но какъ относятся другъ къ другу воздѣйствующія на насъ силы (для насъ пространственныя)—независимо отъ нашихъ пространственныхъ отношеній—этого мы не знаемъ. Вполнѣ мыслимо—о чемъ мы уже и говорили—что, въ то время какъ для насъ существуютъ представленія «надъ, подъ и возлѣ другъ друга», истинное пространство есть одно лишь «другъ въ другѣ».

Обѣ эти проблемы относятся къ сферѣ философскихъ соображеній, не имѣющихъ значенія для нашей задачи; для насъ совершенно достаточно, если мы усвоимъ себѣ, что пространственныя отношенія и матерія отличаются феноменальнымъ характеромъ. Что такое они на самомъ дѣлѣ, это продолжаетъ быть загадкою и останется таковою даже въ томъ случаѣ, если мы еще глубже проникнемъ въ тайны природы и еше болѣе будемъ знать о нихъ. Загадка, разгадать которую хочу я, касается единственно человѣка; но и здѣсь необходимо нѣкоторое ограниченіе, ибо и тутъ остается не мало неразрѣшимаго.

Что-же за вопросы предстоитъ разрѣшить намъ?

Если органы нашихъ чувствъ и даже самъ мозгъ представляютъ лишь орудія для образованія феноменальнаго представленія міра, то въ виду этого предъ нами возникаютъ три проблеммы:

1) Какъ образуются эти органы?

На это данъ былъ въ моемъ «Индивидуализмѣ» отвѣтъ такого рода: не безъ формирующаго субъекта.

Мы не будемъ поэтому вдаваться снова въ физіоло-

гическія разъясненія и скажемъ только, что достаточно простаго здраваго смысла для того, чтобы понять, что напр. рука не могла бы быть образована клѣточками, если бы она не дана была раньше въ возможности.

2) Кто-же собственно ощущаетъ?

Такъ какъ клѣточки—ни каждая отдѣльно, ни всѣ въ своей совокупности—не могутъ образовать мыслящаго и самосознающаго субъекта, то таковой долженъ существовать раньше ихъ. Этимъ вопросомъ я занимался въ прежнихъ моихъ сочиненіяхъ, и потому здѣсь могу оставить его въ сторонѣ.

3) Что лежитъ спеціально въ основѣ нашей феноменальной личности?

Этимъ вопросомъ мы здѣсь и займемся. Безспорно, что отвѣтъ на него долженъ начинаться словами: нѣкоторый субъектъ, ибо должно-же существовать нѣчто, формирующее милліарды органическихъ клѣточекъ, мыслящее и ощущающее. Далѣе очевидно, что этотъ образующій, ощущающій, мыслящій и чувствующій субъектъ всегда одинъ и тотъ-же, хотя въ организмѣ все измѣнчиво и преходяще.

Однако необходимо замѣтить, что здѣсь дѣло идетъ не о внутренней сущности этого субъекта, не о томъ, есть-ли онъ монада, воля, безсознательное и т. д., но лишь объ основѣ человѣческаго явленія. Я хочу только разрушить распространенный предразсудокъ, по которому реальность принадлежитъ будто-бы нашей личности, тогда какъ на самомъ дѣлѣ она принадлежитъ лишь тому субъекту, котораго въ моей «Философіи здраваго смысла» я назвалъ «душою», въ «Индивидуализмѣ»—*xy*, а теперь полагаю назвать его лучше всего «мета-организмомъ» или «умопостигаемымъ субъектомъ».

Критика нашихъ ощущеній и нѣкоторые ненормальные способы чувственнаго воззрѣнія значительно помо-

гаютъ намъ въ рѣшеніи поставленныхъ выше вопросовъ.

Если дѣйствія силъ существуютъ вездѣ, и только отъ нашей ощущающей способности зависитъ ихъ воспріятіе; если далѣе доказано, что ощущающее и представляющее «я», есть фантомъ, есть рефлексъ мозговыхъ процессовъ; если, наконецъ, доказано, что возможны ощущенія и безъ нашихъ органовъ чувствъ, ибо въ нашемъ представляющемъ аппаратѣ, въ этой laterna magica нашего интеллекта, существуютъ образы, соотвѣтствующіе реальностямъ, но не образовавшіеся путемъ внѣшнихъ чувствъ,—тогда ясно, что долженъ быть нѣкоторый субъектъ, нуждающійся въ клѣточномъ организмѣ лишь для образованія трехмѣрныхъ человѣческихъ образовъ, а не для того, чтобы вообще ощущать, дѣйствовать и существовать. Ясно, что этотъ субъектъ, какъ и всѣ другіе атомы и атомныя соединенія, долженъ стоять въ постоянномъ взаимодѣйствіи со всѣми другими существами,—взаимодѣйствіи, которое иногда съ помощью механизма нашего мозга отражается, въ формѣ тѣхъ или другихъ образовъ, въ нашемъ сознаніи, но очевидно лишь очень рѣдко столь ясно и отчетливо, чтобы образовать наше дѣйствительное сознаніе.

Поэтому неудивительно, что, когда отецъ, находясь при смерти, думаетъ о своемъ отсутствующемъ сынѣ, дѣятельность души его получаетъ такую интенсивность, что ощущается на разстояніи десятковъ и сотень миль; удивительно лишь то, какимъ образомъ сынъ его видитъ соотвѣтствующій образъ въ своемъ сознаніи, образъ, который не видятъ однако всѣ прочія окружающія его лица.

Пусть не подумаетъ читатель, что мое воззрѣніе представляетъ явленіе исключительное, стоящее совершенно особо отъ другихъ воззрѣній; если оно и отличается отъ

другихъ, то съ другой стороны—mutatis mutandis—оно и совмѣщается съ каждымъ. Что касается индивидуалистическаго направленія, то стоитъ только прочесть сочиненія Дроссбаха, замѣчательнѣйшаго изъ теперешнихъ индивидуалистовъ, чтобы убѣдиться въ этомъ. Что монистическія воззрѣнія Шопенгауэра и Гартмана также съ нимъ совмѣстимы—это ясно, и признано было самимъ Шопенгауэромъ. Въ «Индивидуализмѣ», сравнивая мое относительное воззрѣніе съ другими системами, я показалъ, какъ легко моя теорія примиряется съ любою изъ нихъ; даже древняя Каббала, поскольку она намъ извѣстна, въ основахъ своихъ есть ничто иное какъ индійско-шопенгауэровская философія.

Я изложу ученіе ея нарочно не своими словами, а приведу его, какъ оно передано въ историко-философскомъ словарѣ Ноака.

«Въ общемъ ученіе Каббалы исходитъ изъ стремленія объяснить чувственный міръ изъ «Ensof'а» (безконечнаго или Бога), примирить конечное съ безконечнымъ. Міръ явленій не есть для каббалистовъ продуктъ случайнаго творчества, но самооткрытіе безконечнаго.

«То, что раскрывается въ мірѣ явленій, то въ скрытомъ состояніи находится въ «Ensof'ѣ». Какъ все въ различнѣйшихъ истеченіяхъ, какъ ступеняхъ божественнаго откровенія, истекло изъ безконечнаго, такъ оно должно возвратиться въ него въ постепенномъ процессѣ очищенія, чтобы, ставъ чистымъ свѣтомъ, тѣмъ самымъ соединиться съ первоначальнымъ свѣтомъ божественнымъ.

«Отъ «Ensof'а» до чувственнаго міра путь идетъ чрезъ царство духовъ, представляющее болѣе раннюю ступень самооткровенія Божества, чѣмъ чувственный міръ, и все индивидуальное и частное въ здѣшнемъ мірѣ должно

было, по каббалистическому воззрѣнію, существовать раньше на высшей ступени бытія въ высшей духовной формѣ, въ формѣ ангела. Десять «Zephiroth» или истеченій изъ божественнаго первообраза составляютъ, какъ ступени божественнаго откровенія, четыре міра, какъ-то: «Asiluth» или первообразный, совершеннѣйшій міръ, чуждый измѣнчивости, за нимъ «Beriah» или измѣнчивый міръ, потомъ «Iezirah» или сформованный міръ, и, наконецъ, «Asiah» или міръ живущій и ощущающій...

«Божество является здѣсь прежде всего абстрактнымъ единствомъ, чистымъ безразличіемъ, предшествующимъ единому и открывающимся въ числахъ, какъ основныхъ формахъ бытія; оттого первоначальное божественное единство столь же недоступно разуму, сколь и словесному выраженію; отсюда и требованіе не останавливаться на немъ, но сейчасъ же идти далѣе, ибо и оно само подобно молніи, продолжающейся лишь одно мгновеніе...

«Безконечное хотѣло призвать къ жизни живыя существа, дабы въ нихъ найти объектъ для любви своей. Но это невозможно, ибо изъ единства нельзя вывести множественности, изъ безконечнаго—ничего конечнаго. Лишь посредствомъ истеченія дѣлается это возможнымъ, ибо хотя истекшее есть также нѣчто простое и безконечное, все-таки оно уже ступенью ниже, чѣмъ то первоначало, изъ котораго оно исходитъ, и находится къ нему въ отношеніяхъ сына къ отцу; будучи само по себѣ безконечно, оно по отношенію къ первоначалу становится конечнымъ. Такимъ-то путемъ посредствомъ десяти истеченій, изъ которыхъ предыдущее всегда стоитъ по отношенію къ послѣдующему, какъ истеченіе къ своему источнику, могъ наконецъ образоваться конечный міръ.

«Но въ каждомъ изъ четырехъ міровъ «Zephiroth'ы» тѣ же самые, съ тою только разницею, что въ каждомъ низшемъ мірѣ они непроницаемѣе и сумрачнѣе и менѣе способны къ воспріятію божественнаго свѣта. Въ полномъ отсутствіи этого свѣта заключается зло.

«Какимъ же образомъ проникло зло въ этотъ истекшій изъ божества міръ—это остается невыясненнымъ».

Читатель видитъ, что древняя Каббала не впала въ заблужденіе философіи Шопенгауэра, заключающееся въ томъ, что наше трехмѣрное сознаніе или «я» разсматривается какъ прямая проекція неизвѣстной метафизической величины, причемъ, очевидно, въ данномъ случаѣ совершенно безразлично, называютъ ли ее волей, безсознательнымъ, абсолютнымъ и т. д. Это воззрѣніе согласуется съ моимъ собственнымъ въ томъ, что наше трехмѣрное сознаніе есть нѣчто феноменальное, но за этимъ послѣднимъ Каббала ставитъ какое-то непостижимое и непонятное божество. И если бы дѣйствительно существовали, какъ отдаленнѣйшая основа всякаго бытія, Шопенгауэрова «Воля» или Гартманово «Безсознательное», то умопостигаемый четырехмѣрный міръ былъ бы тогда (кто знаетъ, можетъ быть не непосредственной) проекціей этого всеединаго, а образъ нашего трехмѣрнаго существованія—только сновидѣніемъ умопостигаемаго субъекта. Древняя Каббала вполнѣ права, когда она утверждаетъ, что каждое послѣдующее истеченіе имѣетъ своимъ источникомъ предыдущее, и такъ далѣе до «безконечнаго», до «Ensof'а».

Но въ существованіи умопостигаемаго субъекта дано намъ не только условіе возможности дѣйствія и ощущенія другимъ нечувственнымъ путемъ, но и доказательство дѣйствительности такихъ явленій.

Существованіе метаорганизма не только есть необходимый постулатъ для объясненія человѣческаго орга-

низма, слѣдовательно—человѣческаго бытія и дѣйствія, но есть твердо установленный нашими замѣчательнѣйшими физиками фактъ найденный опытомъ.

Борьба, происходящая между вѣрующею частью человѣчества и матеріалистами по вопросу о безсмертіи нашего существа, съ нашей точки зрѣнія есть чистое недоразумѣніе.

Естествознаніе было совершенно право, когда оно, опираясь на зависимость всей нашей личности отъ организма, видѣло въ вѣрѣ въ безсмертіе этой нашей личности хотя и благочестивое, но совершенно нелогичное желаніе; разъ я уничтожу волшебный фонарь или зеркало, то ужъ конечно отраженный въ нихъ образъ перестанетъ существовать вмѣстѣ съ ними; но поскольку разбитіе зеркала нисколько не трогаетъ существованія тѣхъ объектовъ, которые въ немъ отражаются, постольку и уничтоженіе организма нисколько не касается тѣхъ силъ, которыя его создали. Наши сверхчувственныя, умопостигаемыя или четырехмѣрныя отношенія не прерываются во время жизни, чтобы снова начаться послѣ смерти; какъ до рожденія человѣка, такъ и послѣ смерти его и впродолженіи всей его жизни они длятся непрерывно, точно такъ же какъ взаимоотношенія всѣхъ господствующихъ въ мірѣ силъ; но лишь малая часть, обрывокъ всего этого проникаетъ въ наше сознаніе. Сознаніе, которое мы знаемъ, можетъ возникнуть лишь въ организмѣ, каковымъ мы его знаемъ, и все-таки съ исчезновеніемъ его умопостигаемый субъектъ столь же мало осуждается на безсознательность, сколь мало конецъ сновидѣнія уничтожаетъ мою бодрствующую личность.

Шопенгауэръ, отрицая индивидуальность души, утверждаетъ ея сліяніе съ великимъ метафизическимъ принципомъ, а Дроссбахъ, признавая за душой индивидуаль-

ное существованіе, видитъ въ ней безсознательное существо—силу, которая лишь чрезъ безконечно-долгія промежутки времени приходитъ къ сознанію, если случай опять поставитъ его въ условія человѣческаго бытія. Нельзя, конечно, оспаривать того, что подобно тому какъ капля морской воды путемъ испаренія можетъ попасть въ облако и, оттуда въ формѣ дождя упавъ на землю, быть проглочена дождевымъ червемъ и, наконецъ, благодаря вальдшнепу попасть въ мой организмъ, такъ и всѣ атомы и монады въ безконечномъ теченіи времени могутъ попасть въ условія, подобныя своимъ прежнимъ состояніямъ. Тѣмъ не менѣе въ своемъ «Индивидуализмѣ» я указалъ на всѣ тѣ затрудненія, которыя соединены сь подобнымъ взглядомъ. Есть степень невѣроятности, едва-едва отличающаяся отъ невозможности; какъ воззрѣніе Шопенгауэра, такъ и Дроссбаха ставятъ развитію большія препятствія и сами нисколько не отличаются понятностью, да и съ нѣкоторыми фактами стоятъ они въ неразрѣшимомъ противорѣчіи.

Критическое изслѣдованіе нашихъ ощущеній и нашей личности неизбѣжно заставляетъ насъ полагать въ основѣ нашего организма нѣкоторый «метаорганизмъ». Старое многими излюбленное дѣленіе или различеніе духа, души и тѣла является повидимому предчувствіемъ всего этого; подъ духомъ понимался «умопостигаемый субъектъ»; то, что должно было составлять «душу», было по всей вѣроятности «метаорганизмомъ». Тѣло разсматривалось какъ нѣчто матеріальное, третье,—хотя въ сущности оно есть ничто иное, какъ тотъ же метаорганизмъ, но проявленный въ клѣточкахъ.

Уже то обстоятельство, что нѣкоторые люди безъ глазъ видятъ и безъ ушей слышатъ и даже дѣйствуютъ на разстояніи, говоритъ въ пользу того, что наше зрѣніе, слухъ и вообще ощущенія суть модификаціи одной

и той же способности, именно способности сводить воспринятыя дѣйствія къ ихъ причинамъ. Способъ же воспріятія зависитъ отъ организма, отсюда и заключеніе къ дѣйствующимъ причинамъ можетъ быть весьма различно. Несомнѣнно только одно, что въ основѣ нашего клѣтчатаго организма долженъ находиться нѣкоторый метаорганизмъ, — взглядъ, истинность котораго подтверждается отовсюду.

Американскій професоръ Barnard говоритъ въ своихъ новѣйшихъ «Успѣхахъ науки»:

«Что касается процесса органическаго роста и развитія, ассимиляціи пищи, всасываній, отдѣленій и другихъ физіологическихъ функцій, непрерывно совершающихся въ животной и растительной жизни, то можно не колеблясь принять, что дѣйствующая сила, производящая соотвѣтственныя измѣненія, является извнѣ, и что сами эти измѣненія представляютъ собою точные эквиваленты приложенной силы. Возьмемъ, напримѣръ, растеніе. Его пищу составляетъ углеродъ, получаемый изъ углекислоты воды, которую извлекаетъ оно изъ земли или изъ окружающаго воздуха. Сила, разлагающая это очень прочное соединеніе, освобождающая углеродъ для его соединенія съ растеніемъ, доставляется при посредствѣ солнечныхъ лучей. Въ равнозначительности обѣихъ силъ не можетъ быть сомнѣнія, и столь же мало нужно намъ призывать на помощь нѣкоторую специіальную силу подъ именемъ жизненной съ тѣмъ, чтобы извѣстную часть измѣненія приписать и ея вліянію. И все-таки несомнѣнно здѣсь есть нѣчто большее, чѣмъ простое скопленіе веществъ подъ вліяніемъ солнца. Если бы жизненнаго принципа не заключалось въ растеніи, тогда не было-бы и всего этого процесса. Углекислота можетъ быть на лицо, растительная ткань точно также, и все таки лучи солнца будутъ безплодно

играть на мертвомъ матеріалѣ, не вызывая никакого дѣйствія».

«Жизненный принципъ, слѣдовательно, есть нѣчто такое, что обусловливаетъ ростъ растенія. Я не хочу называть его силой—я считаю ложнымъ выраженіе: жизненная сила—ибо ничего не совершается безъ присутствія еще другихъ силъ, равно важныхъ и необходимыхъ; но я говорю, что, чѣмъ бы онъ ни былъ, его присутствіе необходимо для совершенія работы, и при его отсутствіи работа останавливается. Еще болѣе: я говорю, что силы, обусловливающія возможность роста, не только не въ состояніи продолжать свое дѣло съ прекращеніемъ жизни растенія, но что никакое соединеніе силъ, вліяній или веществъ, которое только въ состояніи произвести человѣческое умѣнье, никогда не воспроизведетъ даже листка простѣйшаго растенія или стебля ничтожнѣйшей травинки, а между тѣмъ природа съ помощью жизненнаго принципа производитъ ихъ каждое лѣто неисчислимое количество милліоновъ».

Объ этомъ, впрочемъ, совершенно опредѣленно и въ тѣхъ же выраженіяхъ говорилъ еще Кантъ: весь космическій міръ, но ни одного червяка—безъ намѣренія!

«Предположимъ, что всѣ вещества, образующія землю, въ своей элементарной формѣ были бы собраны въ одну кучу; тогда было бы возможно, что при первомъ дѣйствіи сродства возникли бы нѣкоторыя слабыя соединенія; но въ то же время совершенно несомнѣнно, что они должны бы были смѣниться болѣе прочными соединеніями, пока наконецъ все не объединится въ формы, обладающія абсолютнымъ максимумомъ постоянства, если только процессъ внезапно не прекратится вслѣдствіе окаменѣнія массы, при которомъ дальнѣйшее движеніе сдѣлается невозможнымъ. Однако въ соединеніяхъ, возникающихъ въ продолженіи роста животныхъ и растеній, мы замѣ-

чаемъ явленіе какъ разъ противоположное этому процессу, именно, мы замѣчаемъ постепенное возвышеніе сложности, замѣну болѣе прочныхъ соединеній болѣе слабыми, постоянныхъ измѣнчивыми. И животныя соединенія, т. е. образующіяся тамъ, гдѣ имѣетъ мѣсто высшій типъ жизни, обыкновенно бываетъ гораздо непостояннѣе растительныхъ. Присутствіе жизненнаго принципа въ организованныхъ тѣлахъ побуждаетъ въ то же время физическія силы, обусловливающія измѣненія въ этихъ тѣлахъ, обнаруживать свою дѣятельность въ такомъ направленіи, въ которомъ онѣ являются бездѣятельными, если оно отсутствуетъ. Свѣтъ и физическое сродство, напримѣръ, смѣняютъ въ растеніи другъ друга. Свѣтъ исчезаетъ и при исчезновеніи онъ пробуждаетъ къ дѣятельности силу сродства. Но для пробужденія этого она нуждается въ нѣкоторомъ опредѣленномъ вліяніи, которое она и находитъ въ постоянномъ присутствіи жизненнаго принципа».

«Справедливо замѣчаетъ Либихъ: «Элементарный химическій анализъ не даетъ ни малѣйшей опоры для обсужденія или объясненія свойствъ органическихъ соединеній. Химически домъ состоитъ, что касается своего строеваго матеріала, изъ силиція, кислорода, алюминія, кальція, небольшаго количества желѣза, свинца и мѣди, изъ углерода и элементовъ воды. Но если бы кто нибудь вздумалъ утверждать, что домъ образовался самъ собою, игрою силъ природы, случайно соединившихся и распредѣлившихъ элементы въ форму дома, потому будто бы, что части его состоятъ изъ этихъ именно элементовъ, которые вслѣдствіе химическаго сродства держатся другъ около друга, а вслѣдствіе силы сцѣпленія достигаютъ извѣстной плотности,—что слѣдовательно химическія и физическія силы являются здѣсь причиной, ибо онѣ обнаруживаются тутъ опредѣлен-

нымъ образомъ — , то утверждающій все это подвергся бы осмѣянію. А между тѣмъ, если мы возьмемъ растенія, то въ любомъ изъ нихъ, какъ въ строеніи, такъ и въ развитіи, мы замѣчаемъ, что вещества слагаются въ такія тонкія и правильныя формы и въ такомъ порядкѣ, который превосходитъ все, что мы наблюдаемъ въ устройствѣ дома. Мы не замѣчаемъ, правда, силы, овладѣвающей противящимся ей матеріаломъ и заставляющей его слагаться именно въ эти формы и именно въ этомъ порядкѣ; но нашъ разумъ признаетъ, что въ живомъ тѣлѣ заключается нѣкоторая причина, управляющая химическими и физическими силами и слагающая ихъ въ формы, которыя внѣ организма никѣмъ и никогда замѣчаемы не были».

Въ пользу всего этого говорятъ почти всѣ выдающіеся старые физіологи: Іоганнъ Мюллеръ, Бишофъ, Бурмейстеръ, К. Людвигъ и т. д.; только поверхностные, лишь модѣ поклоняющіеся натуралисты á la Бюхнеръ и Фогтъ представляютъ изъ этого исключеніе.

Въ моемъ «Индивидуализмѣ» я доказалъ необходимость такой пребывающей основы человѣческаго явленія на основаніи біологическихъ и философскихъ изслѣдованій. Съ другой стороны, вопросъ о происхожденіи нашихъ ощущеній и представленій точно также приводитъ насъ къ выводу, что все наше представленіе о мірѣ, *включая наше собственное* «я», чисто феноменальной природы, и что въ основаніи этого «я» съ его организмомъ лежитъ нѣкоторый субъектъ со своимъ метаорганизмомъ; въ основѣ міра нашего представленія—другой не феноменальный, не чувственный, слѣдовательно *умопостигаемый* міръ. Только благодаря этому положенію нашъ міръ становится объяснимъ и понятенъ.

Великій математикъ Гауссъ, хотя и не имѣлъ

фактическихъ данныхъ для утвержденія существованія другаго міра, тѣмъ не менѣе сознавалъ необходимость рядомъ съ этимъ матеріальнымъ міромъ признавать другой, духовный? Выраженія «матеріальный» и «духовный» я не считаю удачными; но мы можемъ говорить о мірѣ, представляемомъ нами, и о мірѣ дѣйствительномъ, о трехмѣрномъ образѣ и о четырех—и *n*-мѣрной основѣ. Къ первому принадлежитъ также и наша личность, ко второй—такъ называемый субъектъ.

Читатель легко замѣтитъ, что касается первой половины моего воззрѣнія, именно что «міръ есть мое представленіе»—мое полное сродство съ Шопенгауэромъ; между тѣмъ въ дальнѣйшемъ я принужденъ разойтись съ нимъ, и полагать между міромъ нашего представленія и великимъ принципомъ Шопенгауэра свой относительный индивидуализмъ, возвращаясь этимъ къ воззрѣнію Канта.

Профессоръ Робертъ Циммерманъ сдѣлалъ въ своей брошюрѣ «Kant und Spiritismus» (1879 г.) сопоставленіе, изъ котораго мы видимъ, что Кантъ еще раньше извѣстныхъ видѣній Сведенборга имѣлъ воззрѣніе на міръ и на природу, вполнѣ соотвѣтствующее выставленному здѣсь понятію о метаорганизмѣ, какъ основѣ человѣческаго явленія. Я выпишу поэтому дословно нѣкоторыя разъясненія Циммермана, который своею брошюрою доказываетъ, что тотъ неправильно понимаетъ Канта, кто думаетъ, что разсказы о Сведенборгѣ послужили поводомъ къ его «Грезамъ метафизики». Напротивъ, уже въ первыхъ трудахъ своихъ Кантъ высказываетъ тѣ же мнѣнія.

Въ разсказахъ о Сведенборгѣ Кантъ находитъ лишь подтвержденіе своихъ прежнихъ взглядовъ. И если позднѣе онъ очень рѣзко отзывался о Сведенборгѣ, то это естественно объясняется тѣмъ, что онъ ознакомился съ его сочиненіями, которыя, какъ и всѣ продукты безсо-

знательнаго писанія, исполнены всяческихъ нелѣпостей. Онъ испыталъ здѣсь то же, что многіе другіе въ томъ числѣ и я—при чтеніи спиритическихъ откровеній! Да не подумаетъ читатель, что нижеслѣдующія воззрѣнія Канта взяты всецѣло изъ тѣхъ главъ, которыя посвящены «Грезамъ метафизики». Самое важное Кантъ присовокупилъ въ заключеніи къ своей естественной исторіи неба.

Профессоръ Циммерманъ пишетъ:

«Сославшись на то, что мы не знаемъ даже, что̀ такое человѣкъ въ дѣйствительности, и что вслѣдствіе этого мы тѣмъ менѣе можемъ предугадать, чѣмъ мы должны быть впослѣдствіи, Кантъ задается вопросомъ: останется ли «безсмертная» душа во всей безконечности ея будущей жизни, которая даже смертью не прерывается, а лишь измѣняетъ свою форму, прикрѣпленной къ этому пункту міроваго пространства, къ нашей землѣ? Если нѣтъ, то ей предстоитъ различный выборъ. Она можетъ или избрать себѣ мѣсто жительства внутри вселенной на какомъ-нибудь другомъ небесномъ тѣлѣ, или въ одинъ полетъ вознестись надо всѣмъ конечнымъ и такимъ образомъ покинуть не только этотъ, но и всякій пространственный міръ, о сколькихъ бы измѣреніяхъ онъ ни былъ...

«Если мы неспособны даже представить себѣ пространство состоящимъ болѣе чѣмъ изъ трехъ измѣреній, ибо наша душа «также» получаетъ свои впечатлѣнія по закону обратной пропорціальности квадрату разстояній, каковой законъ и есть причина этой трехмѣрности, то тѣмъ болѣе должны мы быть неспособны къ представленію безпространственнаго міра. Но если міръ о трехъ измѣреніяхъ можетъ быть понятъ лишь трехмѣрнымъ-же существомъ, то и безпространственный міръ равнымъ образомъ можетъ быть постигнутъ безпространственнымъ-же разумомъ. Міръ духовъ, въ который вступаетъ, по удаленіи всего конечнаго, нашъ духъ, долженъ поэтому

до тѣхъ поръ оставаться недоступнымъ всякому (не только нашему человѣческому) познанію, пока это послѣднее находится въ стѣснительныхъ условіяхъ пространственнаго міра.

«Отсюда слѣдуетъ, что попытки проникнуть человѣческою познавательною способностью въ міръ духовъ должны являться столь же безполезными, сколь и излишними. Первое условіе ихъ—вѣра въ возможность, даже въ высшую вѣроятность существованія безпространственныхъ духовъ—существовало и у Канта. Но вмѣстѣ съ этимъ въ немъ была увѣренность, что познаніе этого міра невозможно въ нашемъ подчиненномъ условіямъ пространства бытіи; за исключеніемъ впрочемъ одного едва возможнаго случая, именно, что, впродолженіи бытія души въ условіяхъ пространственности, она находится въ то же время въ связи съ безпространственными духами и что съ тѣмъ, что присуще ей, какъ существу пространственному, она соединяетъ въ своей познавательной способности такого рода свойства, коими обладаютъ только безпространственныя интеллигенціи.

«Того вывода, который дѣлается матеріализмомъ, отрицающимъ существованіе невещественнаго, Кантъ дѣлать не хотѣлъ. Если ему была не по душѣ идея оптимистовъ, что этотъ міръ есть міръ наилучшій, то столь же не по душѣ было для него и матеріалистическое воззрѣніе, что вещественный міръ представляетъ собою весь міръ. Въ томъ случаѣ, если этотъ трехмѣрный міръ единственный, тогда должна пасть и надежда на продолженіе жизни безсмертнаго духа въ мірѣ иныхъ пространственныхъ отношеній, и если физическій міръ есть весь міръ, тогда теряется надежда на дальнѣйшее существованіе въ нѣкоторомъ «болѣе высокомъ» состояніи (свободномъ отъ пространства и матеріи). Этотъ выводъ, что

существуетъ нѣчто невещественное, Кантъ долженъ былъ-бы сдѣлать лишь въ томъ случаѣ, если бы передъ нимъ были фактически достовѣрныя явленія, необъяснимыя при исключительномъ признаніи однихъ физическихъ силъ и законовъ. Признаніе бытія невещественнаго, обусловленное у Канта естественною склонностью, точно такъ же какъ признаніе множественности міровъ, вытекавшее изъ его надежды на будущую жизнь, должно было до тѣхъ поръ оставаться проблемматическимъ, пока несомнѣнные факты не заставили бы сдѣлать необходимое заключеніе къ одному и другому.

«Такъ какъ человѣкъ, какъ познающее существо этого міра, и самъ существуетъ въ пространствѣ, то онъ долженъ или отказаться отъ опытнаго воспріятія того, что не существуетъ въ пространствѣ (что духовно), или представить доказательства въ пользу того, что человѣкъ одновременно существуетъ и въ пространствѣ и внѣ пространства. А это было бы доказано лишь тогда, когда было бы выяснено, что существуютъ «прозорливцы», т. е. люди, обладающіе въ продолженіе своего (пространственнаго) существованія способностью познавать безпространственное и невещественное, подобно тому какъ она присуща духамъ, т. е. разумнымъ существамъ, свободнымъ отъ пространства и матеріи. Поэтому бытіе существъ, соотвѣтствующихъ понятію духа, можетъ быть доказано лишь фактомъ существованія какого либо «прозорливца».

«Могутъ ли, кромѣ дѣйствующихъ въ мірѣ нематеріальныхъ существъ (душъ), существовать еще другія, не воплощенныя въ этомъ мірѣ, и могутъ ли эти нематеріальныя существа, дѣйствующія въ мірѣ органически, т. е. посредствомъ тѣлесныхъ орудій, вліять на этотъ міръ инымъ путемъ, безъ посредства тѣлесныхъ орудій, слѣдовательно путемъ чисто

«духовнымъ», — это остается открытымъ вопросомъ, который не можетъ быть разрѣшенъ такъ, какъ дѣлаемъ это мы при рѣшеніи вопроса о существованіи органическихъ жизненныхъ принциповъ, именно—чрезъ вѣроятное заключеніе отъ факта жизненныхъ явленій, но можетъ разрѣшиться или сверхэмпирическимъ опытомъ, или усмотрѣніемъ «чистаго разума».

И такъ Кантъ совершенно ясно признаетъ, что до тѣхъ поръ, пока мы не имѣемъ въ опытѣ данныхъ, образующихъ матеріалъ для дальнѣйшихъ выводовъ, мы должны смотрѣть на воплощеніе въ человѣческомъ явленіи нѣкотораго духовнаго, одареннаго иными способами ощущенія, существа во всякомъ случаѣ какъ на разумное и естественное сновидѣніе. Онъ совершенно ясно высказывается объ этомъ: «Тутъ—одинъ и тотъ же субъектъ, одновременно входящій членомъ какъ въ видимый міръ, такъ и въ невидимый, но не одна и та же личность; ибо представленія одного, вслѣдствіе различія свойствъ ихъ, не составляютъ сопутствующихъ идей другаго; оттого я, какъ человѣкъ, не въ состояніи запомнить того, что я думаю какъ духъ, и наоборотъ, мое состояніе какъ человѣка совершенно не входитъ въ представленіе меня какъ духа».

Профессоръ Циммерманъ при этомъ замѣчаетъ: «Кантъ самъ разъясняетъ эту двойственность бытія одного и того-же существа въ формѣ человѣческой «души» и «духа», извѣстнаго рода двойственностью личности, которая присуща душѣ въ предѣлахъ этой жизни».

Рѣзкое разграниченіе, проводимое Кантомъ между матеріей и духомъ, вполнѣ естественно вытекаетъ изъ тогдашнихъ взглядовъ на матерію; по моему воззрѣнію, вмѣсто «оковъ матеріи» слѣдовало бы говорить объ оковахъ клѣточнаго организма, который иногда даетъ невѣрные образы того, что происходитъ

въ мірѣ. Это взглядъ, высказанный еще Сократомъ (Федонъ).

Такъ настроенъ былъ Кантъ въ то время какъ онъ получилъ извѣстіе о необыкновенныхъ явленіяхъ у Сведенборга, которыя однако совершенно блѣднѣютъ передъ тѣмъ, что въ этомъ родѣ извѣстно намъ въ настоящее время. Если Кантъ въ этихъ необыкновенныхъ способахъ ощущенія, имѣвшихъ мѣсто у живаго человѣка, видѣлъ данныя для заключенія о «невещественной» природѣ души, то наши теперешнія данныя, въ родѣ явленія видимыхъ и осязаемыхъ человѣческихъ формъ, быстро исчезающихъ, но оставляющихъ слѣды своего прикосновенія, должны повести лишь къ заключенію, что понятія—духъ, душа, жизненный принципъ — совпадаютъ съ понятіямъ умопостигаемаго субъекта и его метаорганизма, такъ какъ въ двойственности природы человѣка, т. е. въ проявленіи нѣкотораго потенціально въ клѣточкахъ, существующаго организма съ цѣлью образованія человѣческой формы сознанія, сомнѣнія быть не можетъ. Что касается Канта, то онъ никогда и не сомнѣвался въ этомъ, считая человѣка (см. Grundlage zur Metaphysik der Sitten) «членомъ умопостигаемаго міра» и въ то же время «членомъ чувственнаго міра», изъ каковой двойственности положенія человѣка онъ выводилъ существующее въ каждомъ изъ насъ чувство долга. Онъ полагалъ, что какъ умопостигаемыя существа, мы поступаемъ постоянно соотвѣтственно разуму, а какъ существа чувственныя, мы не можемъ подлежать отвѣтственности, ибо всегда опредѣляемся слѣпою необходимостью, и что чувство долга коренится въ насъ вслѣдствіе этой двойственности нашего положенія.

Въ этой главѣ хотѣли мы доказать существованіе въ насъ нѣкоего умопостигаемаго субъекта, и необходимость его выяснилась для насъ со всею опредѣлен-

ностью. Безъ такого субъекта невозможны (см. «Индивидуализмъ») ни возникновеніе, ни развитіе, ни функція организмовъ; безъ него было бы немыслимо чувственное воспріятіе всѣхъ людей и сверхчувственное воспріятіе нѣкоторыхъ особыхъ индивидуумовъ. Наконецъ и цѣлый рядъ фактовъ говоритъ также о реальности умопостигаемыхъ существъ и ихъ тождественности съ нами.

Съ принятіемъ умопостигаемаго субъекта исчезаютъ всѣ указанныя выше затрудненія и загадки, и все находитъ свое истинное объясненіе. За исключеніемъ наивнаго матеріализма, всѣ мыслители склонялись къ этому предположенію; они расходились только въ представленіи таковаго субъекта (отъ «монады» Лейбница до «безсознательнаго» Гартмана).

Кантъ представляетъ собою мыслителя, коего взгляды въ этомъ отношеніи и черезъ сто лѣтъ остались нетронутыми, болѣе того—въ большинствѣ случаевъ подтвержденными. Онъ ограничивался различеніемъ «вещи о себѣ» и «феноменальнаго явленія» и выставилъ двойственность природы человѣка—въ виду недостаточности достовѣрныхъ наблюденій надъ анормальными организаціями—лишь какъ разумную грезу метафизики. Была ли его увѣренность въ этихъ вопросахъ болѣе твердой и опредѣленной, чѣмъ его осторожный способъ выраженія—кто знаетъ это?!

Слѣдуя прекрасному примѣру Канта, я не позволю себѣ высказывать рѣшительное сужденіе о природѣ и причинѣ этого умопостигаемаго субъекта, какъ дѣлали это вышеупомянутые философы; я довольствуюсь лишь указаніемъ на тѣ его свойства, существованіе которыхъ имѣетъ за собою твердыя основанія.

Умопостигаемый субъектъ имѣетъ реальное существованіе, и вся наша личность, все наше человѣческое «я» есть лишь отраженный въ мозгу образъ дѣятельности

этого субъекта. Во время сна и состоянія безсознательности наша феноменальная машина прекращаетъ свое дѣйствіе, между тѣмъ какъ дѣятельность умопостигаемаго субъекта продолжается безостановочно; онъ дѣятеленъ уже въ новорожденномъ ребенкѣ въ то время, когда еще нѣтъ и слѣда его эмпирическаго «я», которое развивается лишь со временемъ и въ нѣкоторыхъ экземплярахъ, въ родѣ финансистовъ и бюрократовъ, особенно же у оффиціальныхъ жрецовъ науки, нерѣдко обращается въ каррикатуру самохвальства и надутости.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 061795941